ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДЖЭКА ЛОНДОНА

ТОМ III КНИГИ 5—6

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

РОМАН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
М. М. КЛЕЧКОВСКОГО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“
МОСКВА — 1928

JACK LONDON

ADVENTURE

Jack London

1876 · 1916

ОБЛОЖКА А. МОГИЛЕВСКОГО

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
ПИМЕНОВСКАЯ, 16, В КОЛИЧ.
62.000 экз. ГЛАВЛИТ № А—8969
1928

ГЛАВА I

На что-нибудь надо решиться

Бледнолицый человек был болен. Он сидел верхом на плечах у косматого дикаря. Отвислые уши чернокожего были пробиты насквозь. На одном из них висело серьгой деревянное кольцо трех дюймов в диаметре, а мочка другого была изорвана, поэтому второе отверстие, просверленное выше первого, было поуже, и в нем могла поместиться всего только небольшая глиняная трубка.

Двуногий конь лоснился от грязи; весь костюм его состоял из узенькой грязной повязки на бедрах—и только.

Белый всадник старался сидеть прямо и крепился изо всех сил, но порою от слабости голова его невольно валилась на сторону и опускалась, как на подушку, на косматую гриву чернокожего дикаря. Потом опять он поднимал голову кверху и помутневшими глазами смотрел на верхушки кокосовых пальм, чуть заметно покачивавшиеся в знойном, раскаленном воздухе.

Стан белого прикрывала кисейная рубашка и кусок бумажной материи, спускавшейся от талии до колен. На голове красовалась помятая шляпа «Стэтсон», иначе называемая «Баден-Пауэль». Автоматический пистолет большого калибра и несколько запасных обойм с патронами висели на поясе.

Сзади плелся черномазый мальчишка лет четырнадцати или пятнадцати, нагруженный всевозможными лекарствами, пузырьками и медицинскими принадлежностями и тащивший ведро кипяченой воды.

Они вышли из ограды усадьбы через небольшую плетеную калитку и продолжали путь под прямыми лучами палящего солнца. Молодые посадки кокосовых пальм, между которыми они теперь пробирались, еще не могли давать тени. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка; тяжелый раскаленный воздух дышал миазмами. С той стороны, куда они направлялись, доносился дикий вопль, похожий на плач и скрежет несчастных душ, терзаемых пыткой.

Впереди обозначился длинный низкий сарай с тростниковыми стенами и соломенной крышей, откуда исходил этот вой и эти стоны, вызываемые тягостным томлением и нестерпимыми муками.

По мере приближения к бараку белый господин начинал различать более тихие непрерывные стенанья и вздохи. Его лицо исказилось при мысли о том, что ему надлежало туда войти, и он почувствовал головокружение, близкое к обмороку. Берандскую плантацию поразил злейший бич Соломоновых островов [1]—дизентерия, и хозяину плантации приходилось бороться с этим страшным врагом одному. А между тем он и сам уже подвергся заразе.

Продолжая восседать на спине чернокожего и пригнувшись пониже, белый всадник приказал ему войти в низкую дверь. Переступив через порог, он выхватил у сопровождавшего его мальчугана пузырек нашатырного спирта и поднес его к лицу, чтобы очнуться и получше приготовиться к предстоящему испытанию. После того он скомандовал: «смирно», и больные сразу замолкли.

Во всю длину барака тянулись слегка покатые досчатые нары футов [2]) в шесть ширины. Узкий проход отделял этот помост от стены. На нем лежали вповалку, плечом к плечу, чернокожие пациенты. Их было десятка два. С первого взгляда бросалось в глаза, что люди эти принадлежат к самым низшим расам. Они были людоедами. Неправильные черты лица и уродливые члены придавали им некоторое сходство с обезьянами.

Безобразные фигуры чернокожих пестрели разноцветными ракушками, багрянками [3]), продетыми через кончик носа, проволочными усиками с нанизанными на них бусами. Просверленные в ушах дырки были сильно разворочены и приспособлены к ношению всевозможных деревянных бирюлек, трубочек и прочих варварских украшений. Тела и лица у них были иссечены и татуированы разными отвратительными рисунками. Больные лежали совершенно голые, скинув с себя даже набедренные повязки, но все же не расставались со своими браслетами из раковин, бисерными ожерельями и ременными поясами с заткнутыми за них набедренными повязками, прилегавшими непосредственно к голому телу.

У большинства больных кожа была покрыта гноившимися болячками. Мухи тучей кружились над ними, и то садились, прилипая к болячкам, то опять отлетали.

Белый человек произвел обход и каждому больному дал лекарства. Кое-кому отпустил хлородина. Он всячески старался припомнить,

---

[1]) Соломоновы острова (называются также архипелагом Новой Георгии) расположены в Тихом океане между 5°—11° южн. шир. и 154° 40′ и 162°30′ вост. долг. от Гринвича. Архипелаг состоит из семи больших и множества малых островов.

[2]) Английский фут = 0,30479 *м.*

[3]) Багрянки — род моллюсков, имеющих заостренную овальную полосатую раковину.

кому можно дать ипекакуану [1]) и кому из них были не под силу приемы этого сильно действующего средства.

Один дикарь лежал без дыхания; плантатор распорядился убрать его труп. Белый человек отдавал приказания резким, повелительным голосом, не допускающим никаких возражений, и здоровые слуги злобно хмурились, исполняя его приказания. Один из них заворчал что-то, неохотно вытаскивая покойника за ноги. Белый человек вспыхнул, выругался и, хотя ему стоило огромного напряжения, замахнулся и ударил ворчуна по губам.

— Ты что там бормочешь, Ангара?—окрысился он.—Будешь у меня разговаривать, а? Ужо я выколочу из тебя эту дурь, погоди!

Чернокожий присел, как зверь, готовый кинуться на врага. Зловещая искра мелькнула в его глазах; но господин держал в руке рукоятку револьвера, и туземец не отважился на прыжок. Напряжение мускулов его ослабело и, покорно склонившись над трупом, он помог его вынести.

— Свиньи,—процедил хозяин сквозь зубы, относя это замечание ко всем туземцам Соломоновых островов.

Он был сильно болен, этот белый человек, и страдал той же самой болезнью, как и эти жалкие, беспомощные людоеды, которых он лечил. Каждый раз, переступая порог зловонного барака, он сомневался в возможности выдержать обход до конца. Но нисколько не сомневался в том, что, случись ему в этом месте потерять на минуту сознание, чернокожие пациенты, кто только в силах, накинутся на него и растерзают, как алчные волки.

Один из них умирал. Он распорядился убрать его, как только умирающий испустит последний вздох. В наружную дверь просунулся чернокожий и доложил:

— Заболело еще четыре фелла [2]).

Говорившего окружали вновь заболевшие, еле державшиеся на ногах. Белый господин отрядил наиболее слабого из них на то место, откуда только-что убрали покойника.

Другому, тоже слабому, приказал дожидаться, пока для него освободится постель умирающего. Потом он послал одного из здоровых чернокожих за полевыми работниками, приказав ему сделать пристройку к баракам, а сам продолжал свой обход, отпуская лекарства и обращаясь к больным с шутливыми замечаниями для поддержания душевной бодрости страждущих. Порою в отдаленном уголке

---

[1]) Хлородин — болеутоляющее средство. Ипекакуана — корень растения („цефелиса“), распространенного в тропических странах; этот корень тоже употребляется в медицине (отхаркивающее и для других целей).

[2]) „Фелла“ — человек; употребляется и при обращении, как „сударь“.

сарая раздавались чьи-то горькие жалобы. Добравшись до этого угла, он увидел, что жалобы испускал здоровый мальчишка. Белый человек вспыхнул, как порох.

— Что ты тут распеваешь?—заорал он.

— Этот фелла—мой брат,—отвечал мальчуган.—Много фелла умирают.

— Ты причитаешь над братом? Вот я те задам, толстомордый! Цыц, говорят тебе, перестань! Ты его заживо отпеваешь, дурацкая ты башка! Замолчи, или я тебя выброшу.—Он погрозил ему кулаком, и черномазый мальчишка притаился, сверкая белками.

— Нечего кудахтать,—продолжал белый человек, примирительным тоном.—Чем нюни распускать, отгонял бы от брата мух. Смотри, как его облепили. Да принеси воды и обмой его, братишку-то своего. Обмой как следует, и он тебе скажет спасибо. Ну, поворачивайся!—прикрикнул он под конец, и воля его магнетически подействовала на слабый ум дикаря: мальчик выпрямился и принялся отгонять рой отвратительных мух, летавших над телом страдальца.

Белый всадник очутился снова под лучами палящего солнца.

Он крепко уцепился за шею двуногого коня своего и вздохнул полной грудью; но знойный воздух, казалось, обжигал его легкие; он свесил голову и погрузился в полузабытье. Очнулся он, только добравшись до дому. Малейшее усилие причиняло большие мучения, но ему все время приходилось делать эти усилия. Он поднес своему вознице стаканчик виски. Камердинер Вайсбери притащил раствор сулемы, и он тщательно обтерся дезинфицирующей жидкостью. Потом проглотил порцию хлородина, пощупал сам себе пульс, поставил себе термометр и повалился на постель с подавленным стоном. Время было не позднее, а он уже за этот день успел совершить три обхода. Он кликнул слугу.

— Поставь-ка трубку да погляди, не видать ли там «Джесси»?

Слуга вынес на веранду длинную подзорную трубку и принялся обыскивать море.

— Там, фелла, шхуна, далеко-далеко. Там, фелла, «Джесси»,—объявил он.

У больного плантатора отлегло от сердца.

— Коли это «Джесси», получишь от меня пять пачек табаку,—промолвил он.

Водворилось молчание. Больной насторожился. Спустя некоторое время слуга нерешительно произнес:

— Может, «Джесси», может, другой, фелла, шхуна.

Хозяин свалился с кровати, дополз на коленях до стула. Ухватившись за его спинку, он приподнялся. Опираясь все время на стул и продвигая понемногу его вперед, он осилил расстояние до веранды.

От напряжения пот градом катился с его лица и рубашка промокла. Кое-как добравшись до кресла, он опустился в него в состоянии полного изнеможения, но минуту спустя привстал и взялся за трубку. Слуга положил конец подзорной трубы на перила веранды, и хозяин уставился на море. Вскоре он уловил в поле зрения белые паруса и начал пристально разглядывать шхуну.

— Нет, это не «Джесси»,—произнес он совершенно спокойно.— Это «Молекула».

Он поднялся с кресла и пересел в качалку. Дом стоял в трехстах футах от берега моря, где пенились небольшие волны. С левой стороны виднелась белая линия прибоя, отмечающая устье реки Бэйльсуны, а за нею выступали суровые очертания острова Сэйво. Прямо впереди, за проливом с дюжину миль шириной, возвышался остров Флорида; а с правой стороны на огромном расстоянии отсюда в туманной дали маячили чуть заметными точками берега Малаиты [1])— дикого острова, притона разбоя, грабежа и людоедства, родины тех самых двухсот рабочих рук, которых завербовала для себя Берандская плантация. Между домом и морем параллельно береговой линии шла тростниковая ограда поместья. Ворота стояли настежь открытые, и хозяин велел прислужнику запереть их. По сю сторону частокола, внутри усадьбы, росло много кокосовых пальм. В конце дорожки, проложенной к воротам, с обеих сторон высились флагштоки, поставленные на искусственных холмиках, футов в десять вышиною. Вокруг основания каждого флагштока вкопаны были короткие поддерживающие его столбики, выкрашенные в белый цвет и туго обмотанные тяжелой цепью. Флагштоки походили на мачты: они убраны были по-настоящему: на них красовались ванты, выбленки, гафеля и фалы [2]). На одном из гафелей вывешены были два ярких флага: один—в роде шахматной доски с белыми и синими клетками, а другой—в виде белого вымпела с красным диском посередине. Согласно правилам международного морского устава, этот сигнал давал знать о беде.

В отдельном уголке усадьбы сидел нахохлившись ручной сокол.

Белый человек посмотрел на птицу и подумал, похоже ли его самочувствие на ощущения сокола, и улыбнулся при мысли о сродстве между человеком и птицей. Он встал с качалки и распорядился ударить в большой колокол, возвещавший работникам плантации об окончании дневных трудов и о возвращении с полей в шалаши. Спустя

---

[1]) Малаита — второй по величине из Соломоновых островов, отделен проливом Индиспенсабль от острова Изабеллы.

[2]) Ванты — снасти, укрепляющие мачты с боков. Гафеля — наклонные деревья, упирающиеся нижним концом в мачту. Фалы — снасти, поднимающие паруса (или флаг).

некоторое время он опять оседлал человека-коня и отправился совершать свой последний обход.

В барак привели двух вновь заболевших. Он заставил их принять касторового масла и поздравил себя: день выдался легкий—умерло всего только трое; осмотрев мимоходом сушильню для копры [1]), где еще продолжалась работа, он обошел жилища своих рабочих, чтобы посмотреть, не скрываются ли там больные, которых велено было тотчас же подвергать изоляции. Возвратившись домой, он выслушал доклады своих приказчиков и отдал необходимые распоряжения на завтрашний день. Лодочников он отправил в дом на ночевку, как это всегда было принято делать из осторожности, после того как вельботы [2]) вытащены из воды и поставлены под замок. Предосторожность нелишняя, ибо на чернокожих нельзя было положиться, и если оставить вельбот вечером на берегу, то на следующее утро не досчитаешься человек двадцати. С тех пор, как доставка каждого чернокожего на плантацию стала обходиться хозяину в тридцать долларов или около того, смотря по тому, на какой срок он был завербован, на бюджете Берандской плантации тяжело отзывалась потеря в людях. Кроме того, и вельботы стоят недешево на Соломоновых островах. Участившаяся смертность ежедневно сокращала оборотный капитал. С неделю тому назад семеро туземцев сбежали в лесные дебри; четверо беглецов вернулись изнуренные до-нельзя лихорадкой и сообщили, что двоих товарищей зарезали и сожрали гостеприимные лесовики, а седьмой все еще бродит недалеко от берега и высматривает, как бы украсть челнок или лодку и отправиться в ней к себе на родину.

Вайсбери принес показать хозяину пару зажженных фонарей. Белый человек осмотрел их и, удостоверившись, что они горят хорошо, широким, ярким пламенем, одобрительно кивнул головой.

Один фонарь подвесили на гафель флагштока, а другой оставили на открытой веранде. Фонари эти служили путеводными огнями для судов, прибывавших в Беранду. Их зажигали, осматривали и вывешивали ежедневно по вечерам в течение круглого года.

Отделавшись, наконец, от всех дневных забот и попечений, белый человек вздохнул с облегчением и повалился, как сноп, на кровать. Возле него лежали ружье и револьвер. Целый час он пролежал неподвижно, в состоянии полудремоты, полулетаргии. И вдруг очнулся. Что-то хрустнуло на веранде. Помещение имело вид буквы «L»; угол

[1]) Копра — название ядра кокосового дерева, очищенного от скорлупы, истолченного и высушенного на солнце. Служит для добывания кокосового масла.

[2]) Вельбот — узкая и длинная шлюпка, имеющая острый нос и такую же корму.

комнаты, в котором стояла его кровать, погружен был во мрак; хотя за углом, в конце длинного коридора, ярко горела лампа, висевшая над биллиардом, но свет ее не проникал сюда. Веранда также была освещена. Он притаился и выжидал, что будет дальше. Скрип повторился несколько раз, и он догадался, что на веранду взобралось несколько человек.

— Кто там?!—крикнул он что есть мочи.

Дом, возведенный на сваях в двенадцать футов высоты, весь зашатался от топота удирающих посетителей.

— Они становятся чересчур дерзкими,—пробормотал он.—На что-нибудь надо решиться.

Над Малаитой взошел полный месяц и облил своим светом веранду. Неподвижный воздух застыл в тишине. Со стороны барака продолжали доноситься глухие стоны больных. В тростниковых сараях отдыхало от дневных трудов двести человек косматых людоедов. Они спали не все. Один из них проклинал громогласно белого человека, не знавшего сна, а другие внимали этим проклятиям. На всех четырех верандах господского дома горели фонари. А в стенах дома между ружьями с одного бока и револьверами—с другого лежал сам этот проклинаемый человек и стонал, и метался, то просыпаясь, то вновь засыпая тревожным сном.

ГЛАВА II

Кое-что уже сделано

На следующее утро Давид Шелдон почувствовал себя значительно хуже. Сказался заметный упадок сил и появились некоторые другие неблагоприятные симптомы. Приступая к обходу, он предвидел смуту. Он даже желал, чтобы произошла какая-нибудь вспышка. Напряженное положение, создавшееся за последнее время, могло внушить серьезные опасения даже и в том случае, если бы он был совершенно здоров; но в виду беспомощного состояния, в котором он находился и которое ухудшалось с каждым днем, необходимо было во что бы то ни стало проявить какую-нибудь инициативу. Чернокожие становились час-от-часу все мрачнее и подозрительнее, и появление прошлою ночью нескольких человек на веранде,—проступок, считавшийся одним из самых тяжких в Беранде,—не предвещало ничего хорошего. Рано или поздно они нападут на него, если только он сам на них не обрушится первый, не поразит их темные души пламенной силой цивилизованного человека.

На этот раз он вернулся домой весьма недовольный. Не представилось ни малейшего повода проучить кого-нибудь за дерзость или непослушание, такого повода, каких было немало за последнее время, с тех пор как в Беранде развилась эпидемия. Сам по себе уже этот факт был довольно подозрительным. Дикари становились коварными. Он раскаивался в том, что преждевременно спугнул забравшихся к нему ночью бродяг. Если бы он только дождался, пока они войдут в комнату, то он уложил бы на месте одного или двух и проучил бы таким образом остальных. Он был один среди двухсот чернокожих и до смерти боялся, как бы болезнь не сокрушила его и не отдала во власть дикарей. Воображение его рисовало картину, как чернокожие нападают на усадьбу, грабят припасы, устраивают грандиозный пожар и бегут в Малаиту, и как его собственная голова, основательно провяленная на солнце и прокопченная в дыму, украшает красный угол какой-нибудь лачужки в селении людоедов.

Либо вызволит «Джесси», либо надо непременно что-нибудь предпринять.

Загудел колокол, призывающий на полевые работы, и в то же время к Шелдону явился гость. Шелдон лежал на веранде, куда перед тем приказал вынести свою кровать, и отлично мог видеть, как к берегу причалила целая флотилия челноков.

Сорок человек туземцев, вооруженных копьями, луками, стрелами и дубинами, выглядывали из-за ограды усадьбы, а один из них вошел в ворота. Пришельцам были хорошо известны правила Беранды, ибо все туземцы вообще на всем протяжении раскинувшихся на тысячи миль Соломоновых островов отлично знают те правила, которыми белые оберегают свои дома. В дикаре, переступившем порог усадьбы и приближавшемся к дому, Шелдон признал вождя из поселка Бэйльсуны, по имени Сили. Подойдя к дому, дикарь не решился подняться на лестницу, и вступил в переговоры с белым господином, остановившись внизу па дворе.

По уму Сили превосходил многих своих сородичей, но превосходство его развития еще более подчеркивалось тем низким уровнем, на котором стояли эти последние. Узкие маленькие глаза его светились жестокостью и коварством. Вся его одежда состояла из пояса и перевязи. Резное перламутровое украшение, висевшее на носу, спускалось до подбородка и мешало ему говорить. Это украшение удовлетворяло чисто эстетической потребности, тогда как отверстия, проделанные в ушах, служили исключительно для ношения курительных принадлежностей: табаку и трубки.

Редкие острые зубы почернели от жвачки бетеля [1]), сок которого он выплевывал то-и-дело.

При разговоре Сили все время кривлялся, как обезьяна. Произнося слово «да», он каждый раз выпячивал подбородок и щурил глаза. Чисто ребяческая заносчивость, сквозившая в его жестах, плохо согласовалась с тем положением, которое он занимал в настоящую минуту, стоя, задрав голову, под верандой. Он был предводителем отряда и вождем населения Бейльсуны. Но белый человек, хотя и не предводительствовал никаким отрядом, однако, шутка сказать, стоял во главе Беранды, и однажды сам-друг явился в Бейльсуну и сумел подчинить своей воле всю деревню.

Воспоминание об этом случае не доставляло Сили ни малейшего удовольствия. Тогда он только еще учился понимать и ненавидеть

---

[1]) Бетель — перец-полукустарник. Туземцы жуют острые и сильно пряные листья бетеля с плодами арековой пальмы или с другими вяжущими веществами. Губы и внутренность рта от бетеля становятся кирпично-красного цвета, а зубы совершенно чернеют.

белых дьяволов. Как-то раз Сили был уличен в укрывательстве троих беглецов из Беранды. Беженцы отдали им все, что у них было, за оказанный им прием и обещание сплавить их в Малаиту. Он возомнил тогда, что обрел обильный источник постоянных доходов, что его деревушка легко может стать передаточным пунктом для эвакуации всех желающих с Беранды.

Но, увы! Он не знал еще в то время, что за люди эти белые черти и на что они только способны. Вот этот самый белый живо прописал ему первый урок, явившись на утро чуть свет в его тростниковую хижину. На первых порах этот визит показался Сили забавным. Среди своих, в самом центре деревни он чувствовал себя господином положения. Но не успел он хорошенько опомниться, как белый человек ударил его парой ручных кандалов по зубам и заткнул ему рот, не дав проронить звука. Вдобавок он получил еще ошеломляющий удар кулаком по уху, и мгновенно почувствовал полнейшее равнодушие ко всему на свете. Когда Сили пришел в себя, то увидел, что находится в вельботе белого человека по дороге на Беранду. В Беранде с ним расправились без всякой церемонии и посадили на цепь, с кандалами на руках и ногах. На свободу не выпустили до тех пор, пока его племя не выдало всех трех беглецов. К довершению ужаса грозный белый тиран наложил на него и на селение Бейльсуну огромный штраф в десять тысяч кокосовых орехов. После этого случая он уже больше не укрывал никого. Отказавшись от соблазнительного плана переправы дезертиров с Беранды на Малаиту, он приступил к операциям совершенно противоположного характера и занялся поимкой беглецов. Это дело оказалось много надежней. За каждую поимку давали ящик табаку. Но попадись ему этот белый где-нибудь за кустами да оступись он и упади,—ну, тогда в его, Сили, руках очутилась бы голова, за которую дорого дали бы в Малаите.

Шелдон проявил большой интерес к тому, о чем ему рассказывал Сили. Он узнал не без удовольствия, что седьмой беглец из последней партии попался в плен и в настоящую минуту уже стоит за воротами. Его тут же ввели во двор, связанного по рукам кокосовыми жгутами. Свирепое лицо его было обезображено злобой, на теле виднелись пятна запекшейся крови. Видно было, что он оказывал отчаянное сопротивление при поимке.

— Молодец, Сили! Спасибо,—сказал Шелдон и распорядился поднести гостю здоровенную кружку дешевого джина, которую тот не замедлил осушить одним залпом.—Слуга вынесет кое-что для тебя. Я дам тебе, фелла, ящик табаку; верное слово,—целый ящик.

А вдобавок за верную службу, гуд-фелла, ты получишь от меня еще пять ярдов [1]) коленкора и нож, фелла, большой нож!

Двое прислужников принесли из кладовой табак и подарки и отдали их властителю Бейльсуны, который принял эти подношения с жадным рычанием и немедленно повернул по дорожке обратно к своим челнокам. По распоряжению Шелдона домашние слуги схватили пленника и привязали его за руки и за ноги к одному из свайных столбов. В одиннадцать часов утра, когда рабочие вернулись с поля, Шелдон приказал им выстроиться перед балконом.

За исключением приставленных к госпиталю сторожей, все здоровые батраки собрались во дворе. Они выстроились в два ряда вместе с женщинами и немногими ребятишками, жившими на плантации,—настоящая орда голых дикарей человек в двести без малого. Черные тела пестрели навешенными на них раковинами, бусами и костяными украшениями. В ушах и ноздрях висели всевозможные серьги, талисманы, шпильки и даже металлические ручки от посуды и патентованные ключи от консервных коробок, а у некоторых даже защелкнутые предохранительной пружинкой перочинные ножи. У одного на груди красовалась фарфоровая дверная ручка, у другого—бронзовое колесо от будильника.

С высоты веранды на них взирал больной белый человек, навалившийся на перила, чтобы не упасть от слабости. Любой из них легко мог бы одним щелчком сшибить его с ног. Огнестрельное оружие плантатора не помешало бы им напасть на него. Им ничего не стоило дать ему тумака и завладеть его головой и всей плантацией. Сердца рабочих были преисполнены ненавистью, местью и кровожадностью. Им недоставало только одного: того дьявольского властолюбия, которое продолжало гореть ярким пламенем в изможденном болезнью теле заядлого англичанина и которое готово было моментально вспыхнуть и испепелить их своим огнем.

— Нарада! Билли!—крикнул Шелдон резким голосом. Двое чернокожих лениво выступили вперед и остановились в выжидательных позах.

Шелдон отдал ключ от ручных кандалов прислужнику, который спустился вниз и расковал арестанта.

— Ну-ка, фелла Нарада и фелла Билли, подведите этого молодца к дереву да подтяните ему руки повыше!—скомандовал Шелдон.

Пока палачи медлительно выполняли отданное им приказание под аккомпанемент недовольного ропота толпы зрителей, прислужник принес тяжелый бич с увесистой рукояткой,—настоящее орудие пытки. Шелдон повел такую речь:

---

[1]) Ярд — английская мера длины = 0,9144 *м.*

— Этот фелла Арунга задал мне немало хлопот. Я не украл фелла Арунга. Я никого не обманываю. Я говорю ему так: «Хорошо, пойдем ко мне в батраки на три года». Он говорит: «Хорошо, пойду к тебе в батраки на три года». Я его привез сюда. Получил он от меня много денег. Какого чорта ему надо было еще? Зачем он отсюда сбежал? Я рассердился и решил выбить дурь из его фелла-башки. Я заплатил за поимку фелла вождю Бейльсуны, Сили, целый ящик табаку. Он стоит шесть фунтов. Арунга должен мне отработать эти деньги и лишний год оставаться в Беранде. Ну, а теперь я велю ему всыпать трижды десять плетей. Берись-ка, фелла Билли, за кнут и отпусти фелла Арунге тридцать порций. Все, фелла-джоны, смотрите и все, фелла-мэри [1]), смотрите и запомните хорошенько. Как зачешутся у кого из вас пятки, то вы вспомните, к чему эта чесотка приводит, и они у вас перестанут зудеть. Принимайся за дело, Билли, всыпь Арунге, фелла, трижды десять плетей.

Прислужник протянул ему бич, но Билли не взял его. Шелдон флегматически выжидал. Глаза людоедов вперились в плантатора; они озирались тревожно и дико. Наступала решительная минута, от которой зависела жизнь или смерть белого человека.

— Три раза по десятку, Билли,—процедил Шелдон сквозь зубы.

В голосе его при этом дрогнула нотка металлического тембра.

Билли сдвинул брови, поглядел вверх, поглядел вниз, но не тронулся с места.

— Билли!

Это слово прогремело, как выстрел. Дикарь машинально подпрыгнул. Чернокожие оскалили зубы; послышался сдержанный смех.

— Мое, ты назначил много ударов Арунге. Он не фелла Тулага,— ответил Билли.—Его накажет фелла комиссар по закону. Мое знает закон.

Действительно, по закону так и следовало, и Шелдону это было отлично известно. Но Шелдон спасал свою шкуру и боялся, что его не сегодня—завтра убьют, если, повинуясь закону, он отложит наказание на целую неделю.

— Долго ты будешь ломаться? А?—вскричал он грозно.

— Мое по закону!—упрямо твердил чернокожий.

— Асту!

На сцену бойко выступил другой дикарь и вызывающе вскинул голову кверху. Шелдон преднамеренно отбирал самых упрямых, чтобы сломить их.

— Ты, фелла Асту, и ты, фелла Нарада, хватай фелла Билли, ставь его рядом с Арунгой и подвешивай к дереву!

---

[1]) Джоны и мэри — мужчины и женщины.

— Да покрепче вяжите!—прибавил он.

— Бери кнут, Асту! Влепи ему тридцать здоровых ударов. Валяй!

— Нет,—буркнул Асту.

Шелдон взял ружье, приставленное к перилам, и щелкнул курком.

— Я тебя знаю отлично, Асту,—проговорил он спокойно.—Ты шесть лет проработал в Квинслэнде [1]).

— Мое—фелла-миссионер!—дерзко вставил чернокожий.

— Ты целый год отсидел там в тюрьме. Твой белый фелла-хозяин свалял дурака, что не повесил тебя. Ты, фелла, порядочный негодяй. В Квинслэнде тебя два раза сажали в тюрьму на шесть месяцев. Два раза ты, фелла, проворовывался. Ладно, ты—миссионер. А скажи-ка молитву.

— Да, я знаю молитву!—настаивал тот.

— Хорошо, помолись немножко. Да молись скорее, шельма, потому что я сейчас тебя застрелю!

Шелдон вскинул ружье и нацелился. Чернокожий оглянулся направо, налево, но никто из товарищей не поддерживал его. Их занимало предстоящее зрелище, и они не сводили глаз с одинокого белого человека на веранде, в чьих руках была смерть. Шелдон выиграл ставку, и он почувствовал это. Асту нерешительно переминался с ноги на ногу. Он воззрился на белого человека, наводившего мушку.

— Асту,—сказал Шелдон, учитывая психологию момента.—Я просчитаю до трех и буду стрелять, а ты умрешь, фелла. Прощай! Кончено твое дело!

И Шелдон твердо знал, что, просчитав до трех раз, он убьет его наповал. Дикарь тоже знал это. И потому дело не дошло до исполнения угрозы, ибо, как только Шелдон сказал «раз», Асту потянулся рукой за бичом и принялся лупить несчастных изо всей силы, вымещая с каждым ударом на неповинных людях ту досаду, которая накипела в нем против товарищей, отказавшихся его поддержать.

Шелдон со своей веранды подзадоривал его хлестать все сильней и сильней, пока несчастные арестанты не закричали благим матом и пока кровь не потекла у них со спины. Урок вышел за красной печатью.

Когда вся ватага вместе с обоими пострадавшими, издававшими глухие стоны, удалилась со сцены и очутилась за оградой усадьбы, Шелдон опустился на ложе в состоянии, близком к обмороку.

— Ты, однако, друг, здорово болен!—пробормотал он, обращаясь к самому себе.—Ты совсем занемог. Но, по крайней мере, сегодня ты можешь спать спокойно,—добавил он спустя полчаса.

---

[1]) Квинслэнд — один из штатов британского доминиона в Австралии.

ГЛАВА III

„Джесси“

Прошло двое суток, и Шелдон пришел к заключению, что при такой слабости ему не сдобровать и уж во всяком случае придется отказаться от четырех ежедневных санитарных обходов. Эпидемия выхватывала в среднем ежедневно человек четырех, и число новых заболеваний превышало цифру выздоравливающих. Чернокожих обуяла настоящая паника. Всякий вновь заболевший, казалось, желал одного—поскорее умереть, и упорно отказывался сопротивляться болезни. Они проникались уверенностью, что непременно умрут, и всячески старались оправдать на самом деле эту свою уверенность. Даже здоровые убеждены были в том, что очередь за ними и что им ни в коем случае не миновать заражения и гибели. И все-таки, несмотря на эту абсолютную уверенность, им недоставало силы воли накинуться на белого человека, похожего на привидение с того света, и бежать на вельботах из этого проклятого места. Они предпочитали лучше пасть жертвой заразы, нежели добровольно подставлять лоб под пулю хозяина. Они думали, что он никогда не спит и ни за что не поддастся заговорщикам; они убедились в этом на опыте. Его не берет даже лютая немочь, которая так немилосердно косит ряды чернокожих.

Расправа, учиненная на дворе усадьбы, заметно подтянула дисциплину. Железная рука белого человека придавила их своей тяжестью. Они отводили глаза при встрече с хозяином и обжигали его злобными взорами только тогда, когда он поворачивался к ним спиной. Они позволяли себе роптать и бурчать только по ночам в бараках, когда он был от них далеко.

Побеги и ночные похождения совсем прекратились.

На другой день после порки ранним утром показались на морском горизонте белые паруса «Джесси». Но только к двум часам дня поднявшийся ветерок пригнал ее к берегу. Она подошла к Беранде и бросила якорь на расстоянии одной четверти мили от прибрежной полосы. Появление «Джесси» обрадовало и ободрило Шелдона, и томительные часы ожидания не возмущали его. Он распорядился по

хозяйству и совершил очередные обходы госпиталя. Никакие жгучие заботы больше не допекали его. Тревоги его улеглись. Он мог спокойно лежать, отдыхать и думать только о том, как бы поправиться. «Джесси» прибыла. Она привезла его компаньона, здорового, бодрого, свежего, возвращавшегося из шестинедельной экскурсии на Малаиту, куда ездил набирать рабочих для Беранды. Он возьмет теперь на себя всю работу, и хозяйство завертится у него колесом.

Шелдон развалился в качалке и поджидал, пока вельбот, спущенный шхуною, причалит к берегу. Он не мог понять, почему это на лодке гребут всего только тремя веслами, а еще более озадачивала его странная медлительность вновь прибывших, которые почему-то замешкались и долго не выходили из шлюпки. Но вскоре он понял, в чем дело. Три чернокожих матроса выбрались, наконец, на берег с носилками на плечах. Белый человек, в котором он признал капитана «Джесси», шел впереди. Он раскрыл ворота, пропустил носилки и отстал немного, закладывая подворотню.

Шелдон догадался, что на носилках лежит Хью Друммонд—его друг, и глаза его затуманились. Он почувствовал страстное желание поскорее умереть. Разочарование было слишком велико. Состояние ужасающей слабости, до которого довела его дизентерия, разжало его крепкий кулак, и он чувствовал, что не сможет удержать в обессилевших руках Берандскую плантацию. Но адская сила воли потом опять вспыхнула в нем, и он приказал чернокожим внести носилки и поставить их около него. Хью Друммонд, которого он видел в последний раз совершенно здоровым, походил на мумию. Впалые глаза его были закрыты, зубы оскалены, а скулы остро выступали.

Шелдон послал прислужника за термометром и вопросительно взглянул на капитана.

— Желтая лихорадка,—доложил капитан.—Он уже целую неделю в таком состоянии и не приходит в сознание. Кроме того, на борту у нас появилась дизентерия. А как ваши дела?

— Ежедневно хоронят трех-четырех,—отвечал Шелдон, нагибаясь с качалки и засовывая умирающему градусник под язык.

Капитан Ольсон испустил проклятие и послал слугу за содой с виски. Шелдон вытащил градусник.

— Сорок один,—сказал он со вздохом,—бедный Хью!

Капитан Ольсон предложил хозяину виски.

— И думать нечего,—отказался Шелдон.

Он послал за приказчиком и распорядился вырыть яму и сколотить из ящиков гроб. Для покойников черной масти гробов не полагалось. Их выносили из барака на щите из оцинкованного железа и сваливали голых в общую яму. Отдав приказание, Шелдон снова растянулся на своей качалке и сомкнул веки.

— Это был сущий ад!—изрек капитан, подливая в стакан свой живительной влаги.—Это был сущий ад!—повторил он, вытирая усы.—Встречный ветер и штиль. Верите ли, мистер Шелдон? Целых десять дней мы дрейфовали [1]) возле лавочки! Акулы гнались за нами целыми стаями, привлеченные трупами, которые мы то-и-дело выбрасывали за борт. Они хватались за весла, когда мы подъезжали на ялике к берегу. Провались эти проклятые Соломоновы острова в преисподнюю!

— Все это от воды в устье Оуга. Я накачал ее во все наши бочки. Нельзя было знать, какая это вода. Когда мы набирали ее, все обстояло благополучно. Мы завербовали шестьдесят человек—полный комплект. Да судовой команды было у меня человек пятнадцать. Мы не переставали хоронить днем и ночью. Эта сволочь, чорт их знает, и жить не хотят. Они околевают вам назло. Из команды моей на ногах осталось всего только трое. Пятеро свалилось. Семеро умерло. О, это—ад кромешный! Что тут делать прикажете?

— А сколько завербованных остается в живых?—спросил Шелдон.

— Половина. Человек тридцать. Из них два десятка валяются, а десять кое-как еще держатся на ногах.

Шелдон вздохнул.

— Значит, госпиталь придется развернуть. Надо как-нибудь их высадить на берег. Вайсбери, эй ты, Вайсбери, звони в колокол, фелла, во всю мочь!

Полевых работников, оторванных от дела в неурочный час, поделили на отряды. Одних послали в лес за бревнами для построек, других—за кровельным тростником, а сорок человек подняли вельбот, на головах отнесли его к берегу и спустили в воду. Шелдон стиснул зубы и нечеловеческим усилием воли лишний раз показал, что он в кулаке держит ускользавшую власть над Берандской плантацией.

— Вы видели барометр?—крикнул ему с нижней площадки лестницы капитан Ольсон, отправлявшийся выгружать больных.

— Нет еще,—ответил Шелдон.—А что, падает?

— Упал здорово!

— Так вы лучше оставайтесь на борту и ночуйте там,—посоветовал Шелдон,—не беспокойтесь о предстоящих похоронах. Я позабочусь о бедном Хьюги...

---

[1]) Дрейф — угол между направлением носа корабля и тем действительным направлением, по которому движется корабль. Дрейфовать — морской термин, обозначающий сложный прием особой установки парусов для разложения силы ветра на две силы: первую — двигательную и вторую — действующую в бок, обусловливающую дрейф, при чем судно остается почти на месте.

— Один негр издох, мы бросили якорь.

Капитан просто-напросто доводил до сведения хозяина о свершившемся факте, но в то же время как будто и ожидал приказания. Шелдон неожиданно вспылил.

— Выкиньте его за борт!—вскричал он.—Ведь на них не напасешься могил!

— Мне надо было только узнать, вот и все!—отвечал капитан, нисколько не обижаясь.

Шелдон устыдился своей ребяческой выходки.

— О-о, капитан Ольсон!—закричал он вдогонку.—Приходите, пожалуйста, если можно, навестить меня завтра утречком. Если же вам самим нельзя будет оторваться, присылайте штурмана.

— Ладно, я сам приду к вам. Мистер Джонсон скончался, сэр. Я и забыл вам сказать. Три дня назад, сэр. Упокой, господи, его душу.

Шелдон проводил глазами капитана «Джесси», быстро удалявшегося по дорожке, размахивая руками, и призывавшего все громы небесные на эти трижды проклятые Соломоновы острова.

Потом он посмотрел на «Джесси», лениво колыхавшуюся на блещущих волнах, и перевел взгляд на северо-запад, где вырастали над островом Флоридой целые горы массивных и грозных туч. Отвернувшись от моря, он грустно посмотрел на своего компаньона и велел внести его в комнату. Но Хьюг Друммонд уже расставался с жизнью. Дыхания уже не было слышно. Прикоснувшись к его телу рукой, Шелдон убедился, что температура умирающего стремительно падает. Должно быть, она уже понижалась в то время, когда градусник показывал 41. Больной догорал. Шелдон опустился перед ним на колени. Его обступила домашняя челядь в белых сорочках и трусиках, резко контрастировавших с их темной лоснящейся кожей, дикими лицами, обвешенными тяжелыми серьгами и блестящими кольцами. Наконец, Шелдон кое-как приподнялся и опять повалился, как подкошенный, в свое кресло. Как ни тяжела была весь день жара, теперь ее гнет увеличился еще более. Становилось трудно дышать. Больной положительно задыхался. На лицах и голых телах собравшихся прислужников крупными каплями выступил пот.

— Хозяин,—робко заикнулся один из них,—идет ветер, большой ветер.

Шелдон, молча и не оборачиваясь, кивнул головой. Он был очень привязан к Друммонду. Кончина друга и предстоящие похороны прибавляли новое и невыносимо тяжелое бремя ко всему тому, что он уже перенес. Его охватило такое чувство,—нет, не чувство, а полная уверенность в том, что ему не остается ничего другого, как махнуть рукой на все, сомкнуть веки, забыться и раствориться

в бесконечности, умереть. Он знал, что так будет. Казалось, стоило только закрыть глаза и отдаться течению, ибо жизнь его уже висела на волоске и поддерживалась единственно лишь усилием воли. Ему казалось, что начинается агония и что предсмертные муки готовы накинуться и окончательно растерзать его бренное тело. Глупо было цепляться за жизнь. Он столько раз уже умирал. К чему умножать эти мучительные опыты, отодвигая от себя настоящую смерть? Ведь он нисколько не страшится и даже призывает ее. Его изможденная плоть и подавленный дух ищут смерти. Огонь едва тлеет, так пусть же погаснет. Но его мозг продолжал работать, и он наблюдал за тем, что происходило на побережьи. Два вельбота пристали к берегу. Высаженные больные,—одни—на носилках, другие—на плечах у товарищей,—тащились печальной процессией. Шелдон видел, как гонимые ветром тучи заволокли небо, и вспомнил о больных чернокожих в бараке. Там, наверно, ожидали от него каких-нибудь распоряжений. Лежать и спать или умирать, когда предстояло выполнить неотложную задачу, было противно его натуре.

Приказчикам было велено спешно укрепить барак и обе его пристройки, использовав, между прочим, для этой цели недавно приобретенную и только-что выкрашенную длинную якорную цепь, развешанную на перекладинах под домом.

Другие сподручные принесли гроб, кое-как сколоченный из нескольких пустых ящиков, и уложили в него под наблюдением Шелдона бездыханное тело умершего друга. Шестеро прислужников понесли покойника на песчаный берег, а седьмой поволок туда же на плечах своего господина, повисшего на его черной шее с молитвенником в руках.

Пока хозяин читал отходную, чернокожие боязливо поглядывали на потемневшие волны и громоздившиеся на небе зловещие тучи.

Первое дуновение приближавшейся бури, очень слабое, нежное, но свежее и живительное, коснулось его истомленного зноем тела, когда он закончил чтение и закрыл молитвенник. Второй порыв ветра, резкий и бурный, налетел после того, как слуги взялись за лопаты и начали торопливо засыпать могилу песком. Порыв был так силен, что Шелдон, все еще стоявший на ногах, уцепился за своего возницу, чтобы не упасть. «Джесси» куда-то скрылась; море заклокотало мелкими пенистыми волнами. Оно превратилось в кипящий котел. Со всех сторон доносился глухой стук градом падавших на землю кокосовых орехов. Высокие гибкие пальмы извивались и щелкали, как хлысты. В воздухе летали сорванные листья, из которых каждый легко мог своим черенком размозжить голову человеку. Хлынул дождь, как во время потопа. Косой ливень низвергался рекой под таким острым углом, что, казалось, были нарушены

законы тяготения. Чернокожий слуга, тащивший на своей спине Шелдона, пригибался как можно ниже, опасаясь свалиться с ног, и шагал широко.

„Он опочил теперь навеки,
Забылся непробудным сном...“ —

пронеслось в голове у Шелдона при мысли о покойнике, зарытом в сырой песок и мирно почивающем теперь в гробу, сквозь щели которого сочится дождевая вода.

Они с трудом подвигались вперед. Остальные чернокожие шли за ними вплотную сомкнутым строем. Между ними были и такие, которых сильно подмывало воспользоваться удобным случаем: сбросить всадника на песок, растоптать и смешать его с грязью. Но дуло автоматического револьвера, торчавшее у него из-за пояса, и неуязвимость этого бесстрашного человека обуздывали их злобу, и вместо того, чтобы напасть на него, они старались, наоборот, помочь ему укрыться от бури.

Шелдон промок до костей и выбился из последних сил, но, несмотря на страшную слабость, он, к немалому своему удивлению, переодевшись, вдруг почувствовал себя несравненно лучше. Очевидно, организм справился с болезнью, и наступил благодетельный перелом.

— Только бы не схватить теперь лихорадки!—проговорил он вслух, и тут же решил принять порцию хинина, как только немного окрепнет.

Он выполз на веранду. Ливень пронесся, дождя уже не было, но ветер бушевал во всю мочь. Море взыграло, и огромные длинные волны вздымали загнутые гребни свои до высоты двухсот ярдов и с грохотом разбивались о берег. «Джесси» бешено прыгала на своих двух якорях, и каждая вторая или третья волна перекатывалась через ее палубу. Два флага упруго извивались на гарделе [1]) подобно двум листам гибкой жести. Один был синий, другой—красный. На Беранде этот условный сигнал означал: «Каков ваш приказ? Не попытаться ли выслать на берег лодку?» Шелдон знал это, но, прежде чем ответить, он все-таки подошел к стене, где между полкой с сигнальными флагами и таблицей правил биллиардной игры висела диаграмма сигнального кодекса, и проверил по ней значение условных знаков. После этого приказал вывесть на гафеле флагштока белый флаг, а под ним еще другой, красный, что означало: «Спешите укрыться к Нил-Айланду!»

---

[1]) Гардель — снасть, которой поднимают нижние реи с палубы на свои места.

Что капитан Ольсон нетерпеливо ожидал именно такого сигнала, было видно из той поспешности, с которой были подняты якоря. «Джесси» дрогнула и понеслась на зарифленных парусах [1]), галопируя, как скаковая лошадь, и обогнула Бейльсунскую отмель, отойдя от нее на половину кабельтова [2]). Но тут на нее налетел новый ужасающей силы шквал и подхватил, как легкое перышко.

Всю эту ночь Шелдон проспал, как убитый. Он не слышал, как свирепствовал шторм, как яростные шквалы опустошали Беранду, как они вырывали с корнем деревья, как они сорвали крышу с сушильни и потрясли дом на его свайных столбах. Он ничего этого не слышал. Он не проснулся ни разу, ни разу не шевельнулся и не видел никаких сновидений. На утро, поднявшись, он почувствовал себя обновленным и свежим. У него появился аппетит. Целую неделю он не мог ничего есть. Теперь же охотно выпил стакан разбавленных водой сливок, а в десять часов рискнул подкрепиться тарелкой бульона.

Его порадовало также и положение дел в бараке. Вопреки ожиданиям и несмотря на бушевавшую бурю, никто из больных за ночь не умер, и вновь заболел всего лишь один человек; зато оказалось около полдюжины выздоравливающих, которые поднялись на ноги и разбрелись по домам. Эта резкая перемена крайне озадачила Шелдона. Можно было подумать, что сильный ветер развеял заразу и очистил страну от эпидемии.

К одиннадцати часам прибыл посланный из Бейльсуны с известием от Сили. Он сообщил, что «Джесси» выбросило на берег на полдороге между Бейльсунской отмелью и Нил-Айландом. Поздним вечером прибыли двое из команды и донесли, что капитан Ольсон и третий из товарищей утонули при крушении шхуны. Что касается самого судна, то Шелдон из их слов убедился, что оно окончательно для него потеряно. К довершению удовольствия он почувствовал лихорадочную дрожь. Через каких-нибудь полчаса он уже горел, как в огне. Ему было известно, что хинин можно будет принять не раньше, как через день после начала болезни. Он свернулся под ворохом одеял и, полежав немного, вдруг разразился неистовым хохотом. Дальше некуда итти; он достиг предельной черты. Все решительно беды обрушились

---

[1]) Для уменьшения площади парусов (при сильном ветре) паруса зарифляются, то-есть часть их подхватывается короткими веревками — рифтезнями. Взятие рифов — очень сложный прием.

[2]) Кабельтов — единица меры длины для небольших расстояний в море, собственно, длина якорного каната или цепи. Кабельтов равен около 185 *м.*

на него. Недоставало разве только потопа или землетрясения. Остальные он все испытал. Впрочем, «Флибберти-Джиббет», пожалуй, избегла участи «Джесси». Она могла укрыться в проливе Мболли. Ничего худшего не могло случиться, и ему ничего не остается больше, как сложить руки и ждать событий. Вот почему он хохотал, как сумасшедший, лежа под одеялами и дрожа так, что не попадал зуб на зуб. А черные, столпившись кучкой, дивились, разиня рот, на хозяина, которым завладели дьяволы.

ГЛАВА IV

Джек Лэкленд

Прошло два дня. Северо-западный ветер продолжал свирепствовать. Шелдон впал в полную расслабленность от обуявшей его лихорадки. Хотя это была самая простая, обыкновенная малярия, но она так извела за эти два дня надломленный организм, как будто бы трепала его уже суток десять. Зато Беранда избавилась от дизентерии. Человек двадцать выздоравливающих еще остались в бараке, но быстро поправлялись. За последние дни умер только один больной, тот самый, брат которого так жалобно причитал, пока его кусали мухи.

Утром, на четвертый день болезни, Шелдон лежал на веранде и мрачно глядел на бушующий океан. Ветер затихал понемногу, но гигантские волны все еще грохотали, разбиваясь о песчаную отмель Беранды, и брызги прибоя долетали до холмиков, на которых стояли флагштоки; клубившаяся пена докатывалась почти до самых ворот ограды. Шелдон проглотил тридцать гран хины, от которой в ушах жужжало, как в осиновом гнезде, тряслись колени и закатывались глаза. Опомнившись, он увидел нечто, похожее на сон. Недалеко от берега, на месте бывшей стоянки «Джесси», из гребня высокой волны вдруг выставился нос какого-то вельбота и тут же скользнул вниз и исчез, как полагается исчезать всякому не призрачному, а настоящему вельботу, ныряющему в волнах во время шторма. Шелдон твердо знал, что никакого вельбота там быть не могло; кроме того, был совершенно уверен, что на всем протяжении Соломоновых островов не найдется такого безумца, который решился бы пуститься в море на лодке в такую погоду. Однако, странное видение не исчезало. Он зажмурился, чтобы прогнать его, и посмотрел опять через минуту. На этот раз вельбот, взлетевший на гребень новой волны, показался весь, целиком. Три пары гребцов сидели на веслах, а у кормы, резко выделяясь на белом пенистом фоне, стоял настоящий великан, навалившийся всем своим корпусом на рулевое весло. Все это было ясно видно, как на ладони; да еще на носу сидел восьмой человек, наклонившийся вперед и приглядывавшийся к берегу. Но что больше всего поразило его, так это фигура женщины, сидевшей на капитанском

месте, между гребцами и штурманом. Да, разумеется, это была женщина. Вот выбилась прядь ее волос и развевается по ветру, а она безуспешно пытается овладеть прядью и запрятать под шляпу, точь-в-точь похожую на его собственный «Баден-Пауэль».

Лодка нырнула вниз и снова взмыла на новом гребне. Он опять уставился на нее. Люди отличались от туземцев Соломоновых островов большим ростом и бронзовым оттенком кожи; но лицо женщины было положительно белое. Он терялся в догадках: что за человек эта женщина и что ее сюда привело. Его живо заинтересовало это загадочное явление, но он все еще не верил своим глазам и думал, что это мираж. Но он ясно видел, что гребцы старательно налегали на весла, а женщина и штурман зорко следили за выраставшими позади них громадами.

«Отличные моряки»,—подумал Шелдон, увидев, как лодка вскочила на гребень колоссальной волны и как быстро заработали весла, удерживая эту скорлупу на вершине двигающегося холма, стремительно гнавшего ее к берегу. Маневр удался как нельзя лучше. Вельбот, уже зачерпнувший немало воды, вынесло на песчаную прибрежную отмель. Гребцы выскочили из него, подтащили его к воротам и поставили носом к столбу. Шелдон тщетно звал своих слуг, которые еще не успели вернуться из барака, где они раздавали лекарства выздоравливающим больным, сам же он был неспособен подняться и пойти навстречу гостям. Ему ничего не оставалось делать, как, лежа, ждать, пока они управятся с лодкой. Время тянулось ужасно медленно. Люди возились около вельбота, а женщина стояла возле них, опершись рукой о забор. По временам вода добиралась до ее ног, обутых в резиновые морские полусапожки. Женщина испытующе поглядывала в сторону дома и при этом косилась на развалившегося в кресле хозяина. Наконец, она подозвала к себе двух проводников и вместе с ними направилась по дорожке к дому.

Шелдон попробовал приподняться немного в кресле, но тотчас же обессиленный упал. Он удивился высокому росту мужчин, сопровождавших девушку. Рядом с нею они казались богатырями. Молодцы были ростом футов по шести и широкоплечие. Он ни разу еще не видел таких крупных островитян. Их нельзя было назвать чернокожими. Цвет их кожи был скорее светло-коричневый; а черты лица, правильные и округленные, отличались своеобразной мужественной красотой.

Женщина, или, вернее, девушка, взошла на веранду, сопровождавшие же ее остановились наверху лестницы и с любопытством разглядывали жилье. Гостья была, очевидно, не в духе. Шелдон заметил, когда она подходила к нему, что серые глаза ее мечут искры,

а губы дрожат. Он решил, что девушка с сильным характером. Но глаза у нее удивительные. Сначала ему показалось, что они серые, а потом, что как будто и нет или, по крайней мере, не совсем. Большие и широко расставленные, они сверкали из-под насупленных тонких бровей. Строгий профиль лица напоминал античную камею. Поразили его также и некоторые другие особенности: ковбойская шляпа «Стэтсон», густые, темные косы и длинноствольный револьвер Кольта № 38, висевший на поясе в кобуре.

— Гостеприимный хозяин, нечего сказать,—произнесла она взамен приветствия.—Повидимому, вы совершенно равнодушны к бедным чужеземцам, которые тонут или выбрасываются на берег на ваших глазах.

— Я... я прошу прощения, извините,—пробормотал Шелдон невнятно, привставая с кресла с невероятным трудом.

Ноги его подкосились, дыхание захватило и он почувствовал, что опускается на пол. Но, падая в обморок, он успел подметить выражение испуга в глазах встревоженной незнакомки, и это доставило ему мимолетное утешение. Последней его мыслью было, что первый раз в жизни он теряет сознание.

Удар колокола вывел его из забытья. Придя в сознание, он увидел, что лежит на своей постели в комнате. Часы показывали седьмой час, а по направлению заливавших комнату солнечных лучей он догадался, что было утро. Прежде всего он подумал, что на него было совершено какое-то покушение. Потом он увидел висевшие на стене шляпу «Стэтсон», пояс с патронами и длинноствольный револьвер Кольта № 38.

Изящный ремешок перевязи напомнил ему что-то женственное, и он сразу представил себе всю картину событий вчерашнего дня. В воображении мелькнули: вельбот, серые глаза, сверкавшие задорным огоньком, и насупленные брови. Должно быть, это она и звонила сейчас в колокол. Спешные заботы опять нахлынули на него; он приподнялся на кровати, опираясь о стенку, и кисейный полог от москитов закружился перед его глазами. Он все еще сидел в таком положении, закрыв глаза, чтобы избавиться от головокружения, и держась за стену, как вдруг услышал голос самозванной сиделки:

— Извольте снова прилечь, милостивый государь!

Интонация была повелительная, резкая, свидетельствующая о решительном и своенравном характере девушки.

Вместе с тем он почувствовал, что одной рукой его заставляют лечь спиной на подушку, а другой осторожно поддерживают сзади, смягчая падение.

— Вы пролежали без сознания целые сутки,—добавила она,—мне пришлось взять все хозяйство на себя. Вы не встанете с

постели, пока я вам этого не разрешу, не раньше. Скажите, какое лекарство вы принимаете? Хинин? Вот порошок в десять гран. Так, хорошо. Вы должны меня слушаться.

— Милая барышня...—запротестовал он.

— Замолчите, вам не позволяется говорить,—перебила она его,—то-есть спорить нельзя. Говорить что-нибудь другое вы можете.

— Но плантация...

— Плантация не нуждается в вашей смерти. Не хотите ли узнать что-нибудь обо мне? Ваше молчание обижает меня. Я потерпела кораблекрушение, а вам до меня, как будто, нет никакого дела, и у вас только и разговора, что об этой злосчастной плантации. Разве вы не чувствуете, что я сгораю желанием рассказать кому-нибудь о моем первом кораблекрушении?

Шелдон улыбнулся. Это была первая его улыбка за все эти долгие, мучительные недели. И улыбку эту вызвали не столько сами слова, сколько сопровождавшее их выражение лица этой девушки, веселое, шутливое и лукавое в одно и то же время, ее смеющиеся глаза и уморительные гримасы. Его заинтересовало, сколько ей может быть лет, и он ответил:

— Да, пожалуйста, расскажите!

— Нет, не стану, теперь не стану,—возразила она капризно, тряхнув головкой.—Я найду себе какого-нибудь другого собеседника, которого не придется упрашивать выслушать интересную историю моих приключений. Прежде всего мне нужны ваши указания. Когда надо звонить в колокол на полевые работы, я уже знаю, но этим ограничивается почти все то, что мне удалось выведать до сих пор. Я не понимаю диковинного жаргона ваших людей. Когда им звонить на обед?

— В одиннадцать часов. Во втором часу они снова принимаются за работу.

— Хорошо, благодарю вас. А теперь извольте сказать, где находится ключ от кладовой? Мне нужно накормить своих людей.

— Ваших людей?!—воскликнул он с ужасом.—Консервами? О, нет! Пошлите их в людскую: пусть обедают вместе с рабочими.

Глаза девушки сверкнули так же, как и третьего дня, и брови ее так же точно насупились.

— Этого я не допущу; мои слуги—люди. Я побывала в ваших жалких бараках и видела, чем питаются эти несчастные рабочие. Фу, картошкой. Без соли. Без всякой приправы. Одним только картофелем. Может быть, я не разобрала как следует, но они, кажется, уверяли, что никогда ничего другого не видели за столом. Два раза в день, и так всю неделю. Неужели правда?

Он кивнул головой.

— Недурно. Мои люди ни за что на свете не согласились бы на такой режим. Где ключи?

— Они висят на вешалке над часами.

Он уступил довольно кротко, но когда она отыскала ключи и стала снимать их, то услышала, как он пробормотал:

— Этого еще нехватало, неграм консервы!

Замечание это задело ее за живое. Она рассердилась не на шутку и вся вспыхнула румянцем.

— Мои люди—не негры; чем вы скорее это усвоите, тем будет лучше для наших взаимных отношений. Что же касается консервов, то я за них заплачу. Пожалуйста, не беспокойтесь на этот счет. Вам не следует волноваться; это может вам повредить. А я не засижусь у вас долго: я пробуду здесь до тех пор, пока вы не оправитесь, и уеду с сознанием, что не оставила на произвол судьбы нуждающегося в помощи белого человека.

— Вы—американка, скажите?—спросил он смиренно.

Неожиданный вопрос несколько смутил ее.

— Да, американка,—призналась она, косясь на него вопросительно.—А вам на что это нужно знать?

— Так себе, ни за чем. Я так и думал!

— Продолжайте!

Он покачал головой.

— Что вы хотите этим сказать?—спросил он.

— О, ничего. Я подумала, что вы собрались отпустить какую-нибудь шутку по этому поводу.

— А меня зовут Шелдон, Давид Шелдон,—сказал он просто, протягивая ей свою исхудалую руку.

Она сначала поколебалась, но потом тоже отрекомендовалась:

— Мое имя Лэкленд, Джен Лэкленд. Ну, будем друзьями,—сказала она, пожимая протянутую руку.

— Иначе и быть не могло...—заикнулся он.

— Так что же, могу я кормить своих людей вашими консервами?—повторила она.

— До тех пор, пока не пригонят коров,—пошутил он, подлаживаясь под ее игривое настроение.—В Беранду, хочу я сказать. Вы понимаете, что у нас тут, в Беранде, коров не водится.

Она холодно посмотрела на него.

— Что это, шутка?

— Право не знаю... я... я полагаю, что да... но, впрочем, мы видите—я совсем болен.

— А вы англичанин? Да?—спросила она после некоторой паузы.

— Нет, это уже чересчур даже и для больного человека!—воскликнул он.—Вы и без того знаете, что я англичанин.

— О,—сказала она рассеянно,—я так и знала, что вы англичанин.

Он нахмурился, поджал губы, но потом прыснул со смеху, и они оба весело расхохотались.

— Сам виноват,—признался он.—Не надо было поддразнивать вас. Вперед буду осторожнее.

— Продолжайте в том же духе, а я пойду готовить завтрак. Чего бы вам хотелось съесть?

Он отрицательно покачал головой.

— Вам будет полезно чего-нибудь скушать. Лихорадка у вас прошла, и остается только окрепнуть. Подождите чуть-чуть.

Она выбежала из комнаты, подняв с пола у дверей непомерно большие сандалии, и, сконфузившись, побежала на кухню.

«Клянусь, она унесла мои сандалии,—подумал он про себя.— Бедняжка! У нее нет ничего, кроме резиновых сапог, в которых ее выбросило на берег».

ГЛАВА V

Она хочет стать плантатором

Шелдон стал быстро поправляться. Лихорадка скоро прошла, и осталось только набираться сил. Джен завладела кухней, и за обедом в Беранде появились такие вкусные блюда, от которых Шелдон давно уже отвык. Джен сама приготовляла кушанье для выздоравливающего, и благодаря ее заботливому уходу за какие-нибудь двое суток Шелдон окреп настолько, что уже мог понемножку прогуливаться по веранде. Создалось весьма странное положение, которое решительно ставило Шелдона втупик; но удивительнее всего, что девушка, повидимому, совершенно не замечала никакой неловкости. Она расположилась здесь, как у себя дома, и вошла в роль домашней хозяйки, как будто гостила у родного отца или брата, или же как будто сама была тоже мужчиной.

— Какое интересное приключение, говорила она.—Это похоже на страницу романа. Море забрасывает меня в неведомые страны, где я нахожу беспомощного больного, окруженного двумя сотнями рабов...

— Наемников,—внес поправку Шелдон,—законтрактованных по договору рабочих. Они закабаляются только на три года и вступают в соглашение добровольно.

— Так, так,—перебила она торопливо,—и где я встречаю полуживого белого человека, окруженного двумястами завербованных людоедов. Ведь они людоеды, не так ли? Или это все только басни?

— Басни,—улыбнулся он.—Хороши басни, нечего сказать. Добрая половина моих батраков—людоеды. Они бы не задумались скушать вас, если бы им представился подходящий для этого случай.

— Что вы говорите?!—обомлела она.—Это только предположение или же вы серьезно в этом убеждены?

— Убежден.

— Почему? На каком основании? Ваши собственные рабочие...

— Да, да, мои собственные рабочие и домашние слуги и даже тот самый поваренок, который благодаря вам научился делать такие вкусные пирожки. Не далее как три месяца тому назад одиннадцать человек из них утащили у меня вельбот и бежали на Малаиту. Девять

беглецов добрались до Малаиты. Остальные двое были с Сан-Кристоваля. Что за идиоты эти двое с Сан-Кристоваля! Ведь то же самое произошло бы, если бы двое малаитян доверились девяти туземцам с Сан-Кристоваля и сели с ними в одну лодку!

— Как?—спросила она порывисто.—Что вы хотите этим сказать?

— А то, что девять человек родом из Малаиты съели двух человек родом из Сан-Кристоваля [1]), и съели дочиста, оставив нетронутыми одни только головы, ибо головы у них расцениваются слишком дорого и предназначаются для другого употребления. Они их сунули под палубу, а теперь эти две основательно прокопченые головы вывешены напоказ в какой-нибудь деревушке, расположенной в лесах Ланга-Ланга.

Она всплеснула руками, и глаза ее закрылись.

— Так они в самом деле подлинные людоеды! Каково! В двадцатом столетии! А я-то сокрушалась, что романы и приключения отошли в вечность.

Шелдон высоко поднял брови и покосился на нее с притворным недоумением.

— В чем дело?—задорно спросила она.

— Не взыщите, пожалуйста; только мне кажется, что перспектива быть съеденным кучкой грязных дикарей не отличается особенно заманчивой романтической прелестью.

— Нет, нет!—подхватила она.—Но попасть в их среду, наблюдать за ними, управлять целыми сотнями таких дикарей и избежать той участи, на которую вы намекаете, это если и не романтично, то, во всяком случае, составляет квинт-эссенцию приключений. А мир приключений и романтики тесно связаны между собой, как вы знаете.

— Так что, по-вашему, очутиться в брюхе негра, это—квинт-эссенция приключений?—улыбнулся он благодушно.

— У вас положительно нет ни капли поэтического чутья!—воскликнула Джен.—Вы так же тупы, угрюмы и скаредны, как все те скучные деловые люди, которые, бывало, приходили к нам в гости. Зачем вы только сюда забрались, не понимаю. Вам бы следовало оставаться дома и мирно прозябать в роли какого-нибудь банковского клерка или... или...

— Или лавочника. Благодарю!

— Да, именно что-нибудь в этом роде. Какими судьбами вас занесло сюда, на край света?

— Я хочу зарабатывать хлеб и пробить себе дорогу.

---

[1]) Один из Соломоновых островов.

—«Горек путь младшего сына. Нелегко ему устроить себе очаг и обзавестись седлом» [1]),—продекламировала она нараспев.—Что может быть романтичнее этого положения? Подумайте, сколько этих обездоленных младших сыновей скитается по миру в поисках за «очагом и седлом» и сколько бесчисленных приключений открывается на их горьком пути. И вот мы оба вступили на этот путь и забрели в самую чащу.

— Я... я прошу извинения...—заикнулся он.

— У меня нет ни очага, ни седла, да и вообще ничего и никого не осталось; и я тоже, подобно вам, забралась на край света.

— Готов согласиться, что в вашем положении, действительно, имеется известная доля романтизма,—признался он.

Шелдон невольно подумал о том, как эта девушка проводит ночь на веранде в гамаке, под пологом от москитов и как ее сторожат эти телохранители—таитяне, прикурнув поодаль в углу.

До сего дня он по болезни не мог воспротивиться этому, но теперь он непременно настоит на том, чтобы она ночевала в доме, а сам перейдет на веранду.

— Знаете, я всю жизнь мечтала о приключениях, но я встречалась с ними только в романах. Мне никогда и в голову не приходило, что я на самом деле буду переживать что-нибудь в этом роде. Все это произошло как-то совершенно неожиданно. Года два тому назад я была вполне уверена, что впереди...—Тут она замялась немного и скривила губки.—Да, мне казалось, что впереди у меня одна только перспектива—замужество.

— И вы предпочли этой перспективе общество каннибалов и «Кольт»,—подсказал он с улыбкой.

— О людоедах я не помышляла, но перевязь с патронами... Да, это я люблю.

— Но, наверное, вы не решились бы выстрелить из револьвера даже в случае крайней необходимости. А если бы и спустили курок,—добавил он,—то, наверное, промахнулись бы.

Она вскочила и направилась к дверям. Он догадался, что она пошла за своим револьвером.

— Постойте, куда вы?—остановил он ее.—Вот мой револьвер. Но что вы с ним будете делать?

— Я попаду вон в тот блок на флагштоке.

Он недоверчиво улыбнулся.

---

1) Намек на то, что английские лорды передают, обыкновенно, свой титул и наследие старшему сыну, предоставляя остальным сыновьям пробивать себе дорогу в жизни собственными силами.

— Только вот я незнакома с этой системой,—промолвила она нерешительно, поворачивая во все стороны револьвер хозяина.

— Курок не тугой. Нажимайте слегка!

— Знаю, знаю,—перебила она торопливо.—Автоматический... стоит только нажать. Но система другая.—Она тщательно осмотрела оружие.—Он заряжен. Много ли в нем патронов?

Она выстрелила в цель, но блок не дрогнул.

— Чересчур далеко,—сказал он ей в утешение.

Но Джен закусила губы и выстрелила вторично. Пуля взвизгнула, отлетела рикошетом от цели. Металлический блок закачался во все стороны. Девушка продолжала стрелять, пока не выпустила все восемь зарядов, и шесть раз попала в цель. Блок не сорвался с гафеля, но был приведен в негодность. Шелдон изумился немало. Очевидно, эта барышня стреляет лучше его и даже покойника Хьюга Друммонда. Женщины, которых он видел до сих пор, когда, бывало, брались за ружье или револьвер, обыкновенно, закрывали глаза, ахали и палили в пространство...

— Замечательное искусство... для женщины,—сказал он.—Вы только два раза промахнулись и притом стреляя из чужого револьвера.

— Не понимаю, как это я могла два раза промазать?—сокрушалась она.—Такой чудесный револьвер. Дайте мне другую обойму, и я не промахнусь больше ни разу в какую хотите цель.

— Верю вам на слово. Надо будет переменить блок. Вайсбери! Поди-ка, фелла, достань новый блок из кладовой.

— Бьюсь об заклад, что вы не попадете под ряд восемь раз в любую цель,—задорно проговорила она.

— На этот счет не беспокойтесь,—ответил он.—А кто же вас учил стрелять?

— О, сначала отец, а потом Фон и его ковбой. Папа был замечательный стрелок, но молодчина Фон не уступал ему нисколько.

Шелдон подумал про себя, кем мог быть этот Фон? Уж не тот ли самый молодец, который внушал ей два года назад, что ее участь—замужество?

— Где лежит ваша родина, в какой области Соединенных Штатов?—спросил он.—Чикаго, Чолинг или где-нибудь дальше? Ведь вы мне еще ничего про себя не рассказали. До сих пор я узнал только ваше имя: Джен Лэкленд неизвестно откуда.

— Родина моя лежит гораздо дальше на запад.

— А ну, постойте: Невада?

Она отрицательно покачала головой.

— Калифорния?

— Еще того дальше!

— Дальше итти некуда, или я позабыл географию.

— Не географию, а политические события,—рассмеялась она.— Разве вы не помните про «аннексию»?

— Филиппины [1],—спохватился он.

— Нет, Гавайские острова. Я родом оттуда. Прекрасная страна. Я все тоскую по ней. Мне пришлось побывать и на чужбине. Я жила в Нью-Йорке, когда случился крах. Но Гавайские острова... По-моему, нет лучше места на свете!

— Но тогда каким же образом и зачем вас занесло сюда, в эти позабытые богом края?—удивился он, и добавил с горькой усмешкой:—Сюда приезжают искать счастья одни дураки.

— Но Нильсона, однако же, нельзя было назвать дураком, не так ли?—возразила она.—Насколько мне известно, он составил себе тут состояние в три миллиона.

— Да, это слишком верно, и вот это-то меня и заманило и привело сюда.

— Так же, как и меня,—сказала она.—Папа наслышался про него, когда жил на Маркизских островах [2], и мы с ним отправились в путь-дорогу. Только бедный папа не доехал до места.

— Он умер, ваш папа?—заикнулся Шелдон.

Джен кивнула в ответ головой и глаза ее затуманились слезами.

— Лучше я вам расскажу все по порядку.—Она встряхнула головой, гордо отгоняя от себя нахлынувшие мрачные мысли, как подобает женщине, вооруженной длинноствольным Кольтом и в «Баден-Пауэле» вместо шляпки.—Моя родина—Хило на острове Гаваи, самом большом и самом лучшем из всей группы Сандвичевых островов. Меня воспитали так, как обыкновенно воспитывают девочек в этих местах. Они растут на воле и выучиваются отлично ездить верхом и отлично плавать, не зная еще таблицы умножения. Про себя я не помню, когда мне случилось в первый раз вскарабкаться на лошадь и как я выучилась плавать. Во всяком случае, это было в ту пору,

---

[1]) Филиппинские острова,—владения САСШ,—самая северная часть Малайского архипелага, омываются с востока Тихим океаном, с запада—Южным Китайским морем. Уступлены Испанией САСШ в 1898 году, после испано-американской войны, за 25 миллионов долларов. Эта „продажа“ вызвала негодование туземцев, надеявшихся на независимость, и повела к кровопролитной войне между туземцами и американцами...

В том же 1898 году были присоединены к САСШ Гавайские или Сандвичевы острова, лежащие в северной части Тихого океана, при чем САСШ и на этих островах уничтожили даже видимость политической самостоятельности туземцев. Аггрессивная империалистическая политика САСШ стремится распространить свою гегемонию и на Южную Америку, а также на другие острова Тихого океана.

[2]) Маркизские острова—в Тихом океане, к востоку от о.о. Туамоту.

когда я еще не умела читать по складам. Папа владел обширными пастбищами на острове Гаваи и на острове Мауи. В одной Хохуне у него было слишком двести тысяч акров луговой земли. Эта местность расположена между Маун Коа и Маун Лоа; там-то я научилась стрелять, охотясь за сернами и разной другой дичью. На Молокаи водятся тигры. Фон был управляющим в Хохуне. Обе дочери его были моими ровесницами и подругами, и летом я всегда жила вместе с ними и даже один раз прожила у них круглый год. Нас всех трудно было отличить от индианок. Нельзя сказать, чтобы мы стали дикарками, но мы страстно хотели уподобиться настоящим дикаркам. Само собой разумеется, что у нас были и гувернантки, и уроки, и шитье, и что мы занимались домашним хозяйством; но склонить нас ко всем этим скучным занятиям можно было только обещаниями дать лошадей и пустить на охоту.

Фон был когда-то бравый вояка, а папа был старым морским волком, и оба они любили строгую дисциплину; но ни у тех двух девочек, ни у меня не было матери, а они оба, бедняги, были вдовцы. Они отчаянно баловали нас. Можете судить, что это было, когда мы кончали уроки. Они забирали нас с собой на охоту и обращались с нами по-товарищески. Всякую домашнюю работу мы должны были научиться делать сами вдвое лучше, чем это делают местные слуги, и таким образом мы готовились с честью занять положение настоящих хозяек. Мы всегда сами приготовляли для них коктэйль [1]). Это дело настолько важное, что его никак нельзя было поручать слуге. И вообще мы должны были выучиться все делать сами так, чтобы в случае надобности могли обойтись без посторонней помощи. Например, лошадей всегда, конечно, ловили и седлали нам ковбои, но мы и сами сумели бы при случае отправиться в загон и управиться с ними.

— Что значит управиться?—спросил Шелдон.

— А поймать коня, накинуть на него аркан, лассо. И папа и Фон показывали нам, как седлать лошадей, и проверяли строжайшим образом наши успехи в этом искусстве. То же самое по части револьверов и ружей. Обыкновенно, чистили и смазывали их наши слуги, но мы следили за тем, чтобы это сделано было основательно и аккуратно. На первых порах нас наказывали не раз то одну, то другую, отнимая на целую неделю ружье, если, бывало, проглядишь на нем какое-нибудь пятнышко неотчищенной ржавчины. Мы должны были уметь развести костер в сырую погоду и даже во время проливного дождя, когда кругом не найти сухой щепки. Кажется, ничего не может быть

[1]) Коктэйль — американский напиток, подсахаренная и охлажденная смесь водки (или джина), сдобренная разными пряностями.

труднее этой задачи, разве только выучить урок по грамматике. От папы и от Фона мы перенимали гораздо больше, нежели от наших гувернанток. Папа выучил нас говорить по-французски, а Фон—по-немецки. Мы довольно сносно изъяснялись на обоих этих языках, и совершенствовались в них, сидя в седле или болтая во время привалов.

Когда наступал холодный сезон, подруги навещали меня в Хило, где у отца было два своих дома, один из которых стоял на набережной. А то, бывало, отправимся втроем в другое папино имение—Пунта. Там у нас челноки, лодки, рыбная ловля, плавание. Тогда еще папа был членом Королевского Гавайского яхт-клуба и забирал нас с собой на гонки и в плавание. Понимаете, папу все время тянуло к морю. Четырнадцати лет я уже занимала в доме положение полноправной хозяйки и в качестве таковой распоряжалась всем штатом прислуги. Воспоминание об этом периоде жизни наполняет мое сердце гордостью. Когда же мне исполнилось шестнадцать лет, нас всех трех отправили в Калифорнию, в пансион Милля, считавшийся самым аристократическим. Там мы томились ужасно долго. Как мы рвались домой! Мы сторонились товарок, которые дразнили нас людоедками по той причине, что мы приехали с Сандвичевых островов, и язвительно подтрунивали, что будто бы наши предки загрызли капитана Кука, тогда как наши предки вовсе и не жили на этих островах, да и исторически это неверно.

Я провела целых три года в пансионе Милля, разумеется, с перерывами во время каникулярных путешествий на родину. Кроме того, мы были в Нью-Йорке и прожили там два года. Тут разразился крах, сахарная плантация на острове Мади прогорела. Расчеты инженеров оказались неверными. Тогда папа затеял строить железную дорогу, которая получила прозвище «Сумасбродство Лэкленда», хотя в сущности это предприятие могло окупить себя при другой конъюнктуре. Но в то же время оно только ускорило развязку. Прорытие канала Пелаулау нанесло окончательный удар нашему состоянию. И все бы это повернулось иначе, если бы только не совпало случайно с разразившейся на Уол-Стрите финансовой катастрофой. Дорогой, милый папочка! Он старался все это скрыть от меня. Но это ему не удалось; я случайно узнала о случившейся с ним беде из газет и поспешила вернуться домой. Перед этим мне жужжали в уши со всех сторон, что единственная карьера, достойная порядочной женщины, это—замужество, и тогда прощай романтизм. Как раз напротив: с тех пор, как отец разорился, передо мной стала раскрываться жизнь, полная романтизма.

— Давно ли это произошло?—спросил Шелдон.

— В прошлом году, во время промышленного кризиса и паники.

— Постойте!—Шелдон принялся загибать пальцы с самым серьезным видом.—Шестнадцать плюс пять, плюс один—двадцать два. Итак, вы родились в 1887 году.

— Да, но нельзя сказать, чтобы вы отличались особенной вежливостью.

— Я, право, не знаю и весьма сожалею,—замялся он,—но вывод напрашивался сам собой.

— Вы всегда так мило ведете себя? Или это английская манера?—В серых глазах ее блеснул огонек, а губки надулись.—Советую вам, мистер Шелдон, прочесть брошюру под заглавием «Американские жены и английские мужья», принадлежащую перу Гертруды Азертон.

— Благодарю вас. У меня имеется эта книжка; она лежит вон там.—При этом он указал на заваленные книгами полки.—Впрочем, если не ошибаюсь, автор судит пристрастно.

— Все, что направлено против англичан, вам будет казаться пристрастным,—возразила она.—Я терпеть не могу англичан. В последнее время у отца служил англичанин-приказчик. Папе пришлось все-таки его рассчитать.

— Люди бывают разные. Нельзя судить по-одному.

— Но этот противный англичанин доставил нам массу неприятностей. Да-с. И, пожалуйста, не сбивайте меня с толку вашими неуместными замечаниями. Я не так уж глупа, как вы думаете.

— Я вовсе не думал этого!

— О, на этот счет...—Она вскинула голову и уже раскрыла, было, рот, собираясь возразить, но передумала.—Буду продолжать свое повествование. Папа лишился всего своего состояния и решил снова пуститься в плавание. Он всегда любил море, и я почти уверена, что он даже был в сущности рад, что обстоятельства сложились именно таким образом. Он положительно помолодел, и с утра до вечера возился с разными планами и приготовлениями. Он засиживался до глубокой ночи, обсуждая вместе со мной всевозможные подробности своего нового предприятия. Это было уже после того, как он убедился окончательно, что я, действительно, решилась не расставаться с ним...

Он, видите ли, занимался когда-то ловлей жемчуга и жемчужных раковин в Южных морях и был совершенно уверен, что так или иначе, но можно будет из этого дела извлечь большую выгоду. Кроме того, папу чрезвычайно занимала мысль о разведении кокосовой плантации, а пока плантация начнет приносить доход, мы бы пробавлялись исканием жемчуга и кое-какими торговыми оборотами. Он променял свою яхту на шхуну, и мы пустились с ним в море. Я берегла его, как умела, и в то же время знакомилась с морским делом. У него не было шкипера, и он сам исправлял эту службу.

Помощником его был датчанин, мистер Эриксон, а команда была смешанная; она состояла из японцев и гаваитян. Мы изъездили вдоль и поперек весь Южный архипелаг, и, наконец, папа выбился из сил. Все пошло прахом. Острова в это время переходили из рук в руки путем аннексий и политических разделов, а крупные компании, пользуясь этим обстоятельством, захватывали земли, присваивали себе торговые права, права на рыбную ловлю и всевозможные привилегии.

Наконец, мы попали на Маркизские острова. Места были прекрасные, но туземцев уцелело очень немного. Отца крайне поразило неожиданное известие, что французы обложили пошлиной экспорт копры. Он считал эту меру пережитком средневекового невежества, но самое место пришлось ему по душе. Там, в Нука-Хива, расстилалась на протяжении пятнадцати тысяч акров долина, которую омывал чудный, удобный для стоянки залив. Долина ему очень понравилась, и он приобрел ее за тысячу двести английских долларов. Но французская пошлина была весьма тяжела,—вот почему и земля так дешево ценилась,—а хуже всего было то, что ощущался крайний недостаток в рабочих руках. Туземцы—канаки—отказывались работать, а чиновники, казалось, просиживали целые ночи напролет, придумывая, какие бы поставить еще новые препоны на нашем пути.

Положение наше оказалось безнадежным. Не прошло и шести месяцев, как папа окончательно в этом убедился. «Ладно, поедем на Соломоновы острова,—сказал он,—посмотрим, как живется людям под английским протекторатом. Ну, а если и там не посчастливится, тогда отправимся на Бисмарков архипелаг. Готов биться об заклад, что Адмиралтейские острова [1]) находятся еще в диком состоянии». Сказано—сделано. Собрались, перенесли все свое имущество на борт корабля и набрали новую команду из таитян и маркизонцев. Мы уже, было, совсем приготовились двинуться в путь, намереваясь только остановиться в Таити для починки и переоснастки шхуны, как вдруг бедный мой папа слег и вскоре скончался.

— И вы остались совсем одиноки?

Джен печально наклонила голову.

— Совсем, совсем. У меня не было ни братьев, ни сестер, а все папины родные погибли еще до моего рождения, в Канзасе [2]) во время случившегося там наводнения. Мне можно было, конечно,

---

[1]) Адмиралтейские острова — группа австралийских островов, расположены на север о восточной ча ти Новой Гвинеи.

[2]) Канзас — о ин из штатов Соед. Шт. Сев. Америки и река того же названия, впадающая в Миссури, в $2^1/_2$ *км* от г. Канзас-Сити.

вернуться к дяде Фону. Его дом был всегда открыт для меня. Но к чему мне было туда возвращаться? Притом же папа не довел до конца своего предприятия, и я чувствовала, что он как бы завещал мне его довести до конца. Эта мысль меня увлекла, и я решила привести ее в исполнение. И... и вот я очутилась тут.

— Послушайтесь моего совета,—не вздумайте переселяться на Таити [1]. Там восхитительная природа и очень милые туземцы. Но белые! Настоящие разбойники, воры, грабители, мошенники,—вот они кто. Честных людей там—раз, два, и обчелся. Так как я женщина, то им обманывать меня было очень легко. Они придирались ко всякому поводу, чтобы грабительски меня обсчитать, но врали они уже безо всякого повода или нужды.

Бедного мистера Эриксона они ухитрились подкупить. Он перешел на их сторону и поддерживал все их претензии, хотя бы они доходили до тысячи за сто. Если они надували меня на десять франков, то ему отдавали три. Один уплаченный мною счет в пятнадцать тысяч франков доставил ему ровно пятьсот. Обо всем этом я узнала позднее. Но «Мьеле» была старая шхуна, необходимо требовала ремонта, и с меня драли не втридорога, а в семь раз больше, чем следует.

Я так и не знаю до сих пор, сколько Эриксон заработал на этих операциях. Он жил на берегу в прекрасно обставленном доме. Плоды, овощи, рыба, мясо, лед доставлялись к нему в изобилии на дом совершенно бесплатно. Он получал все эти продукты от благодарных поставщиков. Впрочем, это не мешало ему постоянно горько сетовать на то, что эти подлецы меня обижают. Нет, но ведь я же попала не в вертеп разбойников. Я была на острове Таити. Когда же разбойники, наконец, не поладили между собой и перессорились, то у меня открылись глаза. Один ограбленный грабитель зашел ко мне темным вечером и выдал своих товарищей, представив целый ряд фактов и документов. Я знала, что подать в суд равносильно полному разорению. Судьи там такие же взяточники, как и все прочие белые. Но придумала выход. Явившись к Эриксону поздней ночью, я застигла его врасплох. У меня в руках был тот самый револьвер, который вы знаете, и я заставила Эриксона выслушать неприятные вещи, не давая ему даже подняться с постели. Я отобрала у него тысячу девятьсот с лишним франков Он не осмелился заявить в полицию, и с тех пор уже больше не показывался мне на глаза. Остальные же молодчики только посмеивались надо мной. Там жили два американца, которые сочли нужным предупредить меня, чтобы я

---

[1]) Таити (или Подветренные острова) принадлежат к архипелагу островов Товарищества в Полинезии (Океании).

ни в коем случае не обращалась к суду, если только не хочу расстаться со шхуной. После того я отправилась в Новую Зеландию и вывезла оттуда нового штурмана—немца. У него был капитанский диплом и в судовых бумагах он числился у меня в этом чине, но я была лучшим, нежели он, мореплавателем и фактически была сама капитаном. Шхуна погибла, но не по моей вине. Мы дрейфовали целых четыре дня, попав в полосу мертвого штиля. Потом внезапно поднялся северо-западный ветер и погнал нас прямо к берегу. Мы старались взять паруса на гитовы [1]), но тут на деле сказались все мошеннические проделки корабельных мастеров на Таити. Утлегарь [2]) и все рек сорвало. Нас могло спасти только одно: лечь на другой галс [3]) и попытаться пройти между Флоридой и Изабеллой. Мы благополучно миновали этот пролив, но тут же в сумерках наткнулись на коралловый риф, хотя на морской карте в этом районе значилось двенадцать сажен глубины на самом мелком месте. Бедная старушка «Мьеле» стукнулась всего один только раз и пошла, было, дальше, но оказалось, что и легкого толчка она не могла перенести безнаказанно, и мы едва успели пересесть в шлюпку, прежде чем она пошла ко дну. Немец-штурман утонул. Всю ночь мы проболтались на водяном якоре, а на рассвете увидели вот эти ваши места.

— Вероятно, теперь вы намерены вернуться к старому Фону?—спросил Шелдон.

— Ни в коем случае. Ведь папа хотел поселиться на Соломоновых островах. Я хочу присмотреть себе тут подходящий кусочек земли и попробую насадить небольшую плантацию. Не можете ли вы указать мне где-нибудь неподалеку отсюда какое-нибудь недурное местечко и не слишком дорогое.

— Клянусь Георгом, вы, янки, удивительные люди, воистину удивительные!—воскликнул Шелдон.—Могло ли мне во сне присниться нечто подобное столь дерзкой предприимчивости?

— Не предприимчивости, а погони за приключениями, хотите вы сказать,—поправила она его.

— Да, это так. Это называется любовь к приключениям. Однако, если бы вместо Гвадалканара [4]) вас занесло в Малаиту, то уже

---

[1]) Гитовы — снасти, служащие для уборки парусов. Взять паруса на гитовы — взять или убрать паруса гитовами.

[2]) Утлегарь — рангоутовое дерево, служащее продолжением бушприта.

[3]) Галс — курс корабля относительно ветра. Лечь на другой галс — повернуть судно так, чтобы ветер, дувший, например, в правый борт, дул бы в левый.

[4]) Гвадалканар — один из Соломоновых островов.

давно вас превратили бы в жаркое вместе с вашими благородными таитянами и учинили бы над всеми вами «кай-кай».

Джен поморщилась.

— По правде сказать,—призналась она,—мы немножко побаивались приставать к вашему берегу. Я читала в «Морском указателе», что туземцы Гвадалканара отличаются коварством и жестокостью. Когда-нибудь я заберусь на Малаиту. Есть там плантации?

— Никаких плантаций там нет. Туда не решаются заглядывать даже торговцы.

— В таком случае я отправлюсь туда на каком-нибудь судне, производящем вербовку туземцев.

— Немыслимо!—вскричал Шелдон.—Там женщинам не место!

— А я все-таки поеду туда,—упрямо повторила она.

— Ни одна порядочная женщина...

— Осторожнее!—предупредила она.—Когда я уеду, то вы пожалеете, что позволили себе так выразиться по моему адресу.

ГЛАВА VI

Буря

В первый раз в жизни Шелдону случилось так близко соприкоснуться с американским характером в лице этой девушки, с которой волею судеб он теперь очутился под одной крышей. Ему легко могло бы прийти в голову, что все американские девицы похожи на Джен Лэкленд, как две капли воды, однако, у него хватило ума догадаться, что в ее характере преобладают не типические, а совершенно оригинальные черты. Ее умственная живость и быстрая смена настроений часто огорашивали его, а ее убеждения были так непохожи на те правила поведения, какими должна была бы руководствоваться, по его мнению, всякая женщина ее круга, что он частенько терялся, становился втупик и не знал, как к этому отнестись. Предвидеть ее слова и поступки не было никакой возможности. Наоборот, он всегда ждал услышать от нее что-нибудь самое необыкновенное. В ее движениях сквозила какая-то истеричность. Обладая бойким и порывистым нравом, она стойко отстаивала свою независимость. Это совершенно не соответствовало его представлению о женщине, рядом с которой находится мужчина. Он не понимал ее взглядов на женское равноправие, фактически проводимых ею при столкновениях с ним, и иной раз им овладевало бессознательное беспокойство при виде этой вынырнувшей при шуме урагана из морской пучины, потерпевшей крушение девицы со свитой из дюжины полинезийцев, высадившихся у него в Беранде, перед этим грозившей револьвером Эриксону и удивлявшей его теперь своей развязностью и бесцеремонностью. Однако, все это вполне гармонировало как с ее Баден-Пауэлем, так и с увесистым кольтом. Как бы там ни было, но она—не то, что о ней можно было подумать при первой встрече. И Шелдон не мог этого забыть. Если бы эта женщина отличалась стрижеными волосами, широкими скулами и неуклюжей фигурой, а не обладала бы столь привлекательной наружностью,—все это было бы в порядке вещей. Но она была полна чисто женственной красоты. Его особенно пленяла ее тяжелая, длинная коса. Она была статной, изящной девушкой, и его так

неприятно поражал резкий тон ее громкой команды. Он представлял себе, как она закидывает на шею лошади лассо, и эта картина вызывала в нем неприятное чувство.

Но мисс Лэкленд, кроме того, обладала еще самыми разнообразными способностями. Он удивлялся ее знаниям по части искусства и литературы, но что особенно задевало его за живое, это ее умение крепить паруса, бросать якорь и командовать шхунами в Южных морях. Что же касается поездки на Малаиту, то этот невозможный проект казался ему просто безобразным.

Особенно смущала Шелдона женственность ее натуры. Она умела играть на фортепьяно, и даже лучше, кажется, его сестры, там, на родине, не говоря уже о бедняге Хью, который так отважно барабанил на этом самом инструменте. Когда же она бралась за гитару, напевая плавные, нежные гавайские «гулы», он приходил в совершенный восторг. В эти минуты она становилась очаровательной, и прелести этого чудного создания помогали ему забыть про дневные заботы и позабыть вместе с тем о ее кольте, Баден-Пауэле и прочем. Однако, тут же его начинала сверлить мысль: зачем эта девушка строит из себя мужчину и искателя приключений. Любительниц приключений называют авантюристками, и это ему вовсе не нравилось. К тому же Давид Шелдон и сам был не великий охотник до приключений. Он с детства никогда не стремился к таким вещам, и, право, ему трудно было бы теперь решить, какая блажь привела его из Англии на Соломоновы острова.

Шелдону положительно не везло. Создавшееся неловкое положение чересчур резко расходилось с его консервативными взглядами и наклонностями. Беранда, где, кроме него, не было больше ни одного белого человека, по его мнению,—совсем неподходящее место для Джен Лэкленд. Он все время ломал себе голову, куда бы ее отсюда сплавить, и даже попробовал заговорить с ней об этом. На пароход из Австралии нельзя рассчитывать раньше, чем через три недели.

— Я вижу одно,—процедила она в ответ на его слова,—вам неприятно мое присутствие; завтра я уезжаю на вельботе в Тулаги.

— Но ведь я уже вам говорил, что это немыслимо!—воскликнул он,—там нет ни души. Комиссар уехал в Австралию, и единственный белый человек там, это—простой матрос, его третий помощник. Он олицетворяет теперь на Соломоновых островах всю правительственную власть и сторожит там сотню черных арестантов. Это такой болван, который постарается еще оштрафовать вас на пять фунтов стерлингов за то, что вы не прошли через таможню. Это человек совершенно неотесанный, и я настойчиво повторяю, что вам туда ехать немыслимо.

— А если в Гувуту?—спросила она.

Он только махнул рукой.

— Там нет ничего, кроме болотной лихорадки и пяти белых, которые пьют целый день без просыпу. Я вас туда не пущу.

— Благодарю покорно,—проговорила Джен невозмутимым тоном.—Пора собираться. Вайсбери! Пошли-ка ко мне Ноа-Ноа.

Ноа-Ноа был у нее старшим матросом; он служил боцманом на «Мьеле».

— Куда вы? Куда вы?—взмолился Шелдон.—Постой, Вайсбери!

— Я немедленно отправляюсь в Гувуту!

— Но я не согласен пустить вас.

— Потому-то я и поеду. Вы позволяете себе говорить со мной таким тоном, которого я не переношу.

— Что такое?—Он не мог понять, почему она так рассердилась.—Если я вас чем-нибудь невольно обидел...

— Вайсбери! Ступай же, тебе говорят, позови сюда фелла Ноа-Ноа!—топнула Джен.

Чернокожий двинулся исполнять приказание.

— Вайсбери, ни с места, или я размозжу тебе череп! Я настаиваю на объяснении, мисс Лэкленд! Скажите на милость, чем я провинился перед вами?

— Вы воображаете, вы смеете...—она поперхнулась и невольно замолкла.

Шелдон совершенно опешил.

— Признаюсь откровенно, от всего этого у меня голова идет кругом,—произнес он.—Объясните же, наконец, поясней!

— Я, кажется, выражаюсь достаточно ясно, и в этом отношении не уступаю вам. Ведь вы же позволили себе заявить, что не пустите меня ехать в Гувуту.

— А что же тут такого?

— А то, что вы не в праве позволять или запрещать мне что бы то ни было, и никто другой не имеет на это ни малейшего права. Я не маленькая, не нуждаюсь в опеке и не за тем приехала на Соломоновы острова, чтобы найти здесь няньку.

— Но долг каждого джентльмена быть заступником женщины.

— Я не принадлежу к числу тех, которые в этом нуждаются. Надеюсь, вы разрешите мне послать вашего прислужника за Ноа-Ноа. Я намерена распорядиться, чтобы спустили вельбот. Или мне самой прикажете итти за ним?

Они выпрямились оба и стояли друг перед другом: она с пылающим лицом и злыми глазами, а он—растерянный, взволнованный и огорченный.

Черный слуга застыл на месте, как каменное изваяние, и безучастно наблюдал этих непонятных белых людей. Ему мерещилась

в это время родная деревушка, заброшенная в зеленых джунглях Маланты, соломенные хижины и голубой дымок на сером фоне скалистых гор.

— Надеюсь, все-таки, что благоразумие удержит вас от подобного предприятия!—рискнул сказать Шелдон.

— Вы опять за свое!—вспыхнула она.

— Вы меня не так поняли.—Он говорил многозначительно и с расстановкой.—Мои слова о том, что я вас не пущу,—это только известный способ выражения. Разумеется, я не ваша гувернантка. Можете себе отправляться куда вам угодно: в Гувуту...—«или ко всем чертям», чуть, было, не сорвалось у него с языка.—Меня это огорчает, вот и все. Очень жаль, если мои слова вас задели. Но, подумайте, ведь я англичанин.

Джен улыбнулась и опустилась в кресло.

— Я немного погорячилась,—призналась она.—Понимаете, я не выношу никаких приказаний. Я всегда упорно отстаивала свою независимость. Это мое больное место, когда господа самозванные властители мира берутся указывать мне, что я должна и чего не должна делать. Вайсбери! Пошел на кухню и не надо звать Ноа-Ноа. Как же мне теперь поступить и что делать, мистер Шелдон? Вы не хотите, чтобы я здесь оставалась, но скажите, куда же мне деться?

— Помилосердствуйте. Ваше несчастье спасло меня. Я остался совершенно один и едва дышал. Без вас мне бы не сдобровать. Но дело не в этом. Лично для меня было бы большим горем, если бы вы уехали,—это с чисто эгоистической стороны. Но в данном случае я не о себе думаю. Я беспокоюсь за вас. Вот в чем суть дела. Будь бы я человек женатый, живи здесь еще какая-нибудь дама, тогда дело другое, но ведь создалось такое положение...

Джен взмахнула руками с притворным отчаянием.

— Затрудняюсь понять вашу логику. Вы требуете, чтобы я убиралась отсюда прочь, и в то же самое время запрещаете ехать куда бы то ни было. Куда же мне, бедной, деться?

— Вот в том-то и штука!—развел он руками.

— И это несносное положение вам, я вижу, надоело.

— Поймите, я думаю исключительно только о вас.

— Обо мне вам беспокоиться нечего! Это положение мне не нравится только тем, что оно служит постоянным источником всех этих ваших треволнений. Я никогда не тревожусь о том, чего изменить не в силах. Что толку воевать с неизбежностью? Взглянем на положение трезво. Вы тут. И я тут. Ехать мне, по вашим словам, некуда. Само собой понятно, что и вы не можете никуда удалиться отсюда, оставляя на моих руках целую плантацию и двести человек чернокожих людоедов. А потому остаетесь вы—остаюсь и я. Вот вам

и приключение. Не опасайтесь никаких брачных намерений с моей стороны. О них не может быть и речи. Я приехала на Соломоновы острова искать не мужа, а плантацию.

Шелдон густо покраснел, но не нашелся, что возразить.

— Я угадываю ваши мысли,—расхохоталась она.—Вы бы свернули мне шею, будь я мужчиной, не правда ли? Я отчасти этого заслуживаю, к сожалению. И готова повиниться. Я оскорбила ваши благородные чувства.

— Очевидно, я был тоже неправ,—смиренно промолвил он, радуясь признакам затихающей бури.

— Давайте сделаем вот что,—спохватилась она.—Отрядите в мое распоряжение партию рабочих на сегодняшний день. Я возведу для себя небольшую беседку из тростника в уголке вашей усадьбы. На столбах, разумеется. Мне можно будет перебраться туда сегодня же к вечеру. Я устроюсь там отлично и в полной безопасности. Телохранители мои, таитяне, будут держать по ночам вахту, как на корабле. Потом начну изучать разведение кокосовых пальм. А в благодарность за гостеприимство возьму на себя наблюдение за вашей кухней и позабочусь о том, чтобы устроить для вас порядочный стол. Вы собираетесь возражать, но я предвижу заранее все ваши предложения и заранее отклоняю их. Вы хотите предоставить мне дом, а сами перебраться в беседку? Этому не бывать! Дело решено и подписано. Если же вы вздумаете спорить, то я поселюсь на противоположном берегу реки, за пределами принадлежащей вам территории и устрою маленькую деревушку для себя и для своих матросов, которых буду посылать на вельботе в Гувуту за съестными припасами. А теперь, прошу вас, покажите мне, как играют на биллиарде.

ГЛАВА VII

Отчаянные головорезы

Джен взяла хозяйство в свои руки и с таким увлечением принялась за дело, что произвела в доме целую революцию. Шелдон не узнавал своего собственного жилища: такая водворилась везде чистота и опрятность. Слуги перестали бездельничать, а повар жаловался, что «у него кругом идет голова» и что всю его стряпню вывернули наизнанку и весь кухонный обиход переделали наново. Досталось порядком и самому хозяину за небрежное отношение к пище. Она его пробирала за то, что он слишком злоупотребляет консервами. Она его называла неряхой, увальнем и другими неприятными прозвищами и упрекала за неповоротливость и невнимание к здоровой диэте.

Джен посылала своих молодцов на вельботе за лимонами и апельсинами, которые можно было доставать миль за двадцать, и приставала к Шелдону, почему он не устроил у себя в Беранде фруктового сада и огорода. Дикие яблоки, которые он считал негодными для стола, появились за завтраком и оказались очень вкусными, а к обеду она приготовляла из них знаменитые пудинги, вызывавшие в нем восхищение. Собираемые в лесу бананы подавались и сырые и печеные, подвергались всевозможным кулинарным манипуляциям и превращались в разнообразные кушанья, из которых одно было лучше другого. Матросы ежедневно отправлялись на рыбную ловлю, иногда вместе с нею самой, и глушили рыбу динамитом, а жители Бейльсуны получали от нее порции табаку за доставку устриц. Пирожные, приготовляемые ею из кокосовых орехов, были верхом совершенства. Она научила повара приготовлять дрожжи из молока, благодаря чему явилась возможность выпекать отличные пышные булки. Из сердцевины молодых кокосовых побегов она приготовляла чудесный салат. Из орехового молочного сока и мякоти она устраивала великолепные соусы, то сладкие, то кислые, с которыми подавали рыбу и пудинги.

Она доказала Шелдону, что кокосовые сливки гораздо лучше сгущенных, когда их подливают в кофе. В приготовлении салатов

она доходила до виртуозности. Больше всего понравился Шелдону замечательный салат из молодых побегов бамбука. Дикие помидоры, которые росли, как бурьян, и истреблялись в Беранде до той поры самым хищническим образом, запасались для приправы к супам, соусам и салатам. Куры, предоставленные самим себе, бродившие где попало и несшие свои яйца по кустам, превратились в наседок. Иногда Джен отправлялась сама на охоту за дикими утками и голубями.

— Нельзя сказать, чтобы это занятие мне особенно нравилось,— объясняла она свое кулинарное увлечение.—Но тут оказывается результат полученного мною под руководством отца воспитания.

Между прочим, она настояла на том, чтобы сжечь заразный барак, повздорила с Шелдоном из-за его системы уборки покойников и с раздражением приказала своим людям приступить к возведению нового госпиталя, более «приличного», по ее словам.

Она посдирала с окон батистовые и кисейные занавески и повесила новые шторы из веселенького ситца, найденного ею в кладовых, и из него же сшила себе новое платье. Составленный ею длинный список разных вещей, туалетных принадлежностей и материй на предмет закупки в Сиднее [1]) с первым направляющимся туда пароходом заставил Шелдона призадуматься: до каких же пор она будет здесь жить.

Джен совершенно не похожа была на тех женщин, которых ему приходилось встречать в жизни или даже видеть во сне. Она вовсе не походила на женщину. Ни томных вздохов, ни сентиментальных слов, ни малейшего кокетства. Ее отношение к нему было чисто товарищеским. Со стороны можно было подумать, что он ее брат,— настолько разница полов ничем не проявлялась. Она отвергала и высмеивала всякие любезные услуги, в роде подавания руки, чтобы помочь войти в лодку или перейти через ручеек. Шелдон убедился, что она прекрасно умеет все делать сама. Не обращая никакого внимания на его постоянные предостережения, она, не боясь ни крокодилов, ни акул, продолжала купаться и плавать на глубоких местах вдали от берега. Он не мог также уговорить ее отказаться от удовольствия собственноручно бросать динамитные шашки и предоставить матросам глушить рыбу таким опасным способом. Она уверяла его, что в силу своего умственного превосходства сумеет осторожнее обращаться с динамитом, нежели ее люди. Он никогда не встречал еще такого поразительного сочетания мужества и женственности в одном лице.

---

[1]) Сидней—главный город штата Новый Южный Валлис (в британском доминионе Австралии), на берегу залива Порт-Джэксон.

Яблоком раздора между ними служила разница взглядов на то, как относиться к чернокожим. Она считала нужным обращаться с рабочими ласково, воздерживаться, по возможности, от выговоров, отрицала всякие наказания, и Шелдон не мог не видеть, что ее телохранители обожают ее, а домашние слуги стали работать при ней втрое больше и гораздо охотнее, чем прежде.

Джен подметила глухое недовольство среди закабаленных рабочих и не закрывала глаз на тот факт, что жизнь ее и Шелдона все время висит на волоске. Без револьвера они не решались выходить из дому ни на шаг, а матросы, державшие по ночам вахту у ее новой тростниковой беседки, всегда держали ружья наготове. Но Джен объясняла водворившийся в Беранде хронический террор теми строгостями, которые практиковались здесь раньше и даже как будто возводились в систему. Она выросла среди благодушных гавайцев, с которыми никогда не обращались грубо и сурово, и полагала, что нравы жителей Соломоновых островов значительно смягчились бы, если бы с ними тоже обращались по-человечески.

Однажды под вечер в бараках рабочих поднялся страшный шум, и Шелдон в сопровождении матросов-таитян отправился усмирять бунт. Им удалось вырвать из рук дикарей двух женщин, приговоренных чернокожими к смерти, и они заперли этих несчастных в кухне, чтобы спасти их от разъяренной толпы. Проступок этих двух женщин, которые приставлены были варить пищу рабочим, состоял в том, что они искупались в чану, предназначенном для варки картофеля. Дикари не отличались брезгливостью и сами частенько парились в этих котлах, но в данном случае их чувства были оскорблены тем обстоятельством, что в чану осмелились искупаться женщины,— существа, которых они считали низшими и которые на Соломоновых островах были крайне забиты и влачили самое жалкое существование.

За завтраком поутру Джен и Шелдон вновь были встревожены гулом возбужденной толпы. Самое строгое правило домашнего устава Беранды было нарушено. Чернокожие вторглись в усадьбу без всякого разрешения или распоряжения и притом все гуртом в числе двухсот человек, исключая только приказчиков, и таким образом все они совершили вопиющее преступление с точки зрения местных плантаторов. Чернокожие дикари столпились у веранды, выкрикивая проклятия и угрозы. Шелдон подошел к перилам веранды и посмотрел вниз. Джен остановилась немного поодаль, выглядывая из-за его спины. Когда бурные возгласы немного утихли, вперед выступили два брата. Эти два молодца выделялись из толпы своим высоким ростом, сильно развитой мускулатурой и особенно свирепыми лицами. У них были прозвища. Одного звали Карем-Джама—Молчаливый;

другого—Беллин-Джама—Кичливый. Оба служили прежде на квинслэндских плантациях, и хозяева всегда опасались их.

— Мы, фелла-рабочие, требуем, чтобы нам выдали двух фелла-марий,—заявил Беллин-Джама.

— А что вы намерены с ними делать, с этими вашими фелла-мариями?—спросил Шелдон.

— Убьем,—ответил Беллин-Джама.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?—бешено крикнул Шелдон, выходя из себя.—Как вы смели войти без спросу? Разве не слышали колокола? Вам место не здесь, а на поле. Колокол звонил, а вы тут разговариваете о ваших женщинах. Убирайтесь сейчас же в поле!

Толпа выжидала, что будет делать Беллин-Джама, а Беллин-Джама собирался с духом.

— Моя не пойдет,—выговорил он наконец.

— Ты дождешься, Беллин-Джама, что я тебя отправлю в Тулаги!—зарычал Шелдон.—И тебя там вздуют—лучше не надо.

Беллин-Джама сделал воинственный жест.

— А этого хочешь?—огрызнулся он, потрясая кулаком, на квинслэндский манер.

На Соломоновых островах, где белых очень мало, а черных огромное большинство, и где все белые являются представителями правящего класса, подобный вызов со стороны дикаря считается самой смертельной обидой. Трудно было представить себе, что кто-нибудь из чернокожих возымеет дерзость предложить белому бокс. Довольно с них и того, что белые их беспощадно колотят.

Героическая выходка Беллин-Джама вызвала ропот восхищения в толпе насторожившихся чернокожих.

Брошенный вызов звучал еще в воздухе, а ропот восхищения только-что поднимался, как Шелдон вдруг мигом спрыгнул с веранды, перемахнув через перила. Оттуда до поверхности земли было добрых двенадцать футов. Беллин-Джама стоял под самыми перилами. Шелдон смял его при падении, и Беллин-Джама рухнул замертво наземь. Бить беспощадно лежащего было уже не-зачем.

Джен содрогнулась при виде неожиданного прыжка и увидела, что Карем-Джама—Молчаливый—подбежал и схватил Шелдона за горло, что Шелдон едва удержался на ногах и что с полсотни дикарей накинулось на него. Она выхватила револьвер, и в ту же секунду Карем-Джама разжал пальцы и упал сраженный пулей, попавшей ему в плечо. Джен рассчитывала прострелить ему руку, что было бы не трудно в виду близости расстояния, но нахлынувшая толпа оттолкнула Карем-Джама, и пуля попала ему в плечо. Наступил тот

решительный момент, когда самое малейшее обстоятельство могло повести к важным последствиям.

Как только Шелдон высвободил шею из цепких рук, душивших его за горло, он нанес сильный удар кулаком Молчаливому, и тот беспрекословно улегся рядом со своим братом. Мятеж был подавлен, и пять минут спустя после этого пострадавших братьев уже тащили в барак, а бунтари, предводительствуемые надсмотрщиками, мирно поплелись на полевые работы.

Войдя на веранду, Шелдон застал свою гостью в горячих слезах. Она лежала, беспомощно растянувшись в качалке.

Это зрелище смутило Шелдона гораздо больше, нежели только-что испытанная им неприятность. Он вообще не переносил женских слез, но на этот раз заливавшаяся слезами женщина была не кто иная, как мисс Джен Лэкленд, от которой он всегда ожидал чего-нибудь непредвиденного, и он струсил, как мальчишка. Он выпучил глаза и растерянно переминался с ноги на ногу.

— Я ваш должник отныне,—промолвил он.—Вне всякого сомнения, вы спасли мою жизнь, и я должен сказать...

Девушка порывисто отвела руки от своего лица, и он обомлел при виде гневного выражения устремленных на него серых глаз.

— Вы зверь! Вы низкий человек!—закричала она, как ужаленная.—Вы заставили меня ранить человека; я еще ни разу в жизни не провинилась ни в чем подобном.

— Рана ничтожная, он не умрет,—попытался оправдаться Шелдон.

— Что из этого? Ведь я все-таки поранила его. Вам совершенно не-зачем было прыгать. Это—зверский и низкий поступок!

— О, да, но подумайте...—произнес он смиренно.

— Уйдите с глаз моих! Я вас ненавижу! Слышите, ненавижу! О, когда же вы, наконец, уйдете.

Шелдон побледнел от досады.

— Но во имя здравого смысла, зачем же в таком случае было стрелять?

— Затем, что вы—человек белой расы,—всхлипнула она.—И мой отец никогда не отказывал белому в защите. Но виноваты вы сами. Вы сами создали безвыходное положение. Вы не имели права этого делать. И к тому же ваш поступок не вызывался необходимостью.

— Кажется, мы совершенно не понимаем друг друга,—коротко отрубил он и повернулся к дверям.—Мы вернемся в другой раз к этой теме.

— Вы бы посмотрели, как я обращаюсь со слугами,—продолжала она говорить, заставляя его из вежливости остановиться в дверях.—Двое из них заболели; я сама за ними ухаживаю. Когда они

выздоровеют, то вы не можете себе представить, как они мне будут признательны и как охотно они будут исполнять все мои приказания. Мне не придется опасаться их каждую минуту. Все это зверство и все эти жестокие расправы совершенно излишни. Пусть они людоеды. Но они все-таки люди, они такие же люди, как и мы с вами. Они—разумные существа, и этим мы все отличаемся от низших животных.

Он поклонился и вышел.

— Послушайте, давеча я вела себя непростительно глупо,—обратилась она к нему по прошествии некоторого времени, после того как он вернулся домой с очередного обхода плантации.

— Я заходила в барак и видела раненого. Он уже чувствует себя гораздо лучше. Рана в самом деле пустяшная.

Шелдон чрезвычайно обрадовался перемене ее настроения и почувствовал себя счастливым человеком.

— Вы не отдаете себе еще надлежащего отчета в нашем положении,—начал он поучать ее.—Прежде всего надо держать их в узде. Снисходительность и гуманность обращения—против этого нельзя ничего возразить, но править ими одним только этим способом невозможно. Гавайцы и таитяне, это—дело другое. Что касается их, то я с вами согласен. Вы полагаете, что они ценят ласковое обращение. Охотно вам верю. Лично мне с ними не приходилось сталкиваться. А вы не знаете негров, и здесь вы должны на меня положиться. Они совсем не то, что ваши земляки. Вы привыкли к полинезийцам. А здешний народ—меланезийцы [1]). Посмотрите на их курчавую шевелюру. Они стоят на гораздо более низкой ступени развития, нежели американские негры. Смею вас уверить, что разница между теми и другими огромная.

Вы не добьетесь от них ни благодарности, ни любви. Если будете обращаться с ними гуманно, они припишут это вашей глупости. Если вы будете снисходительны, то они подумают, что вы их боитесь. А если они будут думать, что вы их боитесь, то будьте настороже, они до вас доберутся. Обратите внимание, например, на тот процесс, который обычно совершается в мозгу бушмена, когда он встречает в своих родимых зарослях белого человека. Его первая мысль исполнена ужаса: «Убьет или не убьет меня этот белый дьявол?» Второй проблеск мысли, когда он почувствовал, что его еще не убили, это: «не могу ли я убить его сам?» Недалеко отсюда, милях в двадцати, на нашем побережьи проживал некий Пакарт, колониальный торговец. Он гордился тем, что обращается с

---

[1]) Полинезийцы — обитатели островов Полинезии в Тихом океане (между 180° вост. долг. и 109° зап. долг.), за исключением островов Фиджи, населенных меланезийцами.

туземцами по-человечески и что ни разу ни в кого не стрелял. В конце концов он лишился всякого авторитета. Он, бывало, садился в вельбот и приезжал навестить меня и моего друга Хью. Когда его команда решала, что пора возвращаться домой, он должен был подчиняться ее воле и следовать за нею, хотя он был не прочь погостить и подольше. Помню, как-то раз, в воскресенье, Пакарт сидел с нами за обедом. Не успели поставить суповую миску на стол, как Хью заметил выглядывавшую из дверей черную рожу. Хью встал из-за стола, чтобы дать нагоняй нарушителю устава Беранды. Негр, в случае надобности, должен обращаться к слуге, а сам ожидать у калитки. А этот нахал, принадлежавший к команде Пакарта, осмелился без спросу взойти на веранду, отлично сознавая, что нарушает строгое постановление.

«Чего тебе нужно?»—спросил его Хью.

«Скажите белому человеку, который тут с вами, что мы, фелла-матросы, собрались уезжать. Пускай поторопится, мы ждать не будем. Мы уедем!»

Хью отвесил ему такого тумака, что тот кубарем слетел с лестницы.

— Но ведь этот бесчеловечный поступок ничем нельзя оправдать!—возразила Джен.—Ведь вам бы и в голову не пришло спустить с лестницы белого человека.

— В том-то и дело, что он был не белый, а черный. Этот негодяй-негр поступал сознательно дерзко и оскорблял своим вызывающим поведением не только своего хозяина, но в его лице также и всех белых хозяев-плантаторов на Соломоновых островах. Он оскорбил меня. Он оскорбил Хью. Он нанес оскорбление всей Беранде.

— С вашей точки зрения только; не упускайте этого из вида, с точки зрения права сильного...

— Да,—прервал ее Шелдон.—А Пакарт уступал праву слабого. И к чему же это привело? Я вот живу еще до сих пор, а Пакарт давно убрался со света. Он остался верен себе до конца; он в высшей степени деликатно обходился со слугами, а они выжидали только, пока его свалит с ног лихорадка. Теперь голова его украшает витрину национального музея на острове Малаите. Они унаследовали после него два вельбота, доверху нагруженных добычей. Был тут еще некий капитан Мэкензи с «Миноты». Он тоже был сторонником гуманного обращения. Он считал, что взаимное доверие несовместимо с употреблением оружия. Набирая рабочих на Малаите, он при вторичной поездке завернул в Бину, которая расположена неподалеку от Ланга-Ланга. Команда его была безоружна. Он держал винтовки под замком у себя в каюте. Отправляясь к берегу на вельботе с целью произвести набор, он разгуливал по палубе, не имея при себе даже револьвера. Его убили томагавком. Голова его осталась

на Малаите. Можно сказать, что он покончил самоубийством. И Накарта я тоже причисляю к самоубийцам.

— Я не спорю, что приходится соблюдать известную осторожность при сношениях с дикарями,—согласилась Джен,—но я убеждена, что следует обращаться с ними по-человечески—кротко и снисходительно.

— Готов подписаться обеими руками. Но взвесьте, пожалуйста, следующее: Беранда, безусловно,—самая скверная плантация на Соломоновых островах с точки зрения рабочей силы. Причина этого явления лучше всего доказывает справедливость вашего принципа. Прежние владельцы Беранды не отличались особенной деликатностью. Их было двое. Оба они были, можно сказать, грубые животные. Один из них был янки родом из Южной Америки; другой—пьяница-немец. Они торговали рабами. Начать с того, что они скупили рабочих у Джонни Битого, известного вербовщика Соломоновых островов. В настоящее время Джонни отбывает десятилетнюю каторгу на островах Фиджи, за ничем не вызванное убийство чернокожего. За последнее время его пребывания в здешних местах он до того вооружил против себя всех местных жителей своими подвигами, что туземцы его возненавидели, и чернокожие на Малаите наотрез отказывались от всяких сношений с ним. Единственный способ, каким он мог с тех пор закабалять рабочих, состоял в том, что, прослышав об убийстве или о целом ряде убийств, он являлся на место действия и забирал преступников, укрывавшихся от преследования. Последние, избегая наказания, добровольно отдавались ему. Этих белых убийц называют здесь «головорезами». На побережье затевается свалка; какой-нибудь несчастный негр бежит к морю, не чуя под собой земли, а вдогонку ему летит куча стрел и копий. Вельбот Джонни Битого стоит наготове и принимает к себе беглеца. За последнее время ему оставалось промышлять исключительно вышеуказанным способом.

Прежние владельцы Беранды, мои предшественники, как раз скупили у него партию этих самых «головорезов», закабаливших себя на пять лет. Понимаете, какую выгоду извлекает вербовщик, спекулируя на таком товаре? Он легко мог бы закабалить любого «головореза» даже на целый десяток лет, если бы только закон не противился этому. Так вот видите, с какими отчаянными людьми нам приходится иметь дело. Правда, многие из них вымерли, одних поубивали, некоторые из них отбывают тюремное заключение в Тулаги. Первые владельцы плантации мало занимались расчисткой почвы и насаждениями. У них убили управляющего. Одному из хозяев чуть не отсекли всю руку ударом ножа. Другого дважды ранили копьем. Оба они были буйного нрава и в то же время порядочные

трусы, и в конце концов им пришлось убраться отсюда. Их выгнали, в буквальном смысле слова, выгнали их же собственные негры. На смену им пришли ваш покорнейший слуга и бедняга Хью—два малоопытных новичка, которым и пришлось кое-как ладить с этими отчаянными людьми. Мы не отдавали себе надлежащего отчета в положении вещей, когда приобретали плантацию. И что же нам оставалось делать, как не выкручиваться и приспособляться по мере сил.

Первым нашим промахом следует считать неблагоразумно-снисходительное отношение к этим черным «сорви-головам». На первых порах мы старались воздействовать на них разумным убеждением, мягкостью. Негры вывели отсюда такое заключение, что мы их боимся. Мне стыдно вспомнить, до чего мы глупо вели себя в первое время. Они зазнавались, дерзко угрожали нам и даже оскорбляли; а мы упорно продолжали вести свою линию в надежде на то, что наша порядочность подействует на них благотворно. Но мы обманулись в наших расчетах; дела с каждым днем шли все хуже и хуже. Дошло, наконец, до того, что, когда бедному Хью случилось как-то выручать одного из прислужников, он чуть за это не поплатился жизнью. К счастью, мне удалось в тот раз поспеть к нему на выручку во-время.

С тех пор мы переменили свою политику и ввели режим крепкого кулака. Нам оставалось только два выхода: или прибегнуть к силе, или бросить все и уйти. Но мы вложили в это предприятие все свои деньги. И ликвидировать его,—это значило окончательно разориться. Помимо того, тут замешался вопрос самолюбия. Мы решили добиться успеха во что бы то ни стало. Предстояло выдержать жестокую схватку. Тем более, что Беранда была и осталась до сих пор самой худшей из всех плантаций Соломоновых островов в отношении качества рабочих рук. Изволите видеть: никто из белых не решался поступить к нам на службу. Напрасно мы соблазняли их выгодными предложениями. Шестерым мы предлагали занять место управляющего. Не скажу, чтобы они боялись; нет, они ничего не боялись, но, повидимому, они считали наше предприятие малонадежным. По крайней мере, последний из приглашенных и отказавшихся от места управляющего мотивировал свой отказ именно таким образом. Так что нам вместе с Хью пришлось кое-как самим управляться, без всякой посторонней помощи.

— И когда его не стало, то вы решили продолжать двигать дело один как есть?—воскликнула Джен, и при этом у нее загорелись глаза.

— Я думаю, что справлюсь, что пробьюсь как-нибудь. Будьте же снисходительны ко мне, мисс Лэкленд, памятуя, что мое положение

представляет столь исключительные особенности, и не упрекайте меня так беспощадно в жестокости. В нашем распоряжении толпа очень плохих работников, и нам приходится заставлять их работать. Вы сами видели, как обстоят дела на нашей плантации. Что касается саженцев на нашей плантации, которым уже года по три, по четыре, то смею вас уверить, что лучших вы не найдете на всем протяжении Соломоновых островов. Мы упорно добивались привести плантацию в самый цветущий вид. Мы постоянно пополняли состав наших служащих. С этой целью мы приобрели шхуну «Джесси». Мы решили заняться вербовкой рабочих рук сами. В будущем году потребуется удвоить число рабочих. Срок найма завербованных в первый срок истекает вскоре. Эти последние, конечно, портили до некоторой степени вновь прибывших; но надо полагать, что зло излечимо и что Беранда рано или поздно займет свое место в ряду наиболее благоустроенных местных плантаций..

Джен молча кивнула головой в знак согласия. Она погрузилась в созерцание картины, которая яркими штрихами рисовалась в ее воображении. Она видела на этой картине одинокого белого человека, разбитого лихорадкой, как параличом, беспомощно раскинувшегося в креслах. А в груди его бьется сердце, которое, подчиняясь закону какой-то непонятной расовой алхимии, до последнего своего удара не утрачивает стремления к власти.

— Жаль,—прошептала она.—Но белому человеку, видимо, трудно отказатся от роли властителя.

— Я вовсе не стремлюсь к власти,—поправил Шелдон.—Клянусь жизнью, я и сам не понимаю, как попал сюда. Но как бы то ни было, я очутился здесь. А коли так, то я отсюда не уйду.

— Такова уже историческая судьба нашей расы,—слабо улыбнулась Джен.—Мы, белые, с незапамятных времен были разбойниками и пиратами. Мы пропитаны этим ядом насквозь, это в нашей крови, и трудно нам отрешиться от этого.

— Я никогда, признаюсь, не вдавался в такие абстракции,—сказал он в заключение.—Мне некогда было доискиваться, какие исторические причины привели меня сюда. Я был слишком занят делом.

ГЛАВА VIII

Местный колорит

На закате к берегу подошел маленький кетч, стал на якорь, и вскоре после этого на берегу появился сам шкипер. Этот молодой двадцатилетний парень, обладавший певучим голосом, гладкой речью, особенно заинтересовал Джен после того, как Шелдон сообщил ей, что он разъезжает один с черными матросами и что в настоящее время он возвращается из поездки на Малаиту. Джен почуяла веяние романтизма, узнав, что этот молодой человек, по имени Христиан Юнг,—уроженец острова Норфолька, прямой потомок знаменитого Джона Юнга, прославившегося своим участием в историческом мятеже на «Боунти». Бархатные глаза, смуглый цвет лица выдавали его смешанное происхождение. В его жилах текла англо-саксонская и таитянская кровь; казалось, в его характере совершенно отсутствовала черта жестокости, свойственная англичанину. Но он не лишен был закала, благодаря которому он только и мог управлять своим кетчем и уцелеть, постоянно имея дело с воинственным населением Соломоновых островов. Молодой человек не ожидал встретить женщину в доме Шелдона, и был несколько смущен при виде Джен. Но Джен очень скоро рассеяла это чувство неловкости; она держала себя совершенно по-товарищески, и ее свободные манеры, непринужденная речь даже несколько коробили Шелдона. Юнг не привез никаких важных новостей. Но зато у него в запасе оказалась целая куча мелких новостей местного характера и интереса. Он знал решительно все, что делается на Соломоновых островах. Пятнадцать человек чернокожих батраков сбежали с плантации Лунга, похитив несколько ружей; они бродят в лесах восточной части Гвадалканарского побережья. Недавно они подали весть, что скоро вернутся на плантацию, чтобы убить трех надсмотрщиков, из которых двое в настоящее время устраивают на них облаву. Юнг высказывал предположение, что если их только не поймают, то они, пожалуй, доберутся до Беранды, рыская по побережью, чтобы стибрить вельбот.

— Я позабыл сообщить вам, что ваш торговый агент на юге недавно убит,—обратился он к Шелдону.—Пять больших челноков прибыло в Порт-Адамс. Дикари темной ночью незаметно пристали к берегу и захватили Оскара врасплох. Чего им не удалось украсть, они подожгли. Это известие доставила «Флибберти-Джиббет», проходившая через Мболи. Я как раз находился в Мболи, когда туда донеслась эта весть.

— Должно быть, мне придется ликвидировать свою контору на юге,—вставил Шелдон.

— В течение последнего года вы теряете вот уже второго агента,—заметил Юнг.—Там надо непременно жить вдвоем; одному уцелеть трудно. Туда постоянно заглядывают дикари с Малаиты, а вы знаете, что за милое местечко этот Порт-Адамс. Я привез вам собаку. Ее вам посылает Томми Джонс с острова Нила. Он говорит, она была вам обещана. Это первоклассная ищейка. Стоило этому псу показаться у меня на борту, как вся черная команда уже очутилась на реях. Томми дал ему очень подходящую кличку. Этот пес настоящий «Сатана».

— Удивляюсь, как вы до сих пор не завели у себя собаки,—вставила Джен.

— Неудобное здесь для собак место. Их пожирают крокодилы. Месяца два назад в лагуне Мэйрову убили Джека Ханлея,—пропел Юнг своим сладким голоском.—Эту новость мы узнали от «Апостола».

— Где находится Мэйрову?—спросила Джен.

— В Новой Георгии, в двухстах милях отсюда на восток,—ответил Шелдон.—Как раз за нею лежит Бугенвиль [1]).

— Его прикончили подручные слуги,—продолжал докладывать Юнг.—На это дело их подбили туземцы Лагуны. Его команда из Санта-Круца [2]) улизнула на одном из вельботов в Шуазель, а Мазэр отправился в Мэйрову на «Лилли». Мазэр предал огню их деревушку и отобрал у них голову Ханлея. Он отыскал ее в одном из шалашей, где ее вялили негры. Вот вам и все мои новости. Да, вот еще: на восточном побережье Изабеллы откопали целый склад Лиэнфильдских винтовок новейшей системы. Трудно понять, как они попали в руки туземцев. Не мешало бы правительству навести об этом следствие. Потом еще вот что: в наши края недавно заходило военное судно «Комбриан». Оно истребило три поселка в отместку за «Миноту», знаете, и бомбардировало лес. А оттуда отправилось в Суу наводить такие же порядки.

---

[1]) Бугенвиль — один из Адмиралтейских островов.

[2]) Санта-Круц — острова в Меланезии, на юго-восток от Соломоновых островов.

Разговор перешел на темы более общего характера, и когда Юнг поднялся уходить, Джен спросила у него:

— Как вы успеваете управляться со всеми этими делами один?

Он уставился на нее своими большими девичьими глазами и, повременив немного, ответил нежным голоском, с самой изысканной любезностью:

— О, я отлично справляюсь и с людьми, и с делами. Разумеется, иной раз приходится туго. Без этого не обойдешься. Главное старание надо приложить к тому, чтобы они не подумали, что вы их боитесь. Мне частенько приходилось пугаться, но никогда я не показывал этого.

— А вы думали, что он и комара не обидит,—заметил шутливо Шелдон, когда молодой человек отправился во-свояси.—Все потомки знаменитых бунтарей, высадившихся на Норфолькских островах, слеплены из одного теста. Но посмотрите на Юнга. Года три назад, когда он уже командовал «Минервой», ему пришлось заехать в Суу на Малаиту. Там было много каторжников, отбывших срок наказания в Квинслэнде. Их собралась там целая шайка. И вот они задумали раздобыть его голову. Сын их вождя, старого кривого Билли, служивший по договору на Лунга, умер от дизентерии. По их понятиям, необходимо было компенсировать эту потерю головой бледнолицего человека, и притом безразлично чьей, лишь бы белой. А Юнг в то время был еще безусым юношей, и им казалось, что до него добраться ничего не стоит. Они пустились на военную хитрость: заманили его вельбот к берегу, обещая доставить рекрутов, и перебили всех его матросов. Тем временем шайка каторжан из Суу накинулась на Юнга, остававшегося на борту «Минервы» и приготовлявшего в ту минуту динамитную шашку для глушения рыбы. Он запалил ее и запустил в негров. Юнг не любит, когда ему напоминают об этом. Трубка была коротенькая; уцелевшие кинулись за борт, а Юнг обрубил якорный канат и дал тягу. Дикари теперь готовы уплатить за его голову целых сто сажен монетных раковин, цена которых—сто фунтов стерлингов. Тем не менее, Юнг продолжает время от времени заезжать в Суу. Он был там не так давно: отвозил на родину тридцать человек отслуживших свои сроки рабочих с плантации братьев Фурклум на мысе Мари.

— Во всяком случае, сообщенные им сегодня новости до некоторой степени проливают яркий свет на окружающую обстановку,— сказала Джен.—Как бы там ни было, но жизнь эта полна ярких красок. Чтобы подчеркнуть местный колорит, следовало бы на географических картах залить Соломоновы острова красной краской с желтыми по ней крапинками в виду свирепствующих здесь эпидемий.

— Соломоновы острова не везде одинаковы,—ответил Шелдон.— Бесспорно, Беранда, это—самая худшая плантация, и дела ее идут все хуже и хуже. Нигде кругом нет такого огромного числа заболеваний. Даже «Джесси» не убереглась от заразы. В этом отношении Беранде не повезло. Упоминая о ней, местные старожилы только покачивают головой. Над Берандой тяготеет какое-то проклятие.

— Беранда оправится,—заявила решительно Джен.—Смешно поддаваться суевериям. Важно начало. Потом, вы увидите, все пойдет, как по маслу; не вечно же одни неудачи; хотя мне думается, что климат Соломоновых островов губителен для людей белой расы.

— Но эту местность можно оздоровить. Дайте сроку лет пятьдесят, и, если расчистить болотистые заросли до самых гор, лихорадки исчезнут; местность оздоровится. Вырастут здесь и города, и местечки. Тут ведь раскинулись огромные пространства превосходной плодородной земли.

— Как хотите, но климат все-таки крайне неблагоприятен для белого человека,—настаивала Джен.—Кроме того, я думаю, белым людям здесь слишком трудно выполнять самим земляные работы.

— Это верно.

— Иначе говоря, для работы здесь поневоле всегда нужно иметь рабов,—подчеркнула она многозначительно.

— Да, как и повсюду в тропических странах. Людям черной, медной и желтой кожи приходится работать под руководством белых. Однако, труд черных слишком невыгоден, и со временем начнут ввозить сюда китайских или индийских кули. Плантаторы уже готовятся к этому. Меня лично тошнит при виде того, как работают негры.

— Но позвольте! В таком случае чернокожие обречены на вымирание.

Шелдон повел плечами и флегматично произнес:

— Да, так же, как и индейцы Северной Америки, которые, к слову сказать, принадлежат к более благородному типу, нежели меланезийцы. Свет как будто велик, а людям все кажется тесно.

— И слабые должны погибнуть.

— Да, слабые обречены на гибель.

На следующий день Джен вскочила, разбуженная ужасающим гвалтом и кутерьмой. Она инстинктивно потянулась за револьвером, но, услышав громкий смех Ноа-Ноа, стоявшего на вахте, она моментально успокоилась и вышла наружу посмотреть, в чем дело. Капитан Юнг высадил на берег собаку как раз в ту минуту, когда рабочие, сооружавшие мост, подошли к берегу. Сатана был огромный, черный, короткошерстый, мускулистый пес, более семидесяти фунтов весом. Страшилище это недолюбливало чернокожих. Томми Джонс

подвергал его перед тем своеобразной дрессировке: он сажал его ежедневно на цепь и заставлял одного или двух чернокожих дразнить его по целым часам. И таким образом Томми добился того, что Сатана от души возненавидел всю черную расу, и не успел он выйти на берег, как весь отряд чернокожих бросился врассыпную. Моментально одни очутились за забором, другие—на кокосовых пальмах.

— Доброе утро!—прокричал с веранды Шелдон.—Как вам нравится эта милая собачка?

— Боюсь, что нам будет трудно приручить его к челяди,—отозвалась Джен.

— Да, и к вашим таитянам тоже. Берегись, Ноа! Удирай!

Сатана, сообразив, что на пальмы ему не взобраться, кинулся на здоровенного таитянина.

Ноа смутился, но не двинулся с места. Сатана, ко всеобщему изумлению, подбежав к нему, завилял хвостом и запрыгал, дружелюбно поглядывая на Ноа смеющимися глазами.

— Теперь я вижу, что это отличная собака,—заметила Джен.— И во всяком случае она умнее вас, мистер Шелдон. Ее не приходится учить распознавать разницу между таитянами и неграми.

— Как ты думаешь, Ноа? Почему он не тяпнул тебя. Он догадался, что ты таитянин? Да?

Ноа-Ноа покачал головой и осклабился.

— Нет, он не знает, что я таитянин,—пояснил он.—Он увидел на мне штаны такие же, как у белых господ.

— Видно, он начитался «Sartor Resartus» [1]),—улыбнулся Шелдон, спустившийся вниз, чтобы поближе познакомиться с понимающим толк в штанах Сатаной.

В это самое время в усадьбу через дальнюю калитку входили два матроса из команды мисс Лэкленд: Адаму-Адам и Матауаре. Они возвращались из Бейльсуны, где устраивали западню для крокодилов. Они не носили штанов. На них были особого рода изящные повязки, так называемые «лава-лава», из которых выглядывали выпуклые очертания их стальных ножных мускулов. Сатана их приметил и, вырвавшись из рук Шелдона, бросился на них.

— Они без штанов,—засмеялся Ноа при виде удиравшего во все лопатки Адама.

Бедный Адам вскочил на площадку, устроенную для металлических водоемов, собиравших стекавшую с крыш дождевую воду. Разъяренный Сатана, потерпевший фиаско, бросился на Матауаре.

— Беги скорее, Матауаре, спасайся!—закричала Джен.

---

[1]) Известная в Англии книга Томаса Карлейля, носящая это (латинское) название.

Но тот не послушался.

— Его имя в переводе означает Бесстрашный,—сказала Шелдону Джен.

Таитянин хладнокровно поджидал собаку, и в тот самый момент, когда это кровожадное животное прыгнуло на него, он размахнулся и ударил его изо всей силы под нижнюю челюсть. Сатана описал в воздухе полукруг и перекувырнулся. После этого он еще два раза пытался вцепиться в противника, и с одинаковым результатом. Наконец, Сатана внял голосу благоразумия и смирно поплелся за Матауаре, принюхиваясь к его запаху.

— Молодец, Сатана, славный пес!—подбодрял его Шелдон.—Это свой человек, гуд-фелла, свой.

Но Сатана не спускал глаз с Матауаре и целый час следил за всеми его движениями, пока окончательно не пришел к заключению, что этот человек, действительно, свой. Тогда он занялся другими делами. Загнал Орифайри на кухню и припер его к горячей плите; успел сорвать повязку с ног Лалаперу прежде, нежели этот храбрец успел вскарбкаться, как дикая кошка, на столб веранды, а Вайсбери вскочил на биллиард и отражал оттуда нападения Сатаны до тех пор, пока его, наконец, не выручила милосердная Джен.

ГЛАВА IX

Разность полов

Усердию и резвости Сатаны не было границ, и этим он больше всего донимал чернокожих. У него как будто все время чесались зубы, так что когда вблизи не видно было черных икр, то он бросался на кокосовые орехи, падавшие с дерева, гонялся за неосторожными курами, пролезавшими через ограду, и со злобой поглядывал на приходящих для доклада надсмотрщиков. Его с детства научили ненавидеть чернокожих, он твердо запомнил эти уроки и наводил ужас на негров. Когда в ограде появлялся какой-нибудь посторонний туземец, Шелдону приходилось сажать Сатану на цепь. Цепь всегда страшно злила пса и до того разжигала в нем ярость, что даже домашним слугам, и тем приходилось остерегаться его некоторое время после того, как его спускали на волю.

Христиан Юнг уехал на своей «Минерве» с поручением пригласить Томми Джонсона заехать в Беранду при первой возможности. Впрочем, неизвестно было, когда это приглашение будет ему передано.

— А что вы собираетесь делать в Сиднее?—спросил Шелдон за обедом.

— Для меня это новость,—отвечала Джен,—я не знала, что мне предстоит ехать в Сидней. Уж не получили ли вы извещения по лесному телеграфу о том, что третий помощник и эксматрос из Тулаги намерен выслать меня отсюда, как неблагонадежного иммигранта.

— Что вы, что вы? Ничего подобного!—перебил ее сконфуженно Шелдон, испугавшись, не рассердил ли он ее опять чем-нибудь нежданно-негаданно.—Я только полюбопытствовал... Мне пришло в голову, что после потери шхуны... и всего остального...—поспешил он добавить,—вы понимаете? Я подумал, что если... гм... если... что до тех пор, пока вы войдете в сношения с вашими друзьями... то мои сиднейские агенты могли бы ссудить вам некоторую сумму, на время, конечно. Мне было бы очень приятно... Вот именно... Вы понимаете... Собственно говоря...—Красноречие иссякло, и он досадливо поглядел на нее.

У Джен засверкали глаза; она презрительно шевельнула губами.

— Я так и знала,—проговорила она равнодушно.—Вы не ставите меня ни во что, как всегда. Обычная манера мужчины—божества, существа высшего порядка. Вы не обратили ни малейшего внимания на мои слова, что мне и в голову не приходило ехать в Сидней. По-вашему, я должна ехать туда просто потому, что с высоты вашего величия вы преподносите мне этот мудрый совет.— Она остановилась и пристально поглядела на него, как бы пытливо разглядывая новоявленного представителя необычайной породы существ.—Ваше предложение очень любезно и, разумеется, я вам весьма признательна за него, но оно все же не излечивает раны, нанесенной моему самолюбию. Впрочем, иначе и быть не могло. Приятно помочь моряку, потерпевшему кораблекрушение. Но я не из тех, которые нуждаются в помощи. Благодарю вас, я не поеду в Сидней..

— Что же вы будете делать?

— Постараюсь найти для себя такой уголок, где бы можно было избавиться от унизительной опеки представителей высшего пола.

— Но ведь вы делаете из мухи слона!—громко засмеялся Шелдон. Но трусливая нотка, проскользнувшая в его голосе, испортила весь эффект его притворной развязности.—Вы видите сами, что создалось невозможное положение.

— Отнюдь нет; а если бы даже и так, то я отлично сумею выйти из всякого положения.

— Но невозможно допустить, чтобы оно без конца продолжалось.

— Нет, это вполне возможно. Раз началось, то может и продолжаться. Хотя я и намерена остаться на Соломоновых островах, но только не в Беранде. Я расспрашивала капитана Юнга. Он сообщил мне, что на Пэри-Сулай наверняка можно рассчитывать найти акров четыреста свободной, годной для обработки земли. Завтра я еду туда на вельботе. Там, по его словам, нет кабанов, которые обыкновенно портят молодые деревья, ибо это остров. Вся работа сведется к тому, чтобы выпалывать сорные травы до тех пор, пока не подрастут посаженные деревца. Прежде всего я куплю себе этот островок, а потом наберу человек пятьдесят или сорок рабочих и примусь за расчистку почвы и посадку пальм; построю себе дом, и таким образом перестану надоедать вам и мозолить глаза. Попробуйте на это что-нибудь возразить!

— Надоедать,—повторил он.—Зачем мне спорить с вами, если вы не хотите меня понять? Оставим это! Будьте уверены, что я готов с своей стороны оказать вам всяческое содействие в этом... в этом вашем проекте. Не пренебрегайте моими советами по части разведения кокосовых пальм. В этом деле я гораздо опытнее, нежели

вы. Слушая вас, можно подумать, что вы капиталистка. Я не знаю, какими средствами вы располагаете. Впрочем, вряд ли можно предполагать, чтобы вы «купались в золоте», как выражаются американцы. Но я знаю, во что обходится расчистка почвы. Допустим, что правительство продаст вам Пэри-Сулай по цене фунт стерлингов за акр; расчистка вам обойдется не менее четырех фунтов. В общем, считая по пяти фунтов за акр, за Пэри-Сулай, в котором всего четыреста акров, и за расчистку вам придется выплатить десять тысяч долларов. Хватит ли у вас на это средств?

Джен живо заинтересовалась, и Шелдон почувствовал, что началось перемирие. Видно было, что она побеждена его доводами.

— Нет. К сожалению, у меня несколько менее восьми тысяч долларов.

— Но это еще не все. Вам нужно будет, как вы говорите, по крайней мере пятьдесят человек рабочих. Не считая наградных, заработная плата обойдется на каждого рабочего по тридцати долларов в год.

— А своим таитянам я плачу по пятнадцати в месяц,—вставила Джен.

— Эти люди вряд ли будут пригодны для выполнения тяжелых земляных работ. Но вернемся к нашему расчету. Плата пятидесяти рабочим ежегодно будет обходиться в триста фунтов, то-есть в тысячу пятьсот долларов. Так. Деревья начнут приносить доход не раньше, как через семь лет. Помножив полторы тысячи на семь, получим десять тысяч пятьсот долларов. Таким образом одна только заработная плата поглотила бы всю сумму вашего капитала. А постройки, а орудия, а хинин, а поездки в Сидней и т. д., и т. д.

Шелдон покачал головой с сосредоточенным видом.

— Нет, от этой мысли вам придется отказаться.

— Но я не хочу ехать в Сидней!—вскричала девушка.—Не хочу, да и только. Я войду в компанию с кем-нибудь из местных плантаторов. Не примете ли вы меня в качестве пайщика Беранды?

— Силы небесные!—воскликнул он с ужасом, столь непритворным, что Джен весело расхохоталас

— Не бойтесь, пожалуйста, я приставать к вам не стану. Я никогда еще никому не навязывалась. Да, да, вы всячески стараетесь дать мне понять обиняком, что я навязываюсь вам с тех самых пор, как высадилась на вашем берегу, хотя из вежливости не высказываете этого прямо. Но так как вы сами же все время твердите, что мне некуда перебраться отсюда, то я вынуждена оставаться здесь. Вы не пускаете меня в Тулаги. Вы сами заставляете меня надоедать вам. Но я не хочу вступать в долю с кем попало. Я куплю Пэри-Сулай, но найму всего только десять рабочих и буду расчищать

землю постепенно. Я приобрету какой-нибудь подержанный старый кетч и выправлю себе торговое свидетельство. После этого я отправлюсь вербовать рабочих на Малаиту.

Она испытывающе посмотрела на Шелдона, ожидая нового протеста с его стороны. Каждая морщинка его гладко выбритого лица выдавала его возмущение. Он стиснул кулаки.

— Ну, что же? Говорите, пожалуйста! Не стесняйтесь, будьте откровенны! Я... я уже привыкла к вашим выходкам. Право же, привыкла.

— Хотел бы я быть женщиной, чтобы иметь возможность внушить вам, до чего безумна и неприлична ваша затея,—прорвало его наконец.

Она задумчиво поглядела на него и сказала:

— Что из того, что вы мужчина? Какая разница? Забудьте, пожалуйста, о разнице полов. Она нисколько не препятствует говорить совершенно свободно. Я не за тем приехала сюда, чтобы подметать подолом Соломоновы острова. Прошу вас забыть, что я случайно родилась женщиной. Я прежде всего человек, и хочу, чтобы вы видели во мне человека, и притом такого, который хочет жить по-человечески.

Шелдон мысленно негодовал. Что это? Она издевается над ним? Или она от природы лишена нормальных женственных черт? Или перед ним яркий образчик поразительной сентиментальной, дурацкой наивности?

— Я уже докладывал вам,—сухо ответил он,—что производить вербовку на Малаите для женщины не годится. Прибавить к этому нечего. Вот все, что я должен и осмеливаюсь вам доложить.

— А я на это скажу вам, что вы ошибаетесь. Прошу вас помнить, что я совершила на «Мьеле» в качестве ее капитана весь переезд от Таити, и что потеряла я свою шхуну только по вине карты вашего адмиралтейства. Я настоящий мореплаватель, а это важнее, чем быть капитаном на Соломоновых островах. Капитан Юнг не откажется подтвердить мои слова. Он мне сам сказал это. Я моряк, и лучше вашего знаю морское дело. Вы сами это отлично знаете. Я умею стрелять. Я не дура. Я всегда умею за себя постоять. Непременно приобрету себе кетч и буду сама на нем плавать и производить вербовку рабочих на Малаите.

Шелдон беспомощно развел руками.

— Хорошо, хорошо,—добавила она, возвышая голос.—Вы можете умыть себе руки. Но не мешало бы вам, как любил говаривать дядя Фон, «подлить масла в огонь». Я вижу, толку мало продолжать этот спор. Давайте лучше послушаем музыку.

Он встал и подошел к большому граммофону. Но не успела завертеться пластинка заведенного инструмента, как Шелдон услышал ее слова:

— Как вам не надоест эта вечная Джени Эйрс. Вот почему вы и не понимаете меня! Пойдем, Сатана! Пусть его наслаждается своими избитыми ариями.

Шелдон насупил брови и решил промолчать, но увидев, что она сняла со стены ружье, осмотрела затвор и направилась к дверям, он не выдержал и спросил:

— Куда вы идете?

— Памятуя разницу полов,—ехидно улыбнулась Джен,—не считаете ли вы неуместным и неприличным спрашивать меня, почему и зачем я иду на охоту за крокодилами? Спокойной ночи! Выспитесь хорошенько.

Шелдон сердито захлопнул крышку граммофона, двинулся, было, вслед за ней к двери, но вдруг передумал и упал в кресло.

— Вы уповаете на то, что меня съест крокодил? Не правда ли?— крикнула она ему, спускаясь с веранды, и закатилась переливчатым смехом, который долетал до него через открытую дверь.

ГЛАВА X

Записка от Баучера

Весь следующий день Шелдон провел в одиночестве. Джен отправилась осматривать Пэри-Сулай и не могла вернуться назад раньше позднего вечера. Тоскливое чувство одиночества угнетало его, а тут еще поднялся свежий ветер, и встревоженный Шелдон то-и-дело выскакивал на веранду и наводил на волны свою подзорную трубку в надежде увидеть возвращающийся вельбот. Чтобы убить как-нибудь время, он угрюмо перелистывал конторские книги своей плантации, подводил итоги, балансы и хмурился час-от-часу все больше и больше. Потеря «Джесси» нанесла Беранде жестокий удар.

Не говоря уже о том, что пропали те деньги, которые были за нее заплачены, иссяк вместе с тем источник приносимых ею доходов, покрывавших доселе большую часть текущих расходов плантации.

— Бедный друг Хью,—произнес он вслух, обращаясь в пространство.—Хорошо, что ты не дожил до этого, старина! Какой провал, какой провал!

В промежутке между двумя особенно бурными порывами ветра к берегу пристала «Флибберти-Джиббет», и спустя некоторое время на лестнице раздались тяжелые шаги шкипера Пита Ольсона, брата того самого Ольсона, который погиб при крушении «Джесси». Взобравшись с трудом на веранду, этот старый, седой, изможденный лихорадкой моряк упал в кресло, еле переводя дух от усталости.

Подкрепившись доброй порцией виски с содой, он приступил к своему отчету и деловым донесениям.

— Вас совсем истрепало лихорадкой,—заметил Шелдон.—Вам бы следовало отдохнуть немного в Сиднее, чтобы подышать другим воздухом.

Старый шкипер отрицательно покачал головой:

— Нельзя! Я слишком долго прожил на островах: как бы мне там не стало хуже.

— На вашем месте я бы рискнул; будь что будет: либо смерть, либо выздоровление.—посоветовал Шелдон.

— Но я заранее уверен, что тамошний климат убьет меня. Я уже испытал однажды на себе его действие. Мне случилось побывать в Сиднее в позапрошлом году. Не успел я тогда сойти на берег, как ненастье уже свалило меня с ног. Меня стащили в госпиталь. Я пластом пролежал две недели. Доктора отослали меня назад в эти края, уверяя, что другого спасения нет! И действительно, как видите, я еще жив до сих пор; но организм мой сильно подорван. В Австралии я бы не вынес и тридцати дней.

— Но как же быть?—сказал Шелдон.—Нельзя же поддаваться болезни!

— Меня излечит одна только смерть. Я бы предпочел лучше всего возвратиться на родину, но не доеду. Буду уж болтаться здесь, пока не издохну. Зачем я только попал сюда? Бог меня знает!

Он отказался переночевать в доме и, получив от хозяина надлежащие распоряжения, отправился к себе на корабль.

К вечеру ветер усилился, и Шелдон тревожно припадал к своей подзорной трубе, надеясь разглядеть в темной дали вельбот. Когда, наконец, показался на горизонте знакомый парус, медленно приближавшийся к берегу, Шелдон невольно вздрогнул, увидев Джен, стоявшую у руля и навалившуюся на него всем своим корпусом.

Разбушевавшийся ветер как-то боком гнал лодку вперед, и Джен, видимо, старалась изо всех сил преодолеть это опасное направление, прежде чем вельбот попадет в бурун [1]). Наконец, ее таитяне спрыгнули на берег и втащили вельбот на песок. Джен в сопровождении своей редкостной свиты вошла в ворота усадьбы.

В это самое время градом застучали первые капли надвигавшегося ливня. Высокие кокосовые пальмы закивали верхушками во все стороны, уступая порывам разгулявшегося ветра, и грозовые тучи мгновенно превратили тропические сумерки в темную ночь.

В душе Шелдона как-то бессознательно изменилось настроение. Напряженная тревога ожидания сменилась радостью, когда он увидел перед собою запыхавшуюся девушку, которая взбежала на веранду с веселым смехом, разгоревшимся личиком и развевающимися волосами.

— Милое, очень милое местечко Пэри-Сулай,—защебетала она.— Я непременно его куплю. Сегодня же вечером напишу заявление

---

1) Во время прибоя, вследствие малой глубины моря частицы воды на гребне волны, следуя быстрее нижних частиц той же волны и не находя в них опоры, свешиваются вперед, увлекая за собой воздух, падают и разбиваются с шумом в пену и брызги, образуя так называемые буруны.

комиссару. Я уже наметила там место для усадьбы. Прелестный уголок! Вы должны туда как-нибудь съездить и помочь мне советом. Мне ужасно хочется поскорее туда перебраться. Ах, как хороши эти шквалы! Я опоздала к обеду. Побегу переодеться, и мигом вернусь к вам

Пока ее не было, Шелдон шагал из угла в угол по комнате, с нетерпением ожидая ее возвращения.

— Теперь я больше никогда не буду с вами ругаться,—сказал он ей, когда они уселись за стол.

— Ругаться!—фыркнула она.—Какое противное слово! Оно звучит так вульгарно и жестоко. Гораздо лучше, я думаю, было бы сказать: ссориться.

— Называйте, как хотите, но только мы с вами больше не будем этого делать, правда?—Сказав это, он слегка поперхнулся, ибо выражение ее глаз, казалось, предвещало немедленный и резкий отпор.

— Прощу вас, извините меня,—поспешил он прибавить.—Я говорю только про одного себя. Я не так выразился. Я хотел сказать, что не буду вам больше перечить. У вас ужасная манера: вы как-то умеете, не обмолвившись ни единым словом, поставить человека в дурацкое положение. До чего это странно! Я одушевлен самыми лучшими намерениями, а вы опять...

— Задираете нос,—договорила она за него.

— Вы все только ножку мне подставляете,—жаловался бедняга.

— Что вы выдумываете? Я ведь молчу и покойно сижу себе, убаюканная сладкими обещаниями вечного мира и тому подобное, а вы вдруг ни с того ни с сего начинаете выпаливать разные дерзости.

— Помилуйте, какие же дерзости?

— А как же? Вы утверждаете, что я ужасное существо, или, что у меня ужасные манеры. Ведь это, в сущности, одно и то же. Жаль, что мой домик еще не готов. Завтра же улетучилась бы отсюда.

Но видно было, как она старается подавить смех, который, однако, очень скоро прорвался и поверг ее смущенного собеседника в совершенное недоумение.

— Я вас поддразниваю. А вы и поверили. Что вы насупились? Расправьте брови! Мой смех вас шокирует? Вы делаете такие гримасы, как будто бы у вас зубы болят. Ладно, ладно, отмалчивайтесь! Но ведь вы же обещали не ссориться и великодушно даровали мне право надоедать вам сколько угодно. Пользуясь этой привилегией, обращаю прежде всего внимание на плачевное состояние «Флибберти-Джиббет». Я не воображала увидеть такой большой

катер, но, повторяю, состояние его плачевное. Оснастка у него не в порядке. Его может привести в негодность первый напористый шквал. Я поглядывала на Ноа-Ноа, когда мы проходили мимо. Он ничего не сказал. Только раза два подмигнул. И я не нашлась ничего возразить.

— Дело в том, что шкипер болен: его совсем извела лихорадка,—оправдывался Шелдон.—Вдобавок, к несчастью, он еще лишился штурмана, на которого обыкновенно возлагаются все эти заботы. Это случилось в Уги, там, где убили моего торгового агента Оскара. А чернокожие, как вы знаете,—плохие матросы.

Джен призадумалась, а он воспользовался минутой, пока она взвешивала его веские доводы, и попросил у ней вторично коробку консервов: не то, чтобы у него особенно разыгрался аппетит, нет, но ему просто хотелось лишний раз взглянуть на эти тонкие, крепкие пальчики, лишенные всяких украшений, и на выглядывавшую из-под рукава полную женскую ручку.

При виде этих потемневших от загара пальчиков, его внезапно, как луч света, осенила мысль. Да, это так! Теперь он разгадал немудреную тайну ее привлекательного характера. Эти пальчики все ему рассказали. Ясно, почему он так часто попадался впросак.

До сих пор он смотрел на нее, как на женщину, но она далеко еще не сформировалась. Она все еще девочка, и притом девочка с мальчишескими наклонностями. Эти обожженные солнцем пальчики любят делать все то, за что обыкновенно хватаются молодые ребята, увлекающиеся всяким спортом, всякими занятиями, требующими сильного мускульного напряжения. Она отличается смелостью, но смелость эта не выходит из ограниченных пределов чисто ребяческого пристрастия к приключениям, ружьям, револьверам, Баден-Пауэлям и непринужденного, чисто товарищеского общения со всеми встречными, не разбирая пола.

По мере того как он вглядывался теперь все глубже и глубже в эти милые черты, на него снисходило то блаженное настроение, которое он испытывал в детстве у себя на родине, когда, бывало, слушал в церкви пение детского хора. Она напоминала ему этих мальчиков-певчих, голоса которых не отличишь от женских. Чисто женские свойства характера еще не развернулись в ней. Это объясняется ее воспитанием. Матери у ней не было. Ее окружали такие люди, как Фон, ее отец и туземные слуги. Она росла на полной свободе, в грубой обстановке малокультурной жизни на отдаленных островах. Ее игрушками были не куклы, а ружья, лошади, и не картонные, а настоящие. И забавлялась она не в четырех стенах, а под открытым небом. Вот почему, как она и признавалась ему, пансион был для нее чем-то в роде тюрьмы, а ученье—наказанием.

Тюрьма эта отрывала ее от диких скачек, от морских прогулок там, у себя на родине, на островах. Мальчишеское воспитание и мальчишеские привычки и кругозор! Вот чем объясняются эти частые вспышки и мятежные выходки против всяких условных приличий. Когда-нибудь в ней проснется женское чувство, но пока оно еще дремлет.

Прекрасно: по крайней мере он теперь понял, как к ней следует подходить. Подружиться с нею можно, очевидно, только на почве чисто товарищеских отношений. Но теперь он откажется от своего ошибочного взгляда и перестанет подчеркивать обязывающую к условностям разницу пола.

Он постарается забыть, что имеет дело с женщиной. Удивительно, как он мог полюбить эту девочку, в которой женщина еще дремлет. Но как бы то ни было, а она заполнила огромный пробел в его одинокой жизни; он почувствовал это сегодня вечером, когда присматривался к расходившимся волнам с таким неясным волнением, ожидая с минуты на минуту появление знакомого паруса. Тут он вспомнил про свои счета, про неустойчивое материальное положение Беранды, угрожавшее крахом, и погрузился в меланхолию.

Но вдруг встряхнулся: она что-то ему говорит.

— Виноват,—спохватился он.—Что такое вы сказали?

— Кажется, вы ни слова не слышали из того, что я вам говорю,—обиделась Джен.—Я говорила о том, что состояние «Флибберти-Джиббет» весьма плачевное и что завтра утром, если только вы согласитесь предупредить шкипера и если это не заденет его самолюбия, я пойду туда со своими молодцами и тщательно осмотрю все неисправности. Кроме того, мы очистим дно судна. Не упускайте из виду, что мне придется рано или поздно поплавать на этой посудине, хотя бы в том случае, если придется отсюда удирать.

Когда они расположились пить кофе на веранде, со двора донесся свирепый лай Сатаны и отчаянный гвалт. Шелдону пришлось выручать перепуганного пришельца-чернокожего, которого во дворе он подверг допросу.

— Кто твой фелла-мастер?—спросил он.—Откуда ты взялся и чего тебе надо?

— Мой мастер—Баучер. Много челноков из Порт-Адамса к фелла-мастеру. Много, много.

Черный посланец вытащил из-за пояса записку. Шелдон поднес ее к глазам.

— Это от Баучера,—обернулся он к Джен,—который водворился на месте Пакарта. Помнится, я вам рассказывал про Пакарта, которого убили собственные матросы. Баучер уведомляет, что с полсотни дикарей из Порт-Адамса пристало к берегу на своих челноках;

все они расположились лагерем на берегу. Они уже успели похитить у него и зарезать шесть штук свиней, и, кажется, намерены поднять бунт. Он опасается, что к ним пристанут пятнадцать беглых из Лунга.

— И тогда?..—подсказала Джен.

— И тогда Билли Бэту придется поставить на место Баучера когонибудь другого. Этот пункт, видите ли, принадлежит Билли Бэту. Не придумаю, как тут быть. Я не хотел бы вас тут оставить одну.

— А почему бы мне не отправиться вместе с вами?

Он улыбнулся и покачал головой.

— В таком случае возьмите с собой моих людей,—предложила она.—Они прекрасные стрелки и не трусы. Один только Утами боится, да и то не людей, а злых духов.

Ударили в колокол; полсотни рабочих потащили вельбот к берегу; Джен пошла провожать. Команда гребцов разместилась по своим местам. Патауре и трое других таитян, вооруженные ружьями и патронами, уселись на корме, а Шелдон стал у руля.

— Досадно, что вы не берете меня с собой,—сказала, поморщившись, Джен, когда гребцы собирались отчаливать.

Шелдон отрицательно покачал головой.

— Я ведь ни в чем не уступлю мужчине,—настаивала она.

— Вы тут нужнее,—ответил он.—Неподалеку шатаются беглые из Лунга: они могут заявиться в Беранду, и если мы оба будет отсутствовать,—прощай плантация! До свиданья! К утру мы вернемся. Отсюда всего только двенадцать миль.

На обратном пути Джен пришлось миновать толпу чернокожих, спускавших вельбот. Они оживленно толковали о чем-то между собой и кривлялись, как обезьяны. Когда девушка очутилась в самом центре этой толпы, ее охватило жуткое чувство. Их было так много. Что могло бы удержать их от дикой расправы, если бы они вздумали накинуться на нее? Впрочем, она вспомнила, что стоит только ей крикнуть, и на ее зов прибежит Ноа-Ноа со всеми оставшимися товарищами, из коих каждый в отдельности мог легко справиться с целым отрядом чернокожих. Когда она уже подходила к воротам, к ней приблизился один из толпы. Было уже очень темно, и ей трудно было распознать лицо подошедшего.

— Ты кто?—спросила она его резким голосом.—Как тебя зовут?

— Мой Ароа,—выговорил дикарь.

Джен припомнила, что это один из тех двух болевших, за которыми она сама ухаживала в госпитале. Второй из них умер.

— Мой принимала очень много, фелла, лекарств,—заявил Ароа.

— Ну, вот ты и выздоровел,—ответила она ему.

— Мой надо табак, много, фелла, табак; мой надо ситец; мой надо бусы; мой надо, фелла, хороший пояс.

Она сочла это шуткой и ожидала увидеть улыбку, похожую на гримасу, но чернокожий не шутил. Он, очевидно, заявлял серьезную претензию. Весь его наряд состоял из узкой повязки на бедрах, пары деревянных сережек в ушах и украшения из белых ракушек на густой шапке курчавых волос. Тело его было вымазано жиром, а зрачки глаз блестели в темноте, как у дикой кошки. Остальные дикари толпились за ним плотной стеной.

Одни из них зубоскалили, другие угрюмо и напряженно молчали.

— Вот тебе раз!—удивилась она.—Чем же ты заслужил все эти, фелла, подарки?

— Мой принимал лекарства,—сказал Ароа,—заплати.

«Хороша благодарность,—промелькнуло у нее в голове.—Выходит как будто, что Шелдон был прав».

Ароа уставился в землю. Водворилось молчание. Слышно было, как плеснула летучая рыба, с берега доносился легкий невнятный шум морского прибоя.

В чуткой ночной тишине пронеслась над их головами большая летучая мышь. Прохладный ветерок, предвестник утра, коснулся щеки Джен.

— Ступайте домой,—приказала она, и повернулась на каблуках, намереваясь войти в ворота.

— Заплати,—повторил чернокожий.

— Ароа, ты совсем ошалел! Ничего я тебе не должна. Убирайся!

Но Ароа стоял на своем. Она почувствовала, что он становится дерзким. Он все твердил одно и то же:

— Мой ел лекарство. Плати. Плати сейчас!

Наконец, ее взорвало, и она отвесила ему такую звонкую оплеуху, что Ароа упал бы, наверное, если бы не поддержала сзади толпа. На его место выступил другой претендент.

— Заплати и мне!—крикнул он.

Глаза у него бегали совершенно как у обезьяны; и хотя он избегал смотреть в лицо, но закусил свои толстые губы с выражением мрачной решимости.

— За что?—спросила она.

— Мой Гугуми,—ответил он.—Бэво—мой брат!

Джен припомнила, что так звали ее умершего пациента.

— Убирайся, тебе говорят!

— Бэво глотал лекарство. Бэво, брат, умер. Заплати. Наш отец большой фелла, вождь в Порт-Адамсе.

Джен усмехнулась.

— Гугуми большой дурак. Такой же дурак, как Ароа. Скажите, пожалуйста, а кто же мне будет платить за лекарства?

Она переступила порог и захлопнула за собою ворота. Но Гугуми двинулся за ней и нахально приставал:

— Отец большой фелла, вождь. Ты мой по голове не дашь. Ты боишься!

— Я боюсь?—встрепенулась она.

— Ты боишься! Ты не бьешь мой голова!—сказал гордо Гугуми.

Джен обернулась и, размахнувшись, изо всей силы влепила ему такую затрещину, что гордый сын вождя зашатался, но, однако, устоял и бросился к воротам, чтобы помешать ей задвинуть засов. Толпа шарахнулась за ним вслед. Джен вспомнила, что револьвер висит на стенке в соломенном домике. Стоит только позвать матросов, и она спасена. Однако, она не позвала на помощь. Вместо этого она свистнула и позвала Сатану, хотя и знала, что собака сидит на цепи. Но уже эта кличка оказала магическое действие на толпу. Чернокожие с воем рассыпались во все стороны и исчезли во тьме. Гугуми неохотно покинул Джен. Последняя благополучно вошла в дом и сначала нервно расхохоталась, но потом ей стало до того досадно, что она заплакала.

Каково! Она провела целую ночь у изголовья опасно больного, а брат его требует с нее платы за его жизнь.

— Неблагодарное животное!—выругалась она и подумала, стоит ли рассказывать об этом Шелдону.

ГЛАВА XI

Нашествие из Порт-Адамса

— Мы справились со всей этой музыкой довольно легко,—рассказывал Шелдон, сидя на веранде и отхлебывая из чашки утренний кофе.—Вельбот уже стоял под навесом. Баучер побаивался сначала решительных действий, но потом, когда мы подоспели к нему, он повел себя молодцом. Мы учинили суд и расправу, и старому негодяю Теленассу пришлось уступить. Он там у них предводительствует в Порт-Адамсе. Это продувная бестия. Мы содрали с него такой штраф, который стоит в десять раз дороже порезанных свиней, и изгнали его оттуда со всей его шайкой. О, это отборная банда, доложу вам! Их было там по меньшей мере человек шестьдесят в пяти больших челноках, и они готовились учинить бунт. Они откуда-то достали целую дюжину спайдеров; не мешало бы отобрать у них эти ружья.

— Почему же вы этого не сделали?—спросила Джен.

— Не развяжешься потом с комиссаром, который ужасно щепетилен во всем, что касается его «черных воспитанников», как он их называет. Мы их оттуда выбили, но они отплывут несколько миль и опять высадятся где-нибудь на побережье, чтобы съесть своих убитых. Пожалуй, они скоро и к нам заглянут.

Слова Шелдона оказались пророческими.

Не прошло и двух часов, как челноки, действительно, пристали к Беранде. Никто не заметил, как они подошли. Слуги сидели в это время на кухне за завтраком. Рабочие ушли на плантацию. Сатана мирно почивал под биллиардным столом, и, сонный, лениво отмахивался от досаждавшей ему мошкары. Джен рылась у себя в кладовой, а Шелдон отдыхал в гамаке на веранде. Внезапно он проснулся, почувствовав, что вокруг творится что-то неладное. Продолжая лежать, он повернул голову, посмотрел вниз и увидел, что весь двор наполнился вооруженными дикарями. Это были те самые дикари, с которыми он недавно посчитался. Но их стало заметно больше. Между ними были и такие, которых он раньше не видел.

Шелдон вылез из гамака, медленно подошел к перилам, потянулся, зевнул и вялым взором окинул толпу. Он притворялся совершенно

спокойным. Видно, ему уж такая судьба: вечно торчать на этом возвышении и усмирять то-и-дело наводнявшие его двор грозные скопища чернокожих. Шелдон поглядывал на них беззаботно, но душа у него была не на месте. Незнакомые гости были вооружены новенькими винтовками. А! он так и знал. Это беглецы из Лунга. Их там человек пятнадцать стоит в сторонке. Да в руках местных туземцев штук двенадцать старых спайдеров. Остальные вооружены копьями, стрелами и томагавками. А там, вдали, красуются причудливые большие военные пиро́ги с высокими изогнутыми кормами и носами, украшенные резными фигурками и обвешанные блестящими раковинами. Это были те самые разбойники, которые недавно убили его агента Оскара в Учи.

— В чем дело? Чего вы здесь не видели?—обратился к ним Шелдон.

Вместе с тем он бросил беглый взгляд на море, где «Флибберти-Джиббет» отражалась на зеркальной поверхности вод. На палубе под навесом не видно было ни души. Вельбот отцеплен. Очевидно, таитяне отправились глушить рыбу в Бейльсуне. Он был совершенно один на своей вышке перед этой оравой. Люди его мирно дремали, усыпленные полуденным тропическим зноем.

Никто не ответил ему ни полслова. И он вынужден был повторить свой вопрос; на этот раз он заговорил уже более властным и гневным голосом. Заслышав этот тон, чернокожие задвигались на месте, как стадо баранов. Но никто не раскрывал рта. Все глаза устремлены были на него, ожидая чего-то. Что-то такое должно было произойти. И они выжидали этого чего-то, проникнутые неустойчивым, стадным чувством солидарности, они ждали, что кто-нибудь сделает первый решительный шаг, который всех их увлечет за собой. Шелдон старался угадать этого зачинщика, так как бояться приходилось только его одного. И вдруг прямо под собой он заметил дуло ружья, осторожно просовывающееся между двух черных тел и медленно наводимое на него. Целился дикарь, стоявший во втором ряду.

— Эй, ты!—гаркнул Шелдон, впиваясь ему прямо в глаза. Дикарь отшатнулся и опустил дуло.

Шелдон все еще господствовал над человеческим стадом и удерживал власть.

— Уходите-ка, фелла-джоны, отсюда по добру, по здорову,—предложил он им.—Уходите к Соленому морю, вон туда!

— Мой будет говорить!—задрал голову кверху тучный, грязный дикарь, лохматая грудь которого была покрыта толстым слоем годами накопившейся грязи.

— А, это ты, Теленасс?—развязно вопросил Шелдон.—Прикажи им уйти, а сам оставайся! Мы с тобой потолкуем.

— Они хороший, фелла, народ,—возразил Теленасс.—Они будут стоп.

— Ну, ладно! Чего тебе надо?—спросил Шелдон, стараясь притворной беспечностью прикрыть свою невольную уступку.

— Эта фелла—мой сын.—Дряхлый вождь указал на Гугуми, которого Шелдон узнал в ту же минуту.

— Твоя белая мария очень злой,—продолжал Теленасс.—Ударила в ухо Гугуми. Гугуми—мой сын. Когда я умру, Гугуми будет большой фелла, вождь. Белая мария бил его по голове. Нехорошо. Заплати много табак, много порох, много ситец.

— Ах, ты, старая шельма!—выругался Шелдон.

Не прошло и часу с тех пор, как Джен потешала его рассказом о ночном эпизоде, и вот, как из земли, вырос перед ним Теленасс во главе целого войска и требует возмездия за поношение сына.

— Гугуми!—скомандовал Шелдон.—Чего ты здесь околачиваешься? Убирайся на свое место. Живо!

— Мой стоп!—прозвучал дерзкий ответ.

— Белая Мария бил голова,—повторил старый Теленасс.—Не заплатишь, будет большая, фелла, беда.

— Ты прикажи сначала уйти всем отсюда,—произнес с возрастающим раздражением Шелдон.—Прикажи им убираться ко всем чертям... к берегу. Тогда потолкую с тобой.

Шелдон почувствовал легкую вибрацию досчатой веранды и догадался, что к нему подошла сзади Джен. Но он не решился оглянуться. Там, внизу, торчало слишком много заряженных ружей.

Веранда опять дрогнула, и он сообразил, что Джен ушла в комнаты. Минуту спустя она опять стояла возле него. Джен прежде никогда не курила, и Шелдон удивился, услыхав запах табачного дыма.

Но скоро он понял в чем дело. Покосившись в сторону, он заметил в ее руках знакомый сверток с динамитом. Он приметил также кончик трубки, расщепленной пополам, со вставленной в скважину восковой спичкой..

— Теленасс, ты, старый негодяй! Вели же им, говорят тебе, убраться! Пускай идут на берег. Долго ты еще будешь лясы точить?

— Мой не точит,—сказал вождь.—Мой хочет получить за битый голова Гугуми.

— Вот я тебе сам пробью голову,—заорал Шелдон, ухватившись за перила и делая вид, что собирается спрыгнуть.

Поднялся негодующий ропот, и толпа чернокожих зашевелилась. Дула нескольких ружей выставились кверху. Джен приложила к трубке свертка кончик раскуренной папиросы. Выстрел из старого спайдера грянул со двора, и Шелдон услыхал сзади звон разбитого

стекла. В этот же самый момент Джен швырнула свой снаряд в самую гущу чернокожего войска; загоревшаяся трубка бомбы адски трещала и шипела. Толпа бросилась врассыпную. Никто из дикарей не успел выстрелить больше ни разу. Разбуженный выстрелом Сатана бешено залаял и заметался в биллиардной комнате, порываясь выскочить наружу. Джен услышала лай и поспешила выпустить пса; на этом трагедия закончилась и уступила место комедии.

Дикари побросали копья и ружья и в панике попрятались за стволы кокосовых пальм. Сатана превзошел сам себя. Никогда ему еще не предоставляли такой полной свободы действий и не давали рвать и терзать столько черного мяса. Он разошелся во-всю. Хватал, цапал, кусал бегущие черные икры, до тех пор, пока последняя пара пяток не очутилась выше его головы.

Вся ватага повисла на пальмах, кроме одного Теленасса, который был слишком тучен и стар, чтобы лазить по деревьям, и неподвижно лежал, растянувшись ничком на земле, на том самом месте, на котором споткнулся. Благородный Сатана не тронул поверженного врага и только перебегал от дерева к дереву и лаял на тех, которые висели пониже.

— Вам бы следовало подучиться немного, как вставлять детонаторы,—заметил строго Шелдон.

Джен ответила ему на это насмешливым взглядом.

— Там вовсе и не было детонатора,—сказала она.—Да к тому же еще не выдумали такого детонатора, который мог бы заставить взорваться бутылку хлородина.

Она заложила два пальца в рот и протяжно свистнула.

Шелдона каждый раз коробило от этого мальчишеского способа собирать своих матросов.

— Они отправились глушить рыбу в Бейльсуне,—предупредил он ее.—Но вот подплывает Ольсон со своей командой. Он старый вояка, стоит только его раззадорить. Смотрите, как он лупит гребцов. Ему сдается, что они очень вяло гребут.

— Что же мы теперь будем делать?—спросила Джен.—Вы загнали свою дичь на деревья, но не можете же вы ее там оставить навеки!

— Нет, но я могу их проучить как следует.—Шелдон подошел к большому колоколу.

— Очень будет хорошо,—ответил он на ее протестующий жест.—Мои рабочие все—местные жители, а эти людоеды—с прибрежной полосы; те и другие ненавидят друг друга. Вот будет потеха!

Он ударил в набат, и вскоре все двести рабочих прибежали на двор. Сатану заперли на замок, и он взвыл от такого ужасного с ним обращения.

Рабочие плантации немедленно устроили военную пляску под каждым деревом и наполнили воздух отборной руганью по адресу своих заклятых врагов. Шкипер «Флибберти-Джиббет» появился на сцене. Он шатался и трясся от жестокого приступа лихорадки, еле-еле удерживая в руках тяжелое ружье. Лицо его посинело, как у мертвеца, и зубы выбивали барабанную дробь; ему было холодно под горячими лучами припекавшего солнца.

— Я ссс-яду тут и ббб-уду ссс-торожить их,—затараторил он, щелкая зубами.—Ччч-орт побери, меня всегда ллл-ихорадит, когда я чем-нибудь ррр-асстроен. Что же вы ннн-амерены предпринять?

— Первым делом надо подобрать все эти ружья.

Под руководством Шелдона слуги принялись подбирать разбросанное оружие и сложили его в кучу на полу веранды. Шелдон отобрал новенькие винтовки, украденные в Лунга, и отложил их в сторону. Спайдеры он превратил в щепки, а коллекцию дротиков, томагавков и другие трофеи он презентовал Джен.

— Редкостный вклад в вашу коллекцию,—улыбнулся он,—собранный прямо на поле битвы.

Затем он велел развести на берегу костер и предать всесожжению содержимое челноков, которое с наслаждением принялись ломать, коверкать и грабить его чернокожие работники. А самые челноки они нагрузили песком и камнями и, отведя их подальше, затопили на десятисаженной глубине.

— Двадцать ярдов—глубина изрядная, и им придется не мало-таки попотеть над ними,—заметил Шелдон, когда рабочие возвратились назад.

После этого подвига началась настоящая сатурналия [1]). Военные песни и пляски возобновились с новым одушевлением и начали переходить уже границы приличия. Рабочие стали швырять камнями и палками в безоружных врагов своих. А семьдесят пять людоедов стоически выдерживали на своих насестах эту бомбардировку и только огрызались, обещая жестоко отомстить.

— Теперь из-за этого столкновения на Малаите затеется сорокалетняя война,—смеялся Шелдон,—но я полагаю, что старый Теленасс больше уже никогда не решится нападать на плантацию.

— Эй, ты, старое чучело!—обратился он к дряхлому, восседавшему на нижней ступеньке лестницы вождю, бормотавшему в бессильной злобе что-то непонятное.—Теперь бы можно было побарабанить и по твоей дурацкой башке. Мисс Лэкленд, попробуйте, как она у него звучит?

---

[1]) Сатурналия — у древних римлян — праздник в честь Сатурна, сопровождавшийся пиршествами

— О, он ужасно грязен, уж лучше я умою его. Ну-ка, Адаму-Адам, искупай его! Давай сюда воды; налей в это корыто! Орифайри, сбегай поскорей за мылом и мочалкой!

Таитяне, вернувшись с рыбной ловли, ухмылялись, поглядывая на светопреставление, происходившее на дворе, и немедленно вошли в свою роль.

— Табу! табу! [1])—закудахтали в ужасе людоеды, повисшие на деревьях, при виде того, как их вождя повалили в корыто и принялись кощунственно сдирать с его жирного тела священную грязь.

Джен ушла в дом и выбросила в окно лоскут белого коленкора, которым тут же обмотали бедра выгруженного из корыта старого Теленасса, блиставшего причудливой чистотой. Сиятельный вождь, подавившийся мыльною пеной и содой, которую Ноа-Ноа напустил ему в рот, чихал и плевал во все стороны.

Прислужникам велено было принести ручные кандалы. Всех беглецов с Лунга одного за другим поснимали с деревьев. Шелдон выступил в роли тюремщика. Надевая им на руки кандалы, он продевал в ушки кандалов стальные цепочки и соединял арестантов попарно.

Гугуми за непоседливый нрав посадили в карцер до вечера.

После этого Шелдон распорядился вознаградить полдневным отпуском рабочих плантаций, и, когда они удалялись, разрешил гостям из Порт-Адамса спуститься с насестей. После обеда Джен и Шелдон долго прохлаждались под сенью веранды, наблюдая дикарей, которые ныряли, выгружая песок и камни из своих затопленных лодок. Дикари провозились до самого вечера, доставая со дна свои челноки. Наступили уже густые сумерки, когда они отплыли от берега, с трудом гребя поломанными веслами. Поднялся ветерок. «Флибберти-Джиббет» снялась с якоря и направилась в Лунга сдавать арестантов.

---

[1] Табу—у многих племен Австралии и Океании—священные и поэтому неприкосновенные предметы, места, животные, люди Нарушить табу—означает, по туземным понятиям, совершить страшнейшее преступление.

ГЛАВА XII

Мистер Морган и мистер Рафф

Шелдон наблюдал за работами по постройке моста, когда к берегу подошла и бросила якорь шхуна «Молекула». Джен с интересом настоящего моряка следила за тем, как матросы на шхуне убирали паруса и спускали шлюпку, и сама пошла навстречу высадившимся на берег гостям.

Пока прислужник бегал за хозяином, она угощала двух визитеров виски с содой и занимала их разговорами.

Гости чувствовали себя не совсем ловко в ее присутствии, и Джен заметила, что то один, то другой присматривался к ней со скрытым любопытством. Она сознавала, что они как будто взвешивают и оценивают ее, и впервые болезненно почувствовала всю неловкость своего оригинального положения в Беранде. С другой стороны, и сама Джен тоже стеснялась их. Она не знала, за кого их принять: они не походили ни на торговцев, ни на моряков. По их речам нельзя было подумать, что они джентльмены, хотя, видимо, они умели держать себя в обществе и не говорили ничего неприличного. Без сомнения, это были люди деловые, но довольно своеобразного типа. Однако, какие у них могли быть дела на Соломоновых островах и зачем они прибыли на Беранду?

Старший, мистер Морган, был здоровенный мужчина с бронзовой физиономией и длинными усами. Он говорил басом, с гортанными интонациями. Другой, мистер Рафф, был субъект щуплый и слабый, с выцветшими водянистого цвета глазами; он нервно подергивал руками и говорил с легким акцентом, напоминавшим какой-то незнакомый жаргон. Но кто бы они ни были, ясно было, что это люди незаурядные, самостоятельно пробившие себе дорогу в жизни. Так думала Джен. Но она чуть не вздрогнула при мысли о том, каково попасть в лапы этим дельцам. В деловых сношениях они, вероятно, не знают пощады. Она внимательно посмотрела на Шелдона, когда тот вошел в комнату, и по выражению его лица сразу догадалась, что он не особенно обрадовался их визиту. Но в то же время ясно было, что

эти люди ему нужны, так как после непродолжительного и незначительного общего разговора он пригласил их к себе в контору.

Вечером она спросила у Лаландру, куда они ходили.

— Ай, много ходили, много смотрели. Смотрели деревья, смотрели земля под деревьями, смотрели, фелла, мост, смотрели сушильня, смотрели луга, смотрели река, смотрели вельбот. Ай, ай, много большой фелла смотрел, очень много.

— Какие это, фелла, люди, эти два фелла?—спросила она.

— Большой фелла—мастер белого человека,—только и мог объяснить черный.

Отсюда Джен вывела заключение, что эти господа—люди влиятельные на Соломоновых островах, и что факт осмотра ими плантации и поверки ее счетов не предвещает ничего хорошего.

За обедом разговор вращался вокруг общих мест и не было произнесено ни слова, в котором содержался бы самый отдаленный намек на цель их визита. Однако, от внимания Джен не ускользнуло беспокойство, сквозившее в глазах Шелдона. После того как подали кофе, она ушла к себе. До полуночи прислушивалась она к доносившимся до нее через весь двор голосам разговаривавших и видела вспыхивающие огоньки их сигар. На следующее утро, поднявшись рано, она выведала, что они уже отправились вторично осматривать плантацию.

— Что это значит?—спросила она у Вайсбери.

— Мистер Шелдон немножко время, скоро конец.

— Что это значит?—спросила она опять у Орифайри.

— Мистер Шелдон с большим фелла поедут в Сидней. Да, мой так думает. Скоро Беранда конец.

Осмотр плантации продолжался в течение целого дня, и шкипер «Молекулы» не раз посылал гонцов в усадьбу, прося гостей поторопиться с осмотром. Солнце уже садилось, когда приезжие подошли к шлюпке, которая должна была их доставить на шхуну, но и тут, на берегу, они еще битый час толковали с Шелдоном. Джен видела издали, как Шелдон что-то доказывал им; она видела также и то, что оба его собеседника не сдавались на его доводы.

— В чем дело?—весело спросила она Шелдона, когда они расположились обедать вдвоем.

Он, улыбаясь, посмотрел на нее. Но улыбка его была какая-то кислая.

— Ай, ай,—продолжала она, подражая чернокожему.—Толстый фелла говорил, говорил. Солнце заходит—говорил. Солнце всходит—говорил. Все время говорил. О чем это он, фелла, говорил?

— О, ничего особенного!—Шелдон встряхнул плечами.—Им хотелось купить Беранду, вот и все.

Она посмотрела на него недоверчиво.

— Должно быть, не совсем так было дело. Повидимому, вы сами хотели ее продать!

— Право же нет, мисс Лэкленд! Поверьте, я далек от этой мысли.

— Нечего в прятки играть,—настаивала она.—Давайте говорить откровенно. Вы смущены и расстроены. Я не настолько глупа, чтобы этого не видеть. Говорите прямо. Ведь я, пожалуй, могу вам и пригодиться—хотя бы советом.

Наступила пауза. Видимо, он не то, чтобы боялся быть откровенным, но не знал, с чего начать.

— Ведь вы знаете, что я—американка!—сказала она, вызывая его на откровенность.—А американцы наделены от рождения практической сметкой. Я не хвастаюсь этим, а только уверена, что в этом отношении преимущество на моей стороне. Во всяком случае, у меня больше практического чутья, нежели у вас. Давайте обсудим дело вместе. И вместе поищем выхода. Сколько вы задолжали?

— Тысячу фунтов с лишком—пустяки, как вы думаете? Да еще, вдобавок, на следующей неделе истекает срок найма тридцати рабочих, и в среднем каждому придется заплатить по десяти фунтов. Но к чему вам понапрасну забивать себе голову всем этим? В самом деле, вы знаете...

— Во что вы цените Беранду? В настоящее время?

— Приходится ценить ее, смотря по тому, сколько готовы будут дать за нее Морган и Рафф.

Поглядев на недовольную мину Джен, Шелдон решился раскрыть ей все свои карты.

— В свое время мы с Хьюги вложили в это дело восемь тысяч фунтов. Имение наше очень хорошее и стоит гораздо дороже этой суммы. Но оно станет приносить чистый доход не раньше, как года через три. Вот что заставило нас с ним заняться торговлей и вербовкой. «Джесси» и наши торговые конторы почти покрывали все текущие расходы Беранды.

— А сколько дают вам Морган и Рафф?

— Они предлагают, сверх перевода на них всех долгов, всего только тысячу фунтов наличными.

— Бессовестные жулики!—воскликнула она.

— Нет, они просто деловой народ, и больше ничего. По их словам, цена вещи определяется тем, сколько за нее дают и берут.

— А сколько вам предстоит затратить еще на Беранду в течение трех лет?—нетерпеливо добивалась Джен.

— Двести рабочих по шести фунтов в год каждому—за три года составит три тысячи шестьсот фунтов, это—главная сумма.

— Ой, ой, как вздорожали рабочие руки! Три тысячи шестьсот фунтов или, иначе говоря, целых восемнадцать тысяч долларов одним людоедам! Но все-таки имение это может служить солидным обеспечением. Почему бы вам не заложить землю в Сиднее?

Он покачал головой.

— Вы их калачом сюда не заманите для осмотра плантации. Их слишком часто обманывали плантаторы Соломоновых островов. Но мне тяжело расставаться с этим уголком, и, клянусь вам, не столько ради себя, сколько ради покойника Хью. Он так привязан был к этому месту! Он был страшно настойчивый парень, понимаете, и никогда не пасовал. А потому-то и мне так тяжело сдаваться. Мы постепенно с ним разорялись, но «Джесси» позволяла нам надеяться, что, пожалуй, протянем как-нибудь.

— Разумеется, вы оба были простаками. Но вам все-таки незачем продавать плантацию Моргану и Раффу. Я отправлюсь в Сидней с первым пароходом и приведу вам шхуну. Не первоклассную шхуну, конечно. Я не в состоянии затратить на это тысяч пять или шесть долларов.

Он остановил ее, подняв руку в виде протеста.

— На обратном пути я приму поручение отвезти какой-нибудь груз. Во всяком случае, шхуна заменит вам «Джесси». Вы же за это время подготовьтесь к тому, чтобы найти для нее подходящую работу, когда я приеду назад. Я намерена сделаться пайщиком Беранды, чтобы потуже набить свой кошелек соверенами [1]). У меня, как вы знаете, их наберется до полутора тысяч с лишним. Мы с вами вступим в соглашение, если вы только не прочь, но я уверена, что вы мне не откажете.

Он поглядел на нее с ласковой улыбкой.

— Вы ведь знаете, что я затем и прибыла сюда за тридевять земель, с Таити, чтобы завести плантацию,—настойчиво твердила она.—Вы хорошо знаете, каковы были мои намерения. Теперь они видоизменелись отчасти,—вот и все. Я предпочитаю вступить в долю в Беранде и вернуть свои деньги по прошествии трех лет. Это интереснее, чем ковырять землю на Пэри-Сулай и ждать дохода целых семь лет.

— А эта...а...а... эта шхуна...

Шелдон раздумал договаривать и промолчал.

— Ну, ну!.. Что же дальше?

— А вы не рассердитесь?—только спросил Шелдон.

— Нет, нет, будьте спокойны: ведь мы ведем деловой разговор.

---

[1]) Соверен — золотая монета, стоимостью, равная приблизительно, фунту стерлингов (около 10 руб.).

— Вы... вы на ней сами собираетесь плавать... быть на ней капитаном, короче, говоря? И сами собираетесь заниматься вербовкой на Малаите?

— Непременно! Чтобы скинуть со счетов вознаграждение шкипера. Мы заключим между собой условие, по которому вы будете получать жалование управляющего, а я буду получать жалование капитана. Это так просто. А если вы не захотите взять меня в долю, то я приобрету Пэри-Сулай, заведу себе маленькое судно и буду ездить за свой страх. Разницы мало.

— Мало разницы? Что вы говорите! Разница огромная. Если вы приобретете Пэри-Сулай, то вы сами будете отвечать за себя. Хотя бы вы сделались людоедкой, что мне за дело! Но если вы вступите со мной в компанию, то я буду отвечать за вас. И тогда я не позволю вам, как совладелице, разъезжать в качестве шкипера, занимающегося вербовкой. Повторяю вам: я не позволил бы этого делать ни моей сестре, ни моей жене.

— Но ведь я, слава богу, не жена, а только ваш компаньон.

— Наконец, все это похоже на шутку,—упорно стоял на своем Шелдон.—Мужчина и девушка, оба молодые, совместно хозяйничают на отрезанной от всего мира плантации! Единственный трезвый выход из положения, это—женитьба!

— Я предлагаю вам чисто деловое соглашение,—ответила она резким тоном.—Видно, мне не найти во всем мире такого мужчины, который отнесся бы ко мне по-товарищески!

— Но не забывайте того, что вы женщина,—завел он опять свою песню.—И что существуют известные общепринятые условности, известные приличия, обя...

Она вскочила со своего места, как ужаленная, и топнула ногой.

— Вы знаете мое любимое выражение?

— Знаю, знаю,—улыбнулся он:—проклятые юбки.

Она кивнула головой и продолжала:

— Иду спать. Прошу вас взвесить мое предложение и дать на него ответ завтра утром. Препираться толку мало. Вы меня только злите. Я вижу, что вы трус и эгоист. Вы боитесь, что скажут какие-нибудь дураки. Как бы ни были честны ваши побуждения, вам станет не по себе, если посторонние люди будут вас осуждать. Вы больше заботитесь о своем спокойствии, нежели обо мне. И, будучи трусом,—ведь все мужчины в душе своей трусы!—вы прикрываете свою трусость личиною рыцарского благородства. Благословляю небо, что я не мужчина. Покойной ночи. Поразмыслите все же. Постарайтесь откинуть глупые опасения. Если Беранда в чем-либо нуждается, так это в хорошей американской сметке. У вас ее нет. Вы—увалень, простофиля. Кроме того, ваше здоровье подорвано.

А для меня этот климат еще внове... Возьмите меня себе в компаньоны и посмотрите, как я растормошу ваши Соломоновы острова. Признайтесь, что уже вас я порядком растормошила.

— Да, могу сказать,—ответил он.—Как нельзя более! Мне еще ни разу в жизни не приходилось подвергаться такой дрессировке Если бы мне кто-нибудь прежде сказал, что я попаду в такое положение... да, признаюсь, вы-таки разделали меня на все корки.

— Но все это пустяки по сравнению с тем, что будет дальше. Поверьте мне, что все будет отлично,—сказала она ему напоследок, поднимаясь со стула и протягивая ему руку.—Покойной ночи! Извольте мне завтра утром дать разумный ответ.

ГЛАВА XIII

Логика молодости

— Хотел бы я знать, что это: упрямство, простой каприз, или же вы на самом деле серьезно захотели сделаться плантатором на Соломоновых островах?—сказал Шелдон за завтраком.

— А мне хотелось бы, чтобы вы стали попроще,—возразила Джен.—Вы пропитаны насквозь предрассудками. Но, во имя здравого смысла и... и порядочности, согласитесь, наконец, признать, что я не похожа на тех женщин, с которыми вам приходилось встречаться. И что со мной надо обращаться иначе! Вы не можете этого отрицать. Я приехала сюда шкипером на собственной шхуне, прошу покорно заметить, чтобы зарабатывать себе хлеб. Вы отлично это знаете. Я уже не раз повторяла вам это. Я иду по стопам отца и хочу довести до конца его предприятие, одушевляемая чувством, подобным тому, которое заставляет вас держаться Беранды в память вашего друга Хьюга. Отец скитался по морю, отыскивая на островах подходящее место для плантации. Он умер, а я продолжала следовать его примеру, пока не попала сюда. Ну, и вот...—пожала она плечами,—моя шхуна оказалась на дне морском, и я не могу продолжать итти дальше, а потому и остаюсь здесь. Плантацию я разведу непременно.

— Примите во внимание...—начал, было, он.

— Выслушайте меня до конца. Взвешивая свое поведение с той самой минуты, когда я ступила на этот берег, и вплоть до сегодняшнего дня, я не припоминаю ничего такого, чем бы я могла ввести вас в заблуждение относительно своих планов и дальнейших намерений. Я выложила вам все начистоту, а вы тут сидите и преспокойно заявляете мне, что хотели бы знать, вожу я вас за нос или нет. В последний раз повторяю вам, я действительно хочу стать плантатором, не взирая на то, будете ли вы мне помогать или противодействовать. Хотите вы, чтобы я сделалась вашим компаньоном?

— Но подумайте: ведь надо мною все будут смеяться. Меня прославят на весь архипелаг таким дураком, какого еще свет не видал.

Поселить в Беранде в качестве компаньона такую молодую девушку, как вы! Да на что это похоже, скажите на милость?

— Решительно не вижу, что тут особенного? Вы боитесь зубоскальства каких-то идиотов? А я-то воображала, что Беранда научила вас полагаться во всем на себя самого и что вы не нуждаетесь в нравственной поддержке всякого прощалыги и пьяницы из тех, что шатаются по Южным морям.

Он улыбнулся:

— С вами беда, да и только! Вы всегда сумеете так припереть человека к стене, что решительно не знаешь, что вам возразить. Ваша логика—победоносная логика молодости. Она не считается с трезвыми фактами, ей нет дела до жизненной прозы. Видно, молодость должна пройти через это, иначе она ничему не научится.

— Так отчего же не попробовать?—подхватила она.

— Беда в том, что факты опровергают логику молодости и вместе с тем разбивают пылкие молодые сердца. Взять хотя бы платоническую дружбу и... все такое; в теории это все хорошо, но на практике никогда не удается. Я когда-то тоже во все это верил. Это-то и привело меня на Соломоновы острова.

Джен начинала терять терпение. Он почувствовал, что она его не понимает. Она выставляет против него лишь чистосердечные, неотразимые доводы молодости. В оболочке этой женщины живет душа юноши. Он любовался этим разгоревшимся личиком, этими пышными локонами, обрамляющими маленькую головку, волнообразными линиями стройного стана, откровенно просвечивающими сквозь легкую ткань самодельного платья, этими мальчишески-задорными глазами и вытянувшимися в струнку ровными бровями и диву давался, как могла такая прелестная девушка оставаться непохожей на женщину? Чорт возьми, зачем она не рыжая, не кривая, зачем у нее не заячья губа?

— Допустим, что вы стали моим компаньоном в Беранде,—заговорил он опять, испытывая при этой перспективе смешанное чувство ужаса и чарующей радости.—Выйдет то, что или я влюблюсь в вас, или вы влюбитесь в меня. Такая близость опасна, понимаете ли вы это? На деле, на практике случается обыкновенно то, что именно такое сближение опрокидывает логику молодости.

— Если вы подозреваете, что я приехала на Соломоновы острова, чтобы выйти замуж...—вспыхнула она и зарделась от гнева.—Да, на Гаваи публика гораздо более благородная, я вижу. Знаете, что я вам скажу? Если бы кто-нибудь послушал со стороны, как вы наигрываете все на одной и той же струне, то легко мог бы подумать, что вы сами горите желанием...

Лицо ее собеседника из багрового вдруг стало белым, как полотно. Ясно было, что он сильно разгневался. Она проглотила остаток кофе, поднялась с места и добавила в заключение:

— Отложим этот разговор до тех пор, пока на вас снизойдет более веселое настроение. С вами трудно разговаривать. Вы слишком вспыльчивы. Идите-ка вы лучше купаться. Теперь самое время—прилив.

— Если бы ты только не была женщиной,—пробормотал он, когда она вышла из комнаты,—то я бы тебя, друг мой, вышвырнул из своей плантации к чорту со всеми твоими пожитками и таитянами, и вельботом, и соверенами, и всякою всячиной!

Но в этом-то и штука, что она все-таки женщина. Да и куда ей итти и что с ней может случиться?

Он встал, закурил папиросу, и взор его упал на Стэтсоновскую шляпу и кольт, висевшие на стене. В этом-то все и дело: он не хочет, чтобы она уходила. В сущности, она еще только подросток, потому-то и логика ее удивляет его. Это просто логика молодости, но такая логика способна чертовски злить. Во всяком случае, он раз навсегда уже твердо решил никогда больше не выходить из себя. Джен ведь ребенок. Он не должен этого забывать. Он тяжело вздохнул. Какое удивительное сочетание ребячества и женственности! Он долго не отрывал глаз от шляпы. Досада, вызванная разговором, исчезла бесследно, и он стал ломать голову над вопросом: как бы вывернуться из затруднительного положения, как бы найти какой-нибудь способ, дающий возможность ей остаться в Беранде? «Разве пригласить для нее компаньонку?—осенила его вдруг блестящая мысль.—А почему бы не так? Он пошлет за ней в Сидней при первой возможности. Да, да, он непременно...»

Серебристый смех прервал его думы. Шелдон подошел к выходным дверям, через которые видно было, как Джен бежит по дорожке к берегу. За нею едва поспевали два проводника, матросы Папехара и Махамеме, в красных набедренных повязках, с заткнутыми за пояс кинжалами. Вот еще тоже причуда. Сколько раз он предупреждал, уговаривал и упрашивал ее остерегаться акул! Она ни за что не хотела послушаться и упражнялась в плавании, как нарочно, в наиболее опасные послеобеденные часы. Он следил за ней, как она бросилась в воду с верхушки небольшой сваи, подражая манере ныряющих ребятишек, как она поплыла вперед, делая размашистые движения рукой, и как двое телохранителей плыли рядом с ней по обе стороны, на расстоянии нескольких футов. Он не особенно полагался на их искусство и ловкость в борьбе с нападающей акулой, хотя и был твердо уверен, что они—беззаветно преданные слуги и не задумаются пожертвовать жизнью, спасая свою госпожу.

По мере того, как они удалялись от берега, головы их превращались в еле заметные точки на поверхности моря. Между тем, поднялось небольшое волнение. Еле заметные точки стали совсем исчезать. Чтобы не потерять их из виду, он сначала прищуривался, а потом вынес на веранду подзорную трубу. Налетел швал со стороны Флориды, но Джен и ее телохранители беззаботно ныряли в волнах. Действительно, она плавает мастерски, надо ей отдать справедливость; он уже давно в этом убедился. Уроки плавания на Гаваи не пропали даром. Но акулы оставались акулами. Кроме того, он знал несколько случаев, когда весьма искусные пловцы погибали при сильном волнении.

Небо заволокло тучами, и океан запенился. Шелдон потерял из виду своих пловцов. Полил проливной дождь. Когда ливень прекратился и обновленная Беранда засияла на солнце, на поверхности вала снова показались три головы. Шелдон, захватив подзорную трубу, вошел в дом и скоро увидел Джен, взбегавшую вверх по тропинке, распуская на ходу слипшиеся волосы, которые ей надо было промыть пресной водой. В послеобеденное время, за разговором на веранде он в самой деликатной форме коснулся щекотливого вопроса о компаньонке, мотивируя это предложение тем соображением, что для Беранды нужна экономка для присмотра за челядью и кладовыми и для выполнения разных других хозяйственных функций.

Выдвинув этот благоразумный проект, он замолчал, не без тревоги ожидая, какое впечатление произведут на Джен его слова.

— Так, значит, вы недовольны тем, как я веду домашнее хозяйство?—было первым ее вопросом. И не давая ему разинуть рта, она продолжала:

— Произойдет неизбежно одно из двух. Либо мне придется расстаться с мыслью вступить с вами в товарищеское соглашение и уехать, предоставляя вам выписывать еще новую лишнюю компаньонку для той компаньонки, которая займет место экономки, либо я заманю на вельбот и утоплю эту старую курицу. Как вы могли допустить, хотя бы на одну минуту, что я явилась сюда, на край света, прибыв на собственной шхуне, ради удовольствия попасть под начало какой-то дуэньи [1])?

— Но ведь... компаньонка... так сказать, некоторым образом... необходимое зло,—заикнулся он.

---

[1]) Дуэнья — надзирательница, компаньонка, часто и экономка. Так назывались в средние века „почтенные дамы“, которым вручалось наблюдение за поведением жен или дочерей состоятельных сеньоров. Считалось, что присутствие дуэньи гарантирует „приличия“ и нравственность опекаемой ею особы.

— Мы до сих пор великолепно обходились без нее. Разве я брала с собой компаньонку на «Мьеле», а ведь я была единственной женщиной на борту своей шхуны. Ничего я так не боюсь, как ос, скарлатины и компаньонок. Ух! Это противные, зловредные чудовища, откапывающие во всем дурное, усматривающие в самом невинном поступке греховные побуждения и сами наталкивающие на грех, вовлекающие в соблазн своим больным и развращенным воображением.

— С нами крестная сила!—Шелдон с комическим ужасом отскочил от стола.—Вы всегда сможете без труда зарабатывать хлеб,—рискнул он пошутить.—Если лопнет ваша плантация, вы сможете взяться за перо и начать успешно писать тенденциозные повести. Я уверен, что на этом поприще вы легко завоюете популярность.

— Я не знаю, кому будут нужны на Соломоновых островах такие книги,—отрезала она.—Они полезны только для вас и подобных вам моралистов.

Он поморщился, но Джен продолжала с оригинальной находчивостью и задором, свойственными юности:

— Ибо какую же цену имеет вынужденная добродетель, скованная по рукам и ногам? Ваш проект приставить ко мне сторожа показывает, что вы не слишком-то высокого мнения обо мне. Я хочу быть хорошей, потому что хорошо быть хорошей, а не потому, что меня будет сторожить какая-нибудь старая карга с глазами Аргуса [1]).

— Не в том дело. Дело в том, что скажут о вас другие.

— Пускай они думают, что им угодно. Что мне за дело до грязных сплетен. Люди, подобные вам, из боязни пересудов готовы подчиняться мнению всяких проходимцев.

— Вы заговорили языком Шелли [2]),—ответил он.—Я вижу, что мне придется сделаться вашим компаньоном хотя бы для того, чтобы принять вас под свое покровительство.

— Ежели вы принимаете меня компаньоном для того, чтобы учредить надо мной опеку, то я... я... отказываюсь наотрез. Вот и все. Придется, видно, приобрести Пэри-Сулай.

— Тем более вам понадобится...—начал, было, он.

— Знаете, что я сделаю?—перебила она его.—Я поищу для себя какого-нибудь другого советчика на Соломоновых островах, который не подумает учреждать надо мной опеку.

Эти слова поразили Шелдона в самое сердце, и он не мог скрыть своего испуга.

---

[1]) Мифический многоглазый великан.

[2]) Шелли — один из величайших английских поэтов (1792 — 1889).

— Вы шутите,—застонал он.

— Нет, не шучу, я так и сделаю. Мне, наконец, надоело это непрошенное покровительство. Пожалуйста, не забывайте ни на минуту, что я сама отлично умею постоять за себя. А кроме того, у меня целых восемь самых лучших защитников, каких только можно желать: я говорю про своих матросов.

— Вам бы надо было родиться лет за тысячу или через тысячу лет,—засмеялся он.—Вы какая-то первобытная и в то же время архисовременная. Двадцатый век не по вас.

— Но зато Соломоновы острова пришлись мне как раз по вкусу. Вы жили здесь совсем как дикарь, когда я впервые встретилась с вами, пробавлялись одними только мясными консервами да лепешками, то-есть такой пищей, которая способна расстроить пищеварение верблюда. Как-никак, а я вам наладила обиход. И если мы станем совладельцами, то на этот счет вы вполне обеспечены. Во всяком случае, вы у меня не умрете от плохого питания.

— Если только мы станем совладельцами,—сказал он,—то имейте в виду, что вам на шхуне разъезжать не придется. Вы можете отправиться в Сидней и выбрать там шхуну, но шкипера нужно будет нанять.

— Чтобы тратить лишние деньги на содержание безответственного, неспособного пьяницы? Между тем как я могла бы сама отлично справиться с этим делом, которое так близко моему сердцу. И притом гораздо лучше всякого наемника. Вам небезызвестно, что по этой части я перещеголяю любого опытного капитана в Южных морях.

— Но, сделавшись моим компаньоном, вы становитесь в положение хозяйки.

— Благодарю за комплимент, из которого вывожу заключение, что вы считаете мое поведение недостойным почтенной хозяйки!

Обиженная до-нельзя и расстроенная, со слезами на глазах она поднялась со своего места и подошла к граммофону.

— Неужто все мужчины подобно вам пропитаны столь смехотворными взглядами?

Шелдон встряхнул плечами и улыбнулся. Спорить было бесполезно; он изведал это на опыте; он решил взять себя в руки. И к вечеру она, наконец, ему уступила. Решено было, что она с первым же пароходом отправляется в Сидней, покупает там шхуну и возвращается со шкипером на борту. Шелдон, со своей стороны, пошел тоже на уступки: Джен будет предоставлено право время от времени совершать небольшие путешествия на острова. Но он оставался непреклонным, как камень, в одном отношении: чтобы она сама производила набор на Малаите,—этого он никак не мог допустить.

После того, как предварительные переговоры были закончены и подписан составленный по ее настоянию формальный письменный договор, Шелдон целый час прохаживался из угла в угол, размышляя о том, какого он свалял дурака. Что за нелепое положение! Впрочем, пожалуй, не хуже того, которое ему предшествовало и, во всяком случае, менее невозможное, нежели то, в котором он очутился бы, если бы Джен вздумала поселиться на Пэри-Сулай.

Ему ни разу не случалось встречать более самостоятельной женщины, которая вместе с тем более нуждалась бы в покровительстве, чем эта, походившая на мальчика девушка, сопровождаемая живописной своей свитой, появившаяся на этом берегу в оригинальном костюме, с долгоствольным револьвером на поясе, с сумкой золота и целым ворохом романтических бредней в голове.

Ни в каких романах ему до сих пор не приходилось встречать ничего подобного. Действительность, правда, иногда превышает фантастичностью всякую сказку. Все это было так странно и необычно, что казалось неправдоподобным. Он кусал усы и курил папиросы одну за другой. Сатана, прибежавший со двора, подскочил к нему и прикоснулся влажным холодным носом к его руке. Шелдон погладил его по голове. Появление собаки вывело его из задумчивости. Он кинулся в кресло и весело расхохотался. Что только подумает правительственный комиссар Соломоновых островов? Что подумают его знакомые и родные? Он заодно и радовался состоявшемуся между ними соглашению и сожалел о том, что Джен Лэкленд появилась на горизонте Соломоновых островов.

Шелдон вошел к себе в комнату, достал карманное зеркальце и долго и пристально всматривался в свое отображение.

ГЛАВА XIV

„Марта“

— Большой, фелла, шхуна у берега!—объявил Вейсбери, входя в комнату, где после завтрака Джен и Шелдон с азартом сражались на биллиарде.

Одновременно с этим послышался лязг цепей и, выйдя на веранду, они увидели большую черную шхуну, стоявшую недалеко от берега и плавно покачивавшуюся на якоре.

— Да ведь это янки!—воскликнула Джен.—Взгляните на форму носа, на овальные очертания кормы... А! да вот и доказательство!

В это время на шхуне взвился полосатый американский флаг, усеянный звездочками.

Шелдон распорядился, чтобы на флагштоке Беранды также был поднят флаг. Ноа-Ноа побежал исполнять его приказание.

— С какой это стати заявились сюда американцы?—удивлялась Джен.—Это не яхта, но держу пари, что она отлично ходит и на парусах. Прочтите, как название?

— «Марта», Сан-Франциско,—ответил Шелдон, посмотрев в подзорную трубу.

— Я в первый раз вижу на Соломоновых островах американское судно. Вот они уже высаживаются. Взгляните-ка на гребцов: одни только белые. Как их сюда занесло?

— Да разве они похожи на моряков?—сказала Джен.—Если бы у меня были такие гребцы, даже хотя бы чернокожие, мне и то было бы совестно за такую ухватку. Полюбуйтесь на этого парня, что вылезает из лодки. Ему гораздо больше пристало бы вычищать навоз из телятника.

Новоприбывшие рассыпались по берегу и с любопытством озирались по сторонам, а двое, что восседали на корме шлюпки, вошли в ворота и направились к дому. Один из них, высокий и стройный молодой человек, был в белом кителе, напоминавшем военную форму. Другой, похожий на большую, неуклюжую обезьяну, был в каком-то странном наряде—полуморском, полусухопутном. Сходство его с

обезьяной подчеркивалось густыми косматыми рыжими баками и маленькими щелочками колючих и беспокойных глаз.

Шелдон встретил гостей на пороге и представил их Джен. Бородатый субъект шотландского типа имел немецкую фамилию фон-Бликса и говорил с ярко выраженным американским акцентом. Высокий молодой человек в щегольском кителе носил английскую фамилию Тюдора: его звали Джон Тюдор. Он говорил почти совершенно чисто по-английски, как полагается говорить всякому благовоспитанному янки, с легким, едва уловимым немецким акцентом. Акцент этот гармонировал, как нельзя более, с короткими, торчавшими кверху усами, открывавшими полные красные губы, похожие на лук купидона, и с некоторой жестокостью в выражении лица.

Фон-Бликс был неотесан и мужиковат, Тюдор же отличался изящной развязностью. Его манеры, жесты и мины изобличали в нем светского человека. Голубые глаза метали искорки, а подвижные складки гладко выбритого лица подчеркивали малейшие оттенки его мысли и настроений. Он сыпал остротами, улыбался и посмеивался в высшей степени непринужденно. Но вначале он говорил мало, так как фон-Бликс повел рассказ об их задачах, приключениях, и Тюдор ограничивался пока только коротенькими вставками.

Они предприняли экскурсию в поисках золота. Фон-Бликс был ее предводителем, а Тюдор был его помощником. Вся их артель, насчитывавшая двадцать восемь человек, состояла из пайщиков предприятия, заинтересованных в различной степени. Некоторые из них были матросы, но большинство были золотопромышленники, собравшиеся из разных уголков Мексики и Южной Америки. На Соломоновы острова привела их вечная, неустанная погоня за золотом. Они предполагали разбиться на два отряда. Один отряд, под предводительством Джона Тюдора, намеревался направиться на разведки вверх по течению речки Бейль и проникнуть в гористые недра Гвадалканара. Другой же, под начальством фон-Бликса, отправлялся на Малаиту на «Марте» с аналогичной целью.

— Итак,—заявил фон-Бликс,—для того, чтобы Тюдор мог отправиться в свою экспедицию, ему потребуется взять с собой несколько человек чернокожих. Не можете ли вы уступить нам своих людей?

— Разумеется, не бесплатно,—вставил Тюдор,—и вы можете назначить цену по своему усмотрению. От вас они получают по шести фунтов, не так ли?

— Нам приходится в этом отношении быть экономными,—сказал Шелдон,—у нас и так нехватает рабочих рук на плантации.

— Нам?—удивился Тюдор.—Разве вы вошли в компанию с кем-нибудь? В Гувуту, мне помнится, говорили, что ваш компаньон недавно скончался и что вы остались одни.

Шелдон повернул голову в сторону Джен, и, когда он заговорил, она почувствовала, что ему было неловко.

— С тех пор мисс Лэкленд состоит совладельцем этой плантации. Но вернемся к делу. У нас нехватает рабочих рук; с другой стороны, вам от этих людей будет мало пользы. Они не пойдут с вами дальше, чем до Бину, а это отсюда всего один переход. Они все уроженцы Малаиты и побоятся, что их там съедят. Они удерут при первом удобном случае. Вам придется взять других проводников в Бину, которые пройдут с вами еще один день пути, но как только вы с ними доберетесь до подошвы холмов, вам придется караулить и этих. Им тоже не улыбается перспектива быть съеденными.

— Неужели дела обстоят так скверно?—спросил фон-Бликс.

— Никто еще не проникал до сих пор в глубь Гвадалканара,—стал объяснять Шелдон.—Лесовики-бушмены принадлежат к числу самых диких людей, какие только в настоящее время существуют на свете. Мне самому не приходилось видеть их, и я не встречал до сих пор еще никого, кто бы их видел. Они никогда не спускаются к побережью, хотя иногда их бродячие банды нападают на низовых жителей, слишком далеко забравшихся в глубь острова. Они их пожирают. Это совсем неизвестный народ. Они даже не научились еще курить табак. Австрийская научная экспедиция пробовала производить изыскания, но весь состав ее погиб. Их растерзали на части. На берегу, в нескольких милях отсюда, стоит памятник. Уцелел и вернулся назад один только член этой экспедиции, от которого и узнали о происшествии. Вот и все, что вы можете узнать от меня или от кого бы то ни было другого относительно внутренней области Гвадалканара.

— А про золото ничего не слыхать?—заерзал Тюдор.—Вы ничего не слыхали про золото?

Шелдон усмехнулся и оба визитера впились в него глазами.

— Вы можете подняться на две мили вверх по Бейльсуне и там приступить к промывке золотоносного песку. Я частенько проделывал это. А в горах, что подальше, несомненно, имеется золото.

Тюдор и фон-Бликс переглянулись с видом победителей.

— Старый Уптешиф был прав,—заметил Тюдор. Фон-Бликс только кивнул головой.—А если и Малаита не обманет нас...—Тюдор не договорил и повернулся к Джен.

— Нас привели сюда указания этого старого золотопромышленника,—пояснил он.—Фон-Бликс подружился с ним, и тот открыл ему свой секрет.

Обратившись к Шелдону, он добавил:

— Я полагаю, что нам удастся доказать, что белые проникали в недра Гвадалканара еще задолго до австрийской ученой экспедиции.

Шелдон пожал плечами.

— Об этом мы здесь ничего не слыхали,—ответил он просто. Затем он обратился к фон-Бликсу.—Что же касается моих рабочих, то вы можете взять их с собой в любом количестве. Но только с тем условием, что они будут сопровождать вас не дальше, чем до Бину. Скажите, сколько человек будет в вашем отряде и когда вы намерены выступить?

— Нас будет десять человек со мною включительно,—ответил Тюдор.

— Вам следует выступить послезавтра,—сказал ему фон-Бликс.— Лодки будут готовы сегодня вечером. Завтра мы упакуем припасы и снаряжение. А «Марта» простоит здесь до вечера, мистер Шелдон, на закате же снимется с якоря.

Когда оба гостя спускались к берегу по дорожке, возвращаясь на судно, Шелдон насмешливо посмотрел на Джен.

— Вот приключение, как нельзя более, в вашем духе. Поиски золота в стране людоедов.

— Заманчивое заглавие для книги,—промолвила она,—или еще лучше: «Поиски золота в стране охотников за черепами»!—и тираж обеспечен.

— А вы не раскаиваетесь, что сделались плантатором?—поддразнивал он ее.—Не интереснее ли было бы принять участие в такой экспедиции?

— Если бы я решилась на это,—сказала она,—то фон-Бликс, наверное, не стал бы меня отговаривать от экскурсии на Малаиту.

— Без сомнения. Он был бы даже рад.

— Какое вы составили мнение об этих людях?—спросила она.

— О, старый фон-Бликс, это—дельный и в своей области опытный и сведущий человек; а Тюдор—порядочный лоботряс, поверхностный, легкомысленный малый. Доведись мне быть выброшенным на необитаемый остров, я предпочел бы общество фон-Бликса.

— Не совсем понимаю вас,—заметила Джен.—Что вы имеете против Тюдора?

— А читали вы роман Броунинга «Последняя герцогиня?» [1]).

Она кивнула головой.

---

[1]) Броунинг — популярнейший в Англии и Америке английский поэт (1812 — 1889), находившийся под влиянием творчества Шелли (см. примеч. на стр. 144, т. II собр. соч. Л. Лондона).

— Так вот Тюдор напоминает мне характером героиню этого романа...

— Но она очаровательна.

— Да, это верно. Но она была женщиной. От мужчины мы в праве ожидать большего—больше самообладания, выдержки, солидарности. Мужчина должен быть более энергичным, настойчивым, хладнокровным. Меня раздражают люди его пошиба. От мужчины требуется больше уравновешенности.

Джен не могла согласиться с его оценкой. Шелдон почувствовал это, и ему стало не по себе. Раньше он заметил, как она оживленно беседовала с молодым гостем. Принимая во внимание оба эти впечатления, он задался вопросом: уж не ревность ли это? Какое ему дело до того: загораются у нее глаза или нет?

С «Марты» спустили вторую шлюпку, и остальная часть малого отряда пристала к берегу. Двенадцать человек экипажа занялись на берегу сколачиванием лодок. Лодок было пять штук, они были чрезвычайно длинные и узкие, с выпуклыми бортами. На каждой лодке было по три весла и по нескольку окованных железом шестов.

— Вы, друзья, видно, опытные мастера по части речных разведок,—обратился к плотникам Шелдон.

Один из них сплюнул наземь табачную жвачку и ответил:

— Мы научились этому делу в Аляске. Мы их строим по типу тех лодок, которые ходят на шестах по Юкону. Этот ручей—безделица в сравнении с большими северными реками. Положат в этакий челночек фунтов пятьсот клади, и два человека так быстро погонят его по реке, что вы только руками разведете.

Когда солнце стало садиться, «Марта», спустив флаг и отсалютовав из пушки, снялась с якоря и тронулась в путь.

«Юнион-Джек» закивал на флагштоке Беранды, и Шелдон дал ответный салют из сигнального орудия.

Оставшиеся американцы разбили на дворе палатки и развели костры на берегу, а Тюдор ужинал вместе с Шелдоном и Джен.

Гость, видимо, побывал во всех уголках земного шара и знал все и вся. Польщенный вниманием Джен, он пустился в рассказы о своих многочисленных приключениях. Это был авантюрист высшей марки и, по его собственным словам, он родился на свет из любви к приключениям. Он происходил из древнего рода в Новом Южном Уэльсе; отец его был генеральным консулом, родился же он в Германии, где получил начальное образование и откуда вывез свой легкий немецкий акцент. Будучи еще подростком, он отправился со своим отцом в Турцию, а потом сопровождал его в Персию, куда отец его был назначен посланником. Тюдор весь век свой скитался по разным местам. Он очень весело и остроумно рассказывал про

свои путешествия, переходя от одного эпизода к другому, и видно было, что он не выдвигал свою собственную роль в них, а рассказывал о своих приключениях только потому, что они и в самом деле были весьма занимательны. Он участвовал в южно-американских восстаниях, побывал на Кубе, был скаутом в Южной Африке, военным корреспондентом в русско-японскую войну. Он разъезжал на собаках в Клондайке, работал на золотых приисках в Номе и издавал газеты в Сан-Франциско. Он был в дружеских отношениях с президентом Соединенных Штатов. Он был своим человеком в аристократических клубах Лондона и европейского континента, и Гранд-Отеля Иокогамы. Он выступал на избирательных собраниях в Невер-Невер. Он охотился на красного зверя в Сиаме, ловил жемчуг в Па-Мору, побывал у Толстого, видел представление страстей господних и объездил Анды верхом на муле. Вместе с тем он мог служить живым справочником всех лихорадок Западной Африки.

Шелдон, развалившись в своем портшезе на веранде, пил кофе и внимательно слушал. Вопреки сложившемуся в нем предубеждению, он невольно симпатизировал этому человеку, который пережил столько разнообразных приключений. И все-таки Шелдон чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что рассказчик обращается главным образом к Джен. Внешним образом он расточал свои слова и улыбки в обе стороны, однако, Шелдон прекрасно видел, что если бы они друг с другом остались наедине, то разговор у них имел бы другой колорит.

Тюдор, видя, что его рассказы производят сильное впечатление на Джен, нарочно расписывал свои приключения, стараясь очаровать ее их романтическим характером.

Шелдон следил за ее напряженным вниманием, прислушивался к ее заразительному смеху, к ее вопросам и мимолетным замечаниям и чувствовал, как в груди его вырастает чувство, весьма похожее на любовь.

Хотя Шелдон сохранял при этом известное спокойствие, окрашенное легкой грустью, но иногда им овладевала досада на этого героя, и он взвешивал все время: как велика доля правды в каждом из его рассказов и насколько можно доказать или опровергнуть любое из его утверждений.

Во время одного из этих повествований и как бы согласно замыслу искусного драматурга на сцену появился Утами с тем, чтобы доложить Джен, что в устроенную им по ее приказанию западню попался крокодил.

В это время Тюдор закуривал папиросу, и Утами пристально уставился на его лицо, освещенное огнем зажженной спички. Он

был до того поражен, что даже забыл рассказать Джен про попавшегося крокодила.

— Алло, Тюдор!—воскликнул он, протягивая гостю руку и удивляя Шелдона столь непринужденным обхождением.

— Кто ты такой?—спросил Тюдор, пожимая руку полинезийцу.—Я не узнаю тебя.

— Я Утами.

— Утами? Но я, друг мой, не помню. где же мы с тобой встречались?

— И вы не помните про «Гуахин»?—произнес Утами с оттенком укоризны.—Не помните наше последнее плавание на «Гуахине?»

Тюдор с жаром схватил опять руку таитянина и крепко, сердечно пожал ее:

— Из всей нашей партии уцелел один только канак [1]) Джо,—сказал он.—Чорт возьми, как я рад, тебя видеть! Но я не знал твоего нового имени.

— Мое настоящее имя Утами, но на «Гуахине» меня прозвали Джо. Да иначе меня в то время и не называли.

— Но как ты сюда попал?—спросил его Тюдор, выпуская руку матроса.

— Мы плавали на шхуне «Мьеле» с мисс Лэкленд. Мы много плавали: Таити, Райэта, Техас, Пора-Пора, Мануа, Тутуила, Апия, Савойя и Фиджи. А теперь мы застряли с мисс Лэкленд здесь, на Соломоновых островах, пока у нас не будет другой шхуны.

— Нас только двое осталось в живых после крушения «Гуахина»,—стал объяснять Тюдор.—Вот он, да я. Из пятидесяти семи человек, отплывших из Гуаны, никто решительно не спасся, кроме Джо и меня. В Помату нас настиг страшнейший ураган; я там ловил жемчуг.

— А я и не знала, Утами, что ты чуть не погиб от урагана во время кораблекрушения. Ты мне про это ничего не рассказывал,—сказала с упреком Джен.

Здоровенный полинезиец потоптался на месте и смущенно осклабился.

— А я и не думал про это,—сказал он.

Он повернулся уходить, полагая, что так надо. Но видно было, что он с удовольствием остался бы еще на некоторое время.

— Ну, ладно, Утами,—сказал Тюдор,—завтра утром мы с тобой еще увидимся и побеседуем.

---

[1]) Канак — туземец Сандвичевых островов.

— Он спас мне жизнь, этот молодец,—сказал Тюдор, когда таитянин, тяжело, и в то же время осторожно ступая по ступеням лестницы, спускался с веранды.

— Лучшего пловца я в жизни никогда не видел.

Джен попросила Тюдора рассказать про историю с «Гуахином».

Шелдон курил и думал про себя, что какой бы там ни был этот самый Тюдор, но, по крайней мере, он не лжец.

ГЛАВА XV

Разговор о благовоспитанности

Дни тянулись за днями, а Тюдор и не думал покидать гостеприимную Беранду. Все было готово к отъезду, но он мешкал и большую часть времени проводил в обществе Джен, все более и более раздражая Шелдона. Состязался с ней в плавании, превосходя даже ее безрассудством, вместе с нею ходил глушить рыбу, показывая при этом необыкновенную удаль, ныряя среди голодных акул и отбивая добычу, на которую те жадно накидывались. Своими подвигами он завоевал даже уважение таитян. Арагу подзадоривал Тюдора на разные штуки, например, вырвать часть рыбы из пасти акулы, оставляя другую половину ей на съедение, и Тюдор блестяще выполнял эту задачу, поплатившись лишь тем, что сильно ободрал плечо о колючки плавников удивленной акулы.

Джен восхищалась его удальством, и Шелдон поневоле принужден был сознаться, что этот молодец явился как бы живым воплощением того сказочного героя, образ которого витал доселе в ее фантастических грезах. Джен, очевидно, не помышляла о любви, но Шелдон чувствовал, что если ей суждено кого-нибудь полюбить, то именно такого героя или «выдающегося человека», выражаясь ее языком.

Тюдор отлично умел выставлять напоказ все свои таланты и качества, и Шелдон чувствовал себя как-то приниженным в его присутствии. Шелдон и сам обладал неменьшим мужеством, но он не подчеркивал своих достоинств. Он знал, что не задумался бы нырнуть среди акул, спасая чью-либо жизнь, но он считал безумием выходки Джен.

Разница между ними сводилась к тому, что Шелдон, так сказать, завешивал витрину своей лавочки. Жизнь и без того в нем била ключом, и он не считал нужным искусственно волновать ее поверхность для того, чтобы другие могли видеть, как она пенится. При виде того, как другие показывают свою удаль, он только все более уходил в себя и все глубже погружался в флегматическое спокойствие, составляющее отличительную черту англо-саксонской расы.

— Вы как-то отупели за последние дни,—отметила с сожалением Джен.—Можно подумать, что у вас разыгралась печень или что вы заболели. Вам как будто, кроме ваших чернокожих рабочих и кокосовых орехов, ни до чего другого нет дела. Что с вами?

Шелдон только улыбнулся в ответ и еще больше притихал, вслушиваясь в разглагольствования Тюдора, поучавшего Джен с высоты своего величия. Тюдор развивал перед нею теорию ежовых рукавиц, с помощью которых белым людям надлежит устраивать жизнь низших рас. Эта лекция напомнила Шелдону про те порядки, какие он сам наводит в Беранде. То, о чем Тюдор красноречиво философствует, он, Шелдон, давно уже применяет на практике, и в качестве представителя высшей расы без зазрения совести угнетает представителей низшей расы, которые работают на его плантации или угрожают ей со стороны. «Но к чему об этом разглагольствовать?—подумал он про себя.—И без того уже тошно!»

Шелдон коротко и сухо высказал эту мысль, а Джен и Тюдор, воспользовавшись брошенным им вскользь замечанием, вовлекли его в спор. Они оба напали на него с самой неожиданной стороны, принявшись высмеивать английскую выдержку и самообладание, коими он втайне гордился.

— Янки любят говорить о том, что они делают или сделали,—сказал Тюдор,—а англичане смотрят на них свысока, как на пустых хвастунов. Но янки—простодушный ребенок. По-настоящему он совсем не умеет хвастать. Как видите, он любит распространяться о своих деяниях, тогда как англичанин превозносится молча. Скромная, вошедшая в пословицу сдержанность англичан представляет собою не что иное, как утонченную форму бахвальства. Признайтесь, что это так!

— А я до сих пор этого и не подозревала!—воскликнула Джен.—Да, да, это так. Англичанин способен совершить потрясающе героический подвиг, но, оставаясь верен себе, замыкается и молчит. Он скромен, сдержан и чужд самохвальства. Но молчание его чрезвычайно красноречиво. Эффект равносилен тому, как если бы он сказал: «Да, я всегда делаю то же самое. Для меня это сущие пустяки. Но отсюда вы можете заключить, на какие истинно великие подвиги я способен при случае. А это, это—безделица; этот ничтожный эпизод, знаете ли, не заслуживает внимания. В нем нет ничего из ряда вон выходящегося». А про себя скажу, что если бы мне довелось, например, рискнуть жизнью при взрыве или спасти от смерти сто человек, то я бы хотела, чтобы об этом непременно узнали все мои друзья и все друзья моих друзей. Я возгордилась бы пуще самого Люцифера. Признайтесь, мистер Шелдон, разве вы не гордитесь

внутренне, в глубине души, когда вам случается совершить что-нибудь смелое, отважное?

Шелдон кивнул головой.

— А если так,—сказала она, налегая на слова с особенным ударением,—то разве гордость, скрывающаяся под личиною притворного равнодушия, не равносильна лжи?

— Да, это верно,—согласился он.—Но ведь нам ежедневно приходится лгать таким образом. Это—плод воспитания, а англичане—самые благовоспитанные люди на свете, вот и все. Когда-нибудь и ваши соотечественники сделаются столь же благовоспитанными людьми. Не даром мистер Тюдор считает янки еще несовершеннолетними.

— Слава богу, что мы еще не начали привыкать к такой лжи!—вырвалось у Джен от души.

— О, что касается вас, то вы уже начали,—поспешно возразил Шелдон.—Не далее, как третьего дня, вы солгали как раз таким образом. Помните, когда вы взобрались на одних руках по гарделю на флагшток? Ваше лицо являло образ воплощенного лицемерия.

— Неправда, ничего подобного не было!

— Позвольте, позвольте,—продолжал он.—Выражение вашего лица было такое покойное, безмятежное, как будто бы вы нежились в кресле. Судя по вашему лицу, можно было подумать, что взбираться на руках по канату совершенно пустяковое дело. Надеюсь, вы не станете спорить, если я выскажу предположение, что когда вы в первый раз пробовали подняться на одних руках по канату, то, наверное, порядочно пыхтели и гримасничали. А теперь подобно чемпиону, выступающему на арене цирка, вы уже настолько тренированы, что легко можете удержаться от подобных гримас. Вы приучили себя скрывать свои ощущения, скрывать от людей то напряженное усилие, которое заставляет напрягаться ваши мускулы. А в этом сказывается, выражаясь словами мистера Тюдора, самое тонкое проявление самохвальства. Вот так-то и наша английская сдержанность представляет собою не что иное, как своего рода тренировку, и только. Слов нет, мы гордимся в душе своими поступками и деяниями, гордимся, не уступая в этом чувстве самому Люциферу и даже, пожалуй, еще того больше. Но мы—взрослые люди, и нам претит величаться.

— Сдаюсь,—вскричала Джен.—В конце концов вы не так уж глупы, как кажется.

— Да, признаюсь, вы нас приперли к стене,—согласился Тюдор.—Однако, вам бы не удалось этого сделать, если бы вы не отступили от своих собственных правил.

— Как так?

— Вы погрешили против вашей благовоспитанности тем, что заговорили о ней.

Джен восторженно забила в ладоши.

Тюдор вынул из портсигара и закурил новую папиросу, а Шелдон даже не пошевельнулся и продолжал невозмутимо молчать.

— Ага, попались!—поддразнивала его Джен.—Почему вы не разобьете в пух и прах его доводы?

— Право, мне сказать больше нечего,—ответил ей Шелдон.—Я знаю, что моя позиция неприступна, и довольствуюсь этим сознанием.

— Вы могли бы сказать,—подзадоривала она его,—что когда взрослый человек находится в обществе ребятишек дошкольного возраста, то он должен приноравливаться к их языку для того, чтобы они могли его понимать. Вот причина, ради которой вы позволили себе на время отступить от ваших благовоспитанных правил. Только таким образом и можно было вразумить нас, малолетних детей.

— Вы перешли на сторону противника, мисс Лэкленд, и в самом пылу сражения,—жалобно простонал Тюдор.

Но она уже его не слушала. Отвернувшись от своих собеседников, она стала пристально всматриваться в море.

Они последовали ее примеру и увидели зеленые огни и туманные очертания парусов какого-то корабля.

— Неужели это возвращается «Марта»?—забеспокоился Тюдор.

— Нет, боковые огни поставлены слишком низко,—заметила Джен.—Слышите? Вот они весла вытаскивают. Такое большое судно, как «Марта», на веслах не тронулось бы с места.

— Имейте в виду, что «Марта» снабжена газолиновым двигателем в двадцать пять лошадиных сил,—сказал Тюдор.

— Как раз такое судно, какое нам нужно,—деловито заметила Джен, обращаясь к Шелдону.—Я постараюсь раздобыть себе шхуну с подобной машиной. Пусть это будет хотя бы подержанный двигатель.

— Но это поведет к лишним затратам на наем машиниста,—возразил он.

— Расход окупится быстротой передвижения,—доказывала Джен,—я в этом совершенно уверена. Если бы вы не отличались таким чрезмерным консерватизмом, то, заменяя шкипера, я бы съэкономила гораздо больше, чем обошлось бы жалованье машинисту.

Шелдон не соблаговолил ответить на этот выпад, и она посмотрела на него с укоризной. Он смотрел на море, а она вглядывалась в черты его лица, озаренные светом фонаря,—упрямые, строгие, резко обозначенные, с девственной линией рта и более тонкими, чем у

Тюдора, губами. В первый раз ей бросилось в глаза это выражение самоуверенной силы, спокойствия, прямоты и стойкой решимости. Потом она перевела глаза на Тюдора. У этого более миловидное, более смазливое лицо, такое лицо, которое привлекает с первого взгляда. Но ей не нравились очертания рта, который как будто был нарочно устроен для поцелуев, а она ненавидела поцелуи.

Ощущение, испытанное Джен, нельзя было назвать вполне сознательным. Фигура Тюдора производила на нее какое-то неуловимое, смутное, отталкивающее впечатление. На этот раз она как-то усомнилась в этом молодом человеке. Возможно, что Шелдон высказал справедливое суждение о его характере. Впрочем, этот вопрос мало ее интересовал в настоящее время, ибо все, что связано с морем,—корабли, морские приключения,—занимали ее несравненно больше, нежели какие бы то ни было кавалеры.

В настоящую минуту она пронизывала взором темноту тропических сумерек, вглядываясь в смутные очертания парусов, освещаемых зелеными огоньками, и прислушиваясь к скрипу весел в уключинах. Она угадывала особенные формы нагих чернокожих гребцов, ритмически выпрямляющихся при взмахе весел. Ей мерещилась фигура капитана, направляющего свой корабль на якорную стоянку, присматривающегося к темным силуэтам деревьев на берегу соразмеряющего обманчивые в темноте расстояния, ощущающего на лице своем свежее прикосновение берегового бриза, который только-что стал подувать, взвешивающего, обдумывающего всю совокупность различных сил, действующих на курс корабля, тех сил, благодаря которым или вопреки сопротивлению которых он вел свое судно вперед. Все это она инстинктивно угадывала, потому что все это увлекало, захватывало ее, как может захватывать только настоящего моряка. Она уловила всплеск два раза выброшенного лота и ожидала услышать обычно следующий за этим возглас.

Вот заговорил мужской голос, отдававший приказание рулевому, и она вздрогнула от удовольствия. Капитан скомандовал басом: «лево руля!» Джен догадалась, что перемена направления была сделана с целью противопоставить подувшему ветерку бездействовавшие паруса, и собиралась тотчас же услышать, как этот же самый басок скомандует: «так держать!» Она снова вздрогнула, когда услышала ожидаемый возглас. Лот плеснул еще раз, и за этим последовало донесение: «семьдесят футов!»

— Отдавай!—донесся из темноты отчетливый голос.

Загремела якорная цепь, завертелись шкивы на блоках со скрипом и визгом, которые прозвучали в ее ушах слаще всякой музыки. Передние паруса были спущены прежде всего. Она различала все маневры парусами и почти угадывала нетерпеливые движения

матроса, тянувшего канат. Ее нисколько не интересовали теперь стоявшие возле нее двое мужчин и она не обращала на них ровно никакого внимания до тех пор, пока не приблизились оба огонька, зеленый и красный, и пока выброшенный якорь не остановил судна.

Шелдон задавался вопросом: какое бы это могло быть судно? Тюдор настаивал на том, что это должна быть «Марта».

— Это «Минерва»,—решила Джен.

— Почем вы знаете?—спросил недоверчиво Шелдон.

— Во-первых, это кетч. А во-вторых, я безошибочно различаю скрип его блоков, которые слишком велики для гарделя.

Темная фигура отделилась от ворот и пересекла по диагонали усадьбу. Очевидно, эта фигура наблюдала подходившее судно.

— Это ты, Утами?—окликнула Джен.

— Нет, мисси, мой Матаму!—отвечала фигура.

— Какое это судно? Как ты думаешь?

— Мой думает, «Минерва».

Джен победоносно взглянула на Шелдона, который в ответ поклонился ей.

— Уж если так думает Матаму, то, значит, верно,—пробормотал он.

— А если это говорит мисс Лэкленд, то позволительно усомниться,—воскликнула она,—в роде того, как вы сомневаетесь в ее способностях заменять на корабле капитана. Ну, подождите же! Когда-нибудь вы раскаетесь в своей неучтивости. Вот уж спускают шлюпку и через несколько минут мы будем пожимать руку Христиана Юнга.

Лалаперу подал стаканы, папиросы и неизбежное виски с содой. Не прошло и пяти минут, как перед ними предстал смуглый, нежный, изящный молодой человек—Христиан Юнг.

ГЛАВА XVI

Девочка, которая еще не выросла

Христиан Юнг привез опять, как и в прошлый раз, целую кучу новостей. В Гувуту царит повальное пьянство, люди хвастают тем, что пьют даже в промежутках между выпивками. На Изабелле у туземцев завелись откуда-то новенькие ружья. На Малаите идет разбой. Том Бутлер болен. Последняя и самая важная новость, это то, что «Матамбо» застряла в рифах в Шортелендсе и должна будет потерять рейс из-за необходимости произвести ремонт.

— В виду этого придется отложить поездку в Сидней недель на пять,—сказал Шелдон, обращаясь к Джен.

— И потерять драгоценное время,—добавила она с досадой.

— Если вам нужно ехать в Сидней,—сказал Юнг,—то имейте в виду, что завтра вечером из Тулаги выходит «Юполу».

— Разве она не идет вербовать чернокожих для немцев в Самоа?—спросила Джен.—Впрочем, я могу отправиться кружным путем через Самоа и пересесть в Аппии на пароход Компании Транспорта. Хотя это и крюк, но все-таки выигрыш во времени будет.

— На этот раз «Юполу» направляется прямо в Сидней,—объявил Юнг.—Она, видите ли, идет в сухой док; если хотите, вы успеете застать ее завтра до пяти часов вечера. Я сам говорил с капитаном.

— Но я должна сначала заехать в Гувуту,—сказала она капризным тоном, как бы призывая в свидетели остальных собеседников.— Ведь мне нужно сделать кое-какие закупки. Не могу же я показаться в столицу в этом берандском костюме. Я должна запастись в Гувуту всем необходимым и дорогой сошью себе платье. Я пойду собираться, и через час буду готова. Лалаперу! Позови сюда Адаму-Адама и скажи фелла Орифайри, чтобы он отнес на вельбот съестные припасы.

Она встала с места и обратилась к Шелдону:

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы ваши люди спустили вельбот, мой вельбот, разумеется. Я отправлюсь ровно через час.

Тюдор и Шелдон одновременно вынули свои карманные часы.

— Зачем вам так торопиться? Вам придется ехать всю ночь. Не лучше ли выехать рано утром?

— И не успеть ничего закупить? Нет, благодарю покорно. Притом может случиться, что «Юполу» раньше назначенного времени снимется с якоря; ведь это не регулярный пассажирский пароход. А, принимая во внимание изнеженные нравы обывателей Гувуту, надо полагать, что самое лучшее время для закупок, это—утренние часы. Извините, иду укладываться.

— Я поеду вас провожать,—объявил Шелдон.

— Я бы мог доставить вас на «Минерве»,—предложил Юнг.

Она улыбнулась и отклонила его предложение.

— Я поеду в вельботе. Вы все так беспокоитесь обо мне, как будто бы я никогда в жизни не выходила из дому. Вам, мистер Шелдон, я, в качестве вашего компаньона, не могу разрешить покинуть Беранду и оторваться от хозяйственных дел и забот из-за ошибочного представления о правилах рыцарской вежливости. Если вы не позволяете мне исправлять должность шкипера, то я, в свою очередь, не позволю вам разгуливать по морю в качестве покровителя молодой особы, которая не нуждается ни в каком покровительстве. А что касается вас, капитан Юнг, то вы прекрасно знаете, что вышли из Гувуты не далее, как сегодня утром, по пути в Марау и что, как вы сами сказали, через два часа вам предстоит трогаться в дальнейший путь.

— А мне не дозволено будет проводить вас?—пропел Тюдор умоляющим голосом, ударившим Шелдона по нервам.

— Нет, нет, ни в коем случае. Вы делайте свое дело, а я буду делать свое. Я приехала на Соломоновы острова для того, чтобы работать, а не для того, чтобы со мной носились, как с какой-нибудь куклой. У меня своих провожатых довольно: еще семеро таких же молодцов, как вот этот.

Адаму-Адам уже стоял перед ней, как колосс. Он был головой выше всех трех белых мужчин. Легкая ткань, облегавшая его исполинские члены, не скрывала пластических выпуклостей его чудовищных мускулов.

— Вот это кулак—так кулак,—воскликнул Тюдор,—не особенно-то приятно получить пинка от такой махины.

— Вполне с вами согласна!—Джен покатилась со смеху, припомнив потешный случай.—Однажды он отделал при мне капитана шведского корабля в бухте Левука на островах Фиджи. Капитан, действительно, провинился. Я видела эту сцену собственными глазами. Поразительно! Адаму чуть дотронулся до него и сломал ему руку. Помнишь, Адаму?

Дюжий таитянин осклабился и кивнул головой. Карие глаза его, как у лани, казалось, совершенно противоречили представлению о столь воинственных наклонностях.

— Мы отправляемся, большой брат, через час на вельботе в Гувуту,—обратилась к нему Джен.—Скажи всем братьям, чтобы они приготовились. Мы захватим «Юполу» и поедем в Сидней. Назад вернемся на новой шхуне. Заберите с собой смену белья и денгары [1]). Там стоят холода. Беги скорее и прикажи им поторопиться. Ружья оставьте здесь. Сдайте их мистеру Шелдону. Они нам не понадобятся.

— Если вы серьезно решили ехать...—начал, было, Шелдон.

— Это давно решено,—оборвала она.—Иду укладывать свои вещи. Сделайте одолжение, отпустите, пожалуйста, моим людям табаку и всякой всячины на дорогу.

Через час после этого трое мужчин распрощались с Джен, проводив ее на берег. Она подала знак, и вельбот отчалил. Шесть матросов взялись за весла, седьмой сел на носу, а Адаму-Адам стал с большим веслом у руля. Джен устроилась на офицерском месте и посылала оттуда прощальные приветствия. Она опять была в том же самом наряде, в котором спаслась при кораблекрушении: тесная курточка, с долгоствольным кольтом на просторном кожаном поясе, широкополая Стэтсоновская шляпа, из-под которой выбивались ее пышные волосы.

— Уходите скорее домой!—крикнула она им.—Поднимается сильный ветер. Надеюсь, что якорь у вас на длинной цепи, капитан Юнг! До свиданья, до свиданья, прощайте!

Последние слова доносились из мглы, окутавшей удалявшийся вельбот. А они продолжали стоять на берегу, и долго еще всматривались в темную даль, поглотившую лодку, прислушиваясь к равномерному скрипу весел в уключинах до тех пор, пока эти звуки совсем не замерли.

— Она совсем еще девочка,—протянул решительно Христиан Юнг. Видимо, он только сейчас сделал это открытие.—Да, она совсем еще девочка,—повторил он еще раз и еще более внушительно.

— Чертовски мила, и турист, каких мало,—весело рассмеялся Тюдор.—С огоньком, не правда ли, Шелдон, а?

— Да, она очень смелая,—уклончиво ответил Шелдон. Ему не хотелось поддерживать этот неприятный для него разговор.

— Настоящая американка,—продолжал Тюдор.—Раз, два—и готово. Энергия, независимость. Ваше мнение, капитан?

— Очень молода, очень молода, совсем еще девочка,—ответил капитан «Минервы», продолжая впиваться взором в черную мглу, застилавшую море.

---

[1]) Денгары — оригинальный костюм из грубого сорта небеленой бумажной материи.

Ночная темь, казалось, внезапно сгустилась, когда они повернули назад и стали ощупью пробираться к воротам.

— Берегитесь орехов,—предупредил Шелдон. Сильный порыв ветра прошумел между пальмами. Они схватились за руки и, пошатываясь, быстро зашагали вверх по дорожке, на которую дождем сыпались спелые кокосовые орехи.

Добравшись до веранды и комфортабельно расположившись на ней, они молча потягивали свое виски и поглядывали в сторону моря, где сквозь завесу хлынувшего дождя можно было различить плясавшие огоньки «Минервы».

«Там, во мраке,—думал Шелдон,—затерялась эта несозревшая девушка, женщина по виду и мальчик в душе. Она оставила Беранду в бурную непогоду, подобную той, которая выкинула ее на этот берег; в том же вельботе, с тем же Адаму-Адамом у руля и с той же экзотической командой здоровенных матросов на веслах; в той же самой Стэтсоновской шляпе и с тем же самым длинноствольным револьвером у пояса». И вдруг он почувствовал прилив нежности ко всем этим принадлежащим ей вещам, над которыми он тайком так ехидно посмеивался, когда увидел их в первый раз. Заметив, какое сентиментальное направление приняли его мысли, он хотел, было, рассмеяться. Но из этого ничего не вышло. В ту же минуту он опять предался своим мечтам о револьвере, поясе и шляпе. «Несомненно, это—любовь!»—подумал он, и в душе у него шевельнулось гордое сознание того, что Соломоновы острова еще не иссушили в нем сердца.

Час спустя Христиан Юнг встал, выколотил свою трубку и собрался уходить.

— Славная девушка,—кинул он на прощанье Шелдону. Слова эти вырвались у него без всякого повода, но точно выразили то, что каждый из них думал про себя.—Она набрала себе отличную команду и сама превосходный моряк. Спокойной ночи, мистер Шелдон! Нет ли каких поручений в Марау? Готов служить.

Он отвернулся и взглянул на звезды, пробивавшиеся из-за туч.

— Ночка выдается на славу. Пользуясь попутным ветром, они уже, наверное, поставили парус и на рассвете уже будут в Гувуту. Покойной ночи!

— Видно, и мне, старику, пора трогаться,—сказал Тюдор, поднимаясь с места и ставя стакан на стол.—Завтра спозаранку отправляюсь в поход. Я бессовестно злоупотребляю вашим гостеприимством. Спокойной ночи!

Оставшись один, Шелдон стал думать о том, что вряд ли Тюдор собрался бы с духом отправиться в поход завтра утром, если бы Джен не уехала. Пусть так, но, во всяком случае, в этом есть кое-что

утешительное: ясно, что Джен ни о ком из оставшихся в Беранде гостей не вздыхает, и даже к Тюдору, очевидно, совершенно равнодушна. «Я отправлюсь через час»,—прозвучало у него в ушах, и, закрыв глаза, он живо представил себе ее фигуру, когда она произносила эти слова. Он улыбнулся. Как только Джен узнала о пароходе, она тотчас же решила ехать. Разумеется, для мужчины это не очень лестно, но какой интерес мог для нее представлять любой мужчина, когда в Сиднее ее дожидается шхуна, которую нужно было купить. Что за создание! Что за удивительное, в самом деле, создание!

Потянулись дни одиночества, и Беранда стала казаться Шелдону какой-то пустыней. На следующее утро после отъезда Джен он проводил экспедицию Тюдора, отправлявшуюся на Бейльсуну. Под вечер этого дня он разглядел в подзорную трубу на горизонте дымок «Юполу», увозившей Джен в Сидней; а за ужином он гораздо чаще поглядывал на ее пустой стул, чем в свою тарелку. Каждый раз, выходя на веранду, он первым делом обращал свой взор на опустевшую тростниковую беседку в глубине двора; а однажды вечером, постукивая от нечего делать шарами на биллиарде, он вдруг поймал себя на том, что не отводит глаз от вешалки, на которую она всегда вешала свою Стэтсоновскую шляпу и кольт.

— Что это я, в самом деле, так о ней беспокоюсь?—рассердился он на самого себя. Мог ли он прежде допустить мысль, что когда-нибудь будет мечтать о подобной подруге? Ни разу в жизни ему еще не приходилось встречать такой женщины, которая до такой степени раздражала бы его, издевалась над ним, высмеивала все его представления об условных приличиях и до такой степени противоречила бы его идеалу женщины. Быть может, он слишком отстал от света, забыл, в чем состоят особенности женщины? Да и женщина ли это? Это похоже на маскарад. Как будто под внешней оболочкой женщины скрывается переодетый мальчик, выкидывающий разные штуки, ныряющий среди акул, забавляющийся стрельбой, мечтающий о приключениях, мало того, рыскающий в погоне за ними по морю на вельботе с сумкой золота в чемодане и в компании диких островитян. Но поразительнее всего то, что он все-таки полюбил ее и даже не пытается подавить в себе это чувство, и ничуть не сожалеет об этом. Удивительно, как только он мог ее полюбить? Шелдон опять увлекся Берандой. Суровая обстановка жизни на Соломоновых островах, казалось, разбила все его воздушные замки и плантаторские иллюзии: они полопались, как мыльные пузыри. После смерти Хьюга он некоторое время пытался кое-как продержаться с плантацией, но изверился в возможности успеха, и если

тянул это дело, то только в силу упрямства, свойственного его натуре.

Теперь же дело совсем другое. Теперь Беранда для него, это—все. Он хочет, чтобы она процветала не только потому, что Джен отныне заинтересована в успехе плантации, но и для того, чтобы союз их упрочился. Через три года плантация станет приносить прекрасный доход. У них появятся средства, которые дадут им возможность раз в год и даже чаще ездить в Австралию, а впоследствии можно будет побывать и на родине, в Англии или на Гаваи.

По вечерам он проверял конторские счета, ломал голову над бесчисленными выкладками, рассчитанными на удешевление провоза копры и основанными на различных соображениях о возможном максимуме и минимуме рыночных цен. Он проводил целые дни на плантации, занялся расчисткой новых зарослей. Работы по расчистке и насаждению пальм производились теперь под его непосредственным наблюдением и подвигались ускоренным темпом. Он назначал премии для чернокожих за сверхурочные работы. Недостаток рабочих рук давал себя знать все сильнее и сильнее, но от увеличения числа рабочих приходилось отказаться впредь до возвращения Джен с новой шхуной, так как профессиональные вербовщики уже все надолго законтрактованы братьями Фулькрум, Морганом и Раффом и компанией Файрс и Филиппс. А «Флибберти-Джиббет» всецело занята курсированием между отдаленными торговыми пунктами, разбросанными на всем протяжении от берегов Новой Георгии и до Юлавы и Сикианы. Без лишних рабочих рук ему не обойтись, и если Джен посчастливится достать шхуну, то пройдет еще, по крайней мере, месяца три, покуда первая партия новых рабочих прибудет в Беранду.

Спустя неделю после отплытия «Юполу» к берегу Беранды подошла «Молекула» и бросила якорь. Капитан ее решил выждать ветра, сыграть партию на биллиарде и поболтать с хозяином. Судовому своему приказчику он признался, что высаживается не только для того, чтобы передать Шелдону запас семян и инструкций, присланных Джен, но и для того, чтобы удивить его сногсшибательной новостью.

Капитан Оклэнд не торопился: он сперва поиграл на биллиарде, потом подкрепился горячим виски, комфортабельно раскинувшись в кресле, и только после всего этого, принимаясь потягивать из второго стакана, выпустил, наконец, свою бомбу:

— Ну, и бойкая же барышня, эта ваша мисс Лэкленд,—ввернул он, посмеиваясь в бороду.—Выдает себя за совладелицу Беранды. Называет себя вашим компаньоном. Что, это правда?

Шелдон холодно подтвердил кивком головы.

— Что вы говорите? Вот так диковинка! А вы знаете, в Тувуту и в Тулаги ей не поверили. Они там довольно нагляделись всяких чудес, но... ха-ха-ха!..

Он покатился со смеху и передохнул немного, вытирая носовым платком свою плешь.

— Но известие об этом новом товариществе показалось им чересчур невероятным. Впрочем, они придрались к случаю и вспрыснули эту новость соответствующими возлияниями.

— Ничего тут нет странного и необыкновенного. Заурядное деловое соглашение.—Шелдон говорил таким тоном, как будто подобные сделки—самое обычное явление на Соломоновых островах.—Она вложила около полутора тысяч фунтов в это предприятие.

— Подлинные ее слова.

— И отправилась по делам Беранды в Сидней.

— О, нет, ничего подобного!

— Виноват, как это?—полюбопытствовал Шелдон.

— Уверяю вас, это факт!

— Но разве «Юполу» не отплыла? Ручаюсь вам, что я видел на горизонте ее дымок в прошлый вторник, когда она проходила под вечер в Сэво.

— «Юполу», действительно, отплыла.—Капитан Окленд потягивал виски с нарочитой медлительностью.—Но только мисс Лэкленд не была в числе ее пассажиров.

— В таком случае, где же она?

— Я ее видел в последний раз в Гувуту. Она ведь собиралась покупать шхуну в Сиднее. Не так ли?

— Да, да!

— Это самое она и говорила. Ну-с, она уже ее приобрела. Такую, что я лично не рискнул бы заплатить за нее и десяти шиллингов, если подует норд-вест; а он, наверное, не замедлит подняться. У нас слишком долго продолжалось затишье.

— Если вы задались целью, старина, разжечь во мне любопытство,—сказал Шелдон,—то вы уже добились своего. Валяйте же дальше и расскажите все по порядку. Какая там шхуна? Где это? Как она могла ее приобрести?!

— Во-первых, шхуна эта называется «Мартой»,—отвечал шкипер, отгибая один за другим на руке свои пальцы.—Во-вторых, эта самая «Марта» застряла на рифах по ту сторону Пунга-Пунга. Ее уже основательно разграбили, и она разлетится в щепки при первом же шквале. В-третьих, мисс Лэкленд купила ее с аукциона за пятьдесят пять соверенов, и третий помощник резидента утвердил уже акт. Я в курсе дела, ибо сам предложил за «Марту» пятьдесят фунтов по поручению Моргана и Раффа. Даю вам слово, они ужасно

рассердились! Но я их послал к чорту, ведь сами же виноваты: они разрешили мне набавлять только до пятидесяти, а, между прочим, хорошо понимали, что очень даже стоит рискнуть и гораздо большей суммой. Они, видите. ли, не чаяли, не гадали наткнуться на конкурента. На торгах не было доверенных представителей ни от Фулькрума, ни от компании «Файрс и Филиппс», и единственно, кого можно было опасаться,—это агента Нильсена-Сквайрса. Но последнего они постарались так угостить, что он провалялся весь день пьяный в Гувуту и проспал торги.

«Двадцать», назначил я с своей стороны. «Двадцать пять», набавила маленькая мисс. «Тридцать», заявил я. «Сорок», перебила она. «Пятьдесят», предложил я. «Пятьдесят пять», крикнула барышня. И я остался за флагом. «Стойте,—говорю я,—обождите, пока я снесусь со своими доверителями». «Нет, это недопустимо», заявляет она. «Это так принято», говорю я. «Нигде решительно не существует такого обычая», говорит она. «Таково правило вежливости на Соломоновых островах», говорю я.

— И, верьте моему слову, Бернет непременно дал бы мне отсрочку, но она так задорно взглянула на него и так умильно пропела: «Мистер аукционер, потрудитесь утвердить сделку на основании общепринятых правил! У меня много других неотложных дел и не могу же я дожидаться здесь целую ночь, пока эти господа узнают, чего они сами хотят!» При этом она подарила Бернета такою улыбкой, такою, знаете, лукавой, игривой улыбкой, что Бернет, чорт возьми, тут же принялся считать: «Пятьдесят пять соверенов, кто больше?» Раз, два, три, и готово! «За вами мисс ээ... как ваше имя, пожалуйста?» «Джен Лэкленд», ответила она и посмотрела на меня иронически.

Вот так-то она и купила «Марту».

Шелдона даже в жар бросило. «Марту», каково! Ведь эта шхуна получше «Молекулы», и в своем роде, пожалуй, даже лучше всех трех, которые плавают в водах Соломоновых островов. Она хороша именно для вербовки и притом стоит на самом месте, у Малаиты. Но вслед за этим он спохватился: ведь не даром ее продавали с аукциона и всего за полсотню фунтов. Значит, мало же шансов выручить ее.

— Однако, как же это случилось?—спросил он.—Разве они уж так спешили развязаться с «Мартой»?

— Конечно. Ведь вы знаете, какие рифы у Пунга-Пунга. Поднимись на море маленькое волнение, и судно не будет стоить выеденного яйца. А норд-вест не заставит себя долго ждать. Экипаж совсем отказался от нее. Им самим даже и в голову не приходило продавать ее с аукциона. Их подбили на это Морган и Рафф. Они

ведь, знаете, пайщики, у них предприятие на кооперативных началах; от первого до последнего,—и рабочие, и повар,—все они пайщики. Они устроили собрание и постановили продать шхуну с аукциона.

— Но почему же они не остались и не попробовали снять ее с камней?

— Оставаться! Вы хорошо знаете Малаиту. А тем более Пунга-Пунга. Как раз в тех местах разбойники захватили «Шотландских Героев» и перебили всех матросов до одного. И экипажу «Марты» ничего не оставалось делать, как только спустить шлюпку и удрать. «Марта» наскочила на риф у самого входа в бухту и очутилась во власти чернокожих, которые вскарабкались на судно и загнали команду в шлюпки. Я расспрашивал их. Они рассказывали, что их окружили через каких-нибудь полчаса штук двести военных челноков, а до пяти тысяч бушменов сбежалось на берег. Они уверяли, что дым сигнальных костров застилал от глаз Малаиту. Как бы то ни было, но они удрали в Тулаги.

— Но почему же они не отбивались?—спросил Шелдон.

— Конечно, это смешно, но, и то сказать, ведь они были разъединены. Две трети людей, и притом людей безоружных, находилось в шлюпках. Они тащили якорь и не помышляли о нападении дикарей. Они спохватились, когда уже было поздно. Туземцы навалились внезапно. Новички здесь, обыкновенно, попадаются на этом. Ни вас, ни меня и никого из бывалых людей эти дикари не застигли бы врасплох.

— Что же намерена делать мисс Лэкленд?

Капитан Оклэнд ехидно улыбнулся.

— Она, должно быть, собирается выручать «Марту». Иначе, зачем было ей выбрасывать свои пятьдесят пять фунтов? А если снять судно и не удастся, то она постарается, во всяком случае, вернуть свои деньги, забрав с него снасти, лебедки, патентованный руль и другие вещи. По крайней мере, я бы так поступил, будучи на ее месте. Когда я собирался к отъезду, проворная девочка уже зафрахтовала «Эмилию». Мюнстер, шкипер и хозяин этого судна, говорит: «Я отправляюсь вербовать чернокожих». «А сколько вы думаете выручить за этот рейс?» спрашивает она. «О, пятьдесят соверенов», отвечает он. «Хорошо,—говорит она,—поезжайте со мной, и я вам заплачу семьдесят пять». Вы знаете, там валяется за навесом для угля огромный корабельный якорь с цепью. Когда я отплывал, она его сторговала. Ну, и бойкая же эта ваша девица, доложу вам по совести!

— Она мой компаньон,—поправил Шелдон.

— Да, примерная девушка, и какое самообладание! Подумайте только: белая женщина на Малаите и в Пунга-Пунга, и всюду в подобных местах! О, я забыл вам сказать, она выклянчила у Бернета восемь винтовок для своих людей и еще три ящика динамита. Забавно было видеть, как она обходится с этими пройдохами в Гувуту. И как они все около нее увиваются и стараются отличиться друг перед другом любезностью. О, господи, что за создание эта бойкая девушка, это... это ураган, а не человек. Вот именно, ураган. Она налетела на Гувуту и Тулаги, как буря, она вскружила голову всем этим тамошним свиньям. Они все влюблены в нее, кроме Раффа. Он негодует за аукцион и сунул ей в руки свой контракт с Мюнстером, касающийся набора чернокожих. А она поклонилась ему, взглянула мельком на представленную ей бумагу и объяснила, что хотя Мюнстер и обязался доставить всех завербованных им рабочих Моргану и Раффу, но условие не содержит статьи, запрещающей ему зафрахтовать «Эмилию».

«Получите», говорит она ему, возвращая документ. «Бумага отлично составлена. Советую вам только наперед вставлять лишний параграф, который предусматривал бы случайности подобного рода». И, о, господи! она пленила под конец даже и этого выжигу.

— Но вот поднимается бриз,—добавил Оклэнд,—и мне пора отправляться. Прощай, старина! Желаю девице успеха. «Марта»—замечательное судно и вознаградит вас за «Джесси».

ГЛАВА XVII

„Ваша Джен Лэкленд"

Когда на следующее утро Шелдон возвращался с плантации к завтраку, он увидел стоявшее на якоре миссионерское судно «Апостол» и трех матросов, плывших на трех лошадях к берегу. Шелдон догадался, что это лошади правительственного комиссара и что их купила у него Джен. Очевидно, она начинает приводить в исполнение свою угрозу встряхнуть хорошенько всех обывателей Соломоновых островов, и ему пора перестать чему бы то ни было удивляться.

Миссионер доктор Уэлшмир, выйдя на берег и здороваясь с ним, объяснил, что лошадей прислала мисс Лэкленд.

— Вот вам ящик с седлами. Вот письмо от нее. А вот вам и сам шкипер ваш с «Флибберти-Джиббет».

Не успел Шелдон ответить на его приветствие, как из шлюпки вышел сам Ольсон и тотчас же заговорил:

— Она отняла у меня «Флибберти», мистер Шелдон! Мисс Лэкленд отплыла на ней. Это какая-то экстравагантная особа. Своими выходками она довела меня до приступа лихорадки. Кроме того, ведь она напоила меня, и напоила как сапожника.

Доктор Уэлшмир от души расхохотался.

— И, однако, нельзя сказать, чтобы она походила на ведьму. Ведь вы знаете Брамса, Куртаса и Фоулера. Она увезла их на «Флибберти-Джиббет», взявши с них слово не пить.

— Она теперь на «Флибберти» за шкипера,—вставил Ольсон,— и неминуемо пустит судно ко дну; это так же несомненно, как то, что Соломоновы острова созданы не господом-богом.

Доктор Уэлшмир попытался нахмуриться, но не выдержал и снова рассмеялся.

— Ей невозможно ни в чем отказать,—сказал он.—Я пытался отклонить ее просьбу доставить вам лошадей. Говорил, что «Апостол» считается яхтой, что груза я принять не могу и что мне нужно обойти Сэво и дальний конец Гвадалканара. А она твердит все свое: «Возьмите! Взгляните, говорит, на дело проще, по-человечески,

и возьмите, пожалуйста, на борт моих лошадей, а я когда-нибудь отплачу вам услугой за услугу, когда буду плавать на «Марте».

— «Вы делайте, что вам приказывают»,—сказала она мне,— ввернул Ольсон.—«Отныне я являюсь вашим хозяином, и вы обязаны мне во всем подчиняться». Я говорю: «Поймите, я везу груз орехов». А она: «Уберите ваши орехи, мое дело поважнее орехов. Мы их, говорит, выбросим за борт, как только выйдем в открытое море».

Шелдон зажал себе уши руками.

— Я ничего не знаю, а вы рассказываете с конца. Пойдемте ко мне, сядем в тени, и вы мне расскажете все по порядку.

Когда они вошли в дом и уселись, Ольсон опять спросил:

— Верно ли то, что она действительно вошла с вами в компанию? Это прежде всего.

— Да, это так!—сказал Шелдон.

— Хорошо. Но мог ли кто-нибудь этому поверить?—Ольсон растерянно оглянулся на доктора Уэлшмира и опять перевел глаза на Шелдона.—Немало я перевидал всяких диковинок на Соломоновых островах. Видал и крыс длиною в два фута, и мотыльков, на которых охотится с ружьем комиссар, и такие украшения в ушах, от которых отвернулся бы сам сатана, и охотников за головами—таких чернокожих чертей, перед которыми настоящие черти—сущие ангелы. Все это я видел и ко всему этому я пригляделся, но эта ваша девчон...

— Мисс Лэкленд—мой компаньон, и Беранда—наша общая собственность,—остановил его Шелдон.

Расходившийся шкипер смутился.

— Как раз это самое она мне и говорила, но не представляла при этом никаких доказательств, никаких бумаг. Как же мне было знать? А тут еще эти орехи. Целых восемь тонн, имейте в виду!

— Силы небесные! Да расскажите же толком!—пытался прервать его Шелдон.

— А потом она наняла и подпоила трех самых отчаянных негодяев, какие когда-либо позорили Соломоновы острова, да еще посулила им по пятнадцать долларов каждому в месяц. Что вы на это скажете? И уплыла вместе с ними! Фу! Дайте мне выпить! Господин миссионер не посетует. Ведь четверо суток я находился под его неусыпным надзором, и теперь буквально умираю от жажды.

Доктор Уэлшмир кивнул головой в ответ на вопросительный взгляд Шелдона, и Вайсбери послали за виски и за сифонами.

— Из ваших слов я усматриваю одно, капитан Ольсон!—заговорил Шелдон после того, как моряк промочил себе горло.—Мисс Лэкленд укатила на вашем судне? Расскажите же мне все обстоятельно, прошу вас!

— Так! Теперь мне полегчало... Прибыл я на место на «Флибберти». И не успел еще отдать якорь, как, вижу, стоит она в вельботе с этими своими таитянами—с верзилой Адаму-Адамом и другими. «Не отдавайте якоря, капитан!» пропела она. «Вам предстоит отправиться в Пунга-Пунга». Я подумал, уж не пьяна ли она? Ну, что же другое мог я подумать? В это время, спустив передние паруса, я обходил мель—самое опасное место. «Простите, мисс Лэкленд!» крикнул я ей, и приказал: «Отдай!»

— Перебравшись на «Флибберти», она преспокойно говорит мне: «Ну, что же! Вы не послушались, и только задали себе лишнюю работу—тут, знаете ли, не меньше пятнадцати сажен глубины. Распорядитесь сейчас же поднять якорь!» Между нами пошли пререкания. Я ей не верил. Я не мог допустить мысли, что она ваш компаньон. Я ей это сказал и потребовал доказательств. Тут она заговорила со со мной так высокомерно, что я вынужден был поставить ей на вид, что гожусь ей в дедушки и не привык выслушивать дерзостей, да еще от такого цыпленка. Я предложил ей сойти с «Флибберти». Тогда она переменила тактику и заговорила таким, знаете, сладеньким голоском: «Капитан Ольсон, у меня на «Эмилии» превосходное виски. Не хотите ли попробовать? Поверьте, я задержу вас не более, как на несколько минут. Мне бы надо с вами посоветоваться относительно застрявшего на рифах судна. Всем известно, что вы настоящий морской волк». Так и сказала, знаете ли, «морской волк»! Ну, я и поддался, и пересел на ее вельбот. У руля стоял Адаму-Адам со своей похоронной рожей. По дороге она все распространялась о «Марте», о том, как она ее сторговала, потом как она на ней собирается плавать. Объявила мне, что зафрахтовала «Эмилию» и что хотела бы отплыть вместе с «Флибберти». Соображения ее мне показались довольно основательными, и я согласился отправиться в Беранду, чтобы с вашего разрешения итти в Пунга-Пунга. А она говорит мне на это, что время дорого: надо плыть прямо в Пунга-Пунга, и что если я не поверю ей на слово, что она ваш компаньон, то она обойдется и без меня и без «Флибберти». Тут-то она и одурачила меня. Трое завзятых пьяниц—Фоулер, Куртас и прощалыга Брамс—уже восседали в каюте «Эмилии». «Давайте-ка выпьем!»—говорит она и достает из шкапчика бутылку виски. Чернокожий побежал за стаканами, а господа эти переглянулись между собой, как будто несколько удивленные. Но, очевидно, они были уже предупреждены, и вели свою линию. «Извините», сказала она, «я отлучусь на минутку. Мне надо распорядиться на палубе». А минутка эта продолжалась с добрых полчаса. Перед тем за целую неделю у меня не было во рту ни росинки. Человек я, знаете, старый, да еще от лихорадки совсем ослабел. Выпил я натощак, подзадариваемый этими тремя забулдыгами, которые старались

убедить меня всячески вести «Флибберти» на Пунга-Пунга и сбить меня с толку. Беда в том, что аргументы свои они подкрепляли выпивкой, а я, можно сказать, человек непьющий и притом, знаете, очень уж ослабел от лихорадки. Как бы то ни было, но только через полчаса она возвратилась к нам и все на меня, знаете ли, этак поглядывает. «Ну, теперь хватит!» помнится, сказала она, убирая со стола бутылки. «Больше вы от меня не получите,—объявила она этим трем забулдыгам,—до тех пор, пока вы не выручите «Марту» и не вернетесь в Гувуту!» Да и засмеялась. Потом этак пристально поглядела на меня и говорит,—не мне, понимаете, а этим пьяницам: «Пора, говорит, этому почтенному джентльмену на берег». Это я-то почтенный! «Фоулер...»—и даже не мистер, изволите видеть, а просто Фоулер.—«Фоулер», говорит, «велите Адаму-Адаму приготовить вельбот, и пусть он свезет капитана Ольсона на берег, а я отправлюсь в шлюпку на «Флибберти». Вы все трое поедете со мной. Собирайте пожитки! Один из вас, который получше, будет за штурмана! У капитана Ольсона, как вы знаете, штурмана нет».

Я почти совершенно не помню, что было потом. Кажется, меня спустили на руках в вельбот, и я клевал носом, сидя на офицерском месте под присмотром этого чорта, рулевого Адаму. Вдруг очнулся и вижу, что на «Флибберти» поднимают паруса. Загремела якорная цепь. «Скорей на «Флибберти!», кричу я Адаму. А он мне на это: «Мой, говорит, вас повез на берег. Мисс Лэкленд, говорит, сказала: берег для вас очень хорош». Я вскочил, заорал, ухватился за руль, т.-е., как видите, сделал все, что возможно. Но этот проклятый Адаму повалил меня, придавил одной ногой и продолжал себе править к берегу, как ни в чем не бывало. Вот и все. От всего этого меня стала трепать лихорадка. А теперь мне крайне интересно узнать, кто же, в конце концов, шкипер на «Флибберти»—я или эта птичка со своими оголтелыми дикарями-разбойниками?

— Ничего, капитан! Пусть это вам будет отпуск с сохранением содержания,—Шелдон говорил спокойно, не выдавая овладевшего им волнения.

— Если мисс Лэкленд, которая состоит моим компаньоном, нашла нужным взять на свою ответственность «Флибберти-Джиббет», значит, так и надо. Ведь вы сами хорошо понимаете, что нельзя же было терять драгоценного времени, если она хотела спасти «Марту». Эти рифы очень опасны, и при первом волнении судно разнесло бы в щепы. Оставайтесь пока у меня, капитан, отдохните как следует, попробуйте справиться с вашей лихорадкой. А как только возвратится «Флибберти-Джиббет», вы опять будете на ней шкипером.

И только после того, как доктор Уэлшмир отплыл на «Апостоле», а капитан Ольсон уснул в гамаке на веранде, Шелдон вскрыл и стал читать письмо Джен:

«Дорогой мистер Шелдон! Надеюсь, вы простите меня за похищение «Флибберти-Джиббет». Это как-то вышло само собой. Вы понимаете, как важно для нас выручить «Марту». Ведь она стоит всего только 55 фунтов, т.-е. 275 долларов. Если даже мы ее и не снимем, то, во всяком случае, легко можно будет вернуть все затраты, забрав с нее все, что еще не успели растащить туземцы. А вдруг я ее спасу? Представьте себе! В противном случае я привезу на «Эмилии» и «Флибберти-Джиббет» необходимых для Беранды рабочих. Очень, очень прошу не сердиться на меня, ведь вот вы просили не вербовать на «Флибберти», я этого и не делаю, а зафрахтовала «Эмилию». У Сэма Виллиса, сотоварища умершего от лихорадки в Ноги торгового агента, я купила нынче двух коров. Он согласился доставить их сюда на «Минерве», и, наверное, они скоро прибудут. Уж чересчур долго Беранда пробавлялась одним сгущенным молоком.

А доктор Уэлшмир обещал мне раздобыть и привезти вам на «Апостоле» несколько апельсинных и лимонных деревцов. Они культивируются миссионерами на Юлаве. Из Сиднея на пароходе вам доставят маис. Если пароход опередит меня, то посадите маис на высоком берегу Бейльсуны, между молодыми саженцами. Имейте в виду, что там вода подмывает берег, и надо поразмыслить о том, как бы его укрепить. Я выписала из Сиднея несколько фиговых деревьев и манго. Манго—огромные деревья, и потому семена их следует рассаживать на порядочном расстоянии друг от друга. Подъемная сила «Марты»—сто десять тонн. Это одно из лучших, если не самое лучшее судно на Соломоновых островах. Я уже немного с ней ознакомилась и догадываюсь об остальном. Ход замечательный. Виноват машинист, который начал проделывать то, что делается, обыкновенно, или в порту или в открытом море: чтобы прочистить трубы, он закрыл их; машина перестала работать, и только поэтому судно налетело на камни. Машина, если только ее не залило совсем водой, должна быть в порядке. Все деревья сажайте внутри ограды; возможно, что потом придется из-за них удалить некоторые пальмы. Кукурузу же не сейте всю сразу, а постепенно, в несколько дней.

Ваша Джен Лэкленд».

Держа письмо в руках, он как-то невольно долго и пристально присматривался к почерку. Какой удивительно четкий и вместе с тем характерный мальчишеский почерк! Этот почерк напомнил ему лицо Джен: тонкие брови, прямой, точеный носик, губки, резко, но

изящно очерченные, шейка,—не очень нежная и не очень сильная, великолепная подставка для такой красивой вещицы, как ее головка,—и он долго всматривался в ее подпись—Ваша Джен Лэкленд. Сколько таится в этих немногих буквах чего-то волнующего, чарующего. Имя это так внедрилось в его сознание и так сплелось со всеми его помыслами, что в настоящую минуту эта подпись, нацарапанная ее рукой, казалась для него чем-то бесконечно дорогим. Эти несколько самых обыкновенных букв тронули его и заставили ощутить в сердце щемящую и в то же время сладкую пустоту. Джен Лэкленд! При каждом взгляде на эту подпись она вставала в его воображении такою, какой он ее видел в разные моменты ее повседневной жизни. Вот она выходит на берег во время бури, которая разбила ее шхуну; вот садится в вельбот, отправляясь на рыбную ловлю; вот она возвращается бегом с морского купанья, чтобы поскорей обмыть себе голову пресной водой. Волосы развеваются, одежда прилипла к телу. То разгоняет восемьдесят человек людоедов, напугав их пустой бутылкой из-под хлородина; то учит Орифайри делать хлеб; то вешает на стенку свою Стэтсоновскую шляпу и пояс с револьвером; то отдается мечтам о приобретении «собственного очага и седла» или о разных романтических приключениях... Лицо разгорается, глаза блестят. Джен Лэкленд! О, какое это великое чувство—любовь! Он сочувствовал тем влюбленным, которые вырезывают на дереве или выводят на песке дорогое для них имя.

Но вдруг он очнулся и возвратился к трезвой действительности. Он вспомнил, что в настоящий момент она подвергается большой опасности, находясь в Пунга-Пунга, в самой дикой местности Малаиты, где живут и скрываются всякие разбойники, убийцы и головорезы.

Встрепенувшись, он хотел, было, сейчас же сесть в вельбот со своими людьми и отправиться в Пунга-Пунга. Но, подумав немного, он отказался от этого своего намерения. Ну, что он будет там делать? Прежде всего она рассердится на него, потом расхохочется и назовет его дураком. Он может прибавить только одну лишнюю винтовку, а у нее их и без того довольно. Прибыв на место действия, он может, во-первых, приказать ей вернуться; во-вторых, отобрать у нее «Флибберти-Джиббет» и, наконец, в-третьих, расторгнуть товарищеский договор. Но и то, и другое, и третье в одинаковой степени бесполезно и глупо. Она просто-напросто оборвет его и поставит ему на вид, что, будучи совершеннолетней, никому не обязана отдавать отчета в своем поведении и никому не позволит собой распоряжаться. Нет, это несовместимо с его достоинством. Дело другое, если бы она просила его оказать ей содействие, подать руку помощи. О, как бы

он был тогда бесконечно счастлив! А сам он ни за что не поедет в Пунга-Пунга. «Подать руку помощи»,—ведь это ее собственные слова, он их как будто слышит.

Своенравный характер девушки заставлял его часто страдать. Он возмущался при одной мысли о том, как она там толкалась в Гувуту среди всех этих пьяниц, спекулянтов и праздношатающихся. Это было бы неприятно всякому порядочному мужчине, а ей, молодой девушке, почти ребенку,—и вдруг очутиться в такой среде!.. Нет, это ужасно! Похищение «Флибберти-Джиббет» само по себе довольно забавное приключение, но приемы, пущенные ею при этом в ход, сильно шокировали его. Он утешался лишь тем, что Ольссна накачивала она не собственноручно, а возложила эту задачу на тех мерзавцев. И тут же перед его глазами встала другая картина: она одна с этими самыми тремя мерзавцами темною ночью выходит из Гувуту в море на своей «Эмилии». Вслед за этим он опять успокоился, вспомнив бравую таитянскую команду с Адаму-Адамом и Ноа-Ноа во главе. Но минутное успокоение опять сменилось возмущением при мысли о том, что она способна на такие дикие выходки, и он, до-нельзя раздраженный, вошел к себе в дом. Когда он увидел вешалку, на которой обыкновенно висела ее Стэтсоновская шляпа и поясок с револьвером, им овладело вдруг страстное желание увидеть вновь эти милые, знакомые предметы на обычном месте.

ГЛАВА XVIII

Книга говорит правду

Прошло несколько спокойных дней. Необычайная для Беранды полоса частых посещений ее различными судами миновала, и она опять впала в прежнее свое одиночество. Шелдон погрузился в свои хозяйственные дела: он следил за работами, расчищал заросли, сажал кокосовые пальмы, сушил копру, строил мост и разъезжал верхом на присланных Джен лошадях. О самой Джен не было ни слуху, ни духу. Суда, производившие вербовку на Малаите, не заглядывали в Пунга-Пунга, и только однажды на закате солнца к Беранде подошел самоанский вербовщик Клэнсмен. Шкипер его зашел к Шелдону поболтать, и рассказал ему, что среди туземцев Спо носятся слухи о стычке, происшедшей в Пунга-Пунга. Но полагаться на это известие трудно, ибо слухи эти, прежде чем дойти сюда, должны были обойти сперва целый большой остров.

Пароход «Каммамбо», возвращавшийся из Сиднея, прервал спокойствие Беранды всего только на один час. Он выгрузил почту, припасы, а также деревья и семена, выписанные Джен.

«Минерва», шедшая на мыс Марей, доставила двух коров из Ноги; а «Апостол», спешивший в Тулаги, чтобы перехватить сиднейский пароход, отрядил на берег шлюпку с апельсинными и лимонными саженцами из Юлавы. В течение этих нескольких недель все время стояла прекрасная погода.

Под конец выпало несколько дней полнейшего штиля, и только легкий ветерок порой морщил зеркальную поверхность моря. Впрочем, береговые бризы регулярно поднимались по вечерам, и случайно проходившие мимо катеры и кетчи спешили воспользоваться ими и не минуя Беранду.

Наконец, задул давно ожидаемый норд-вест. В течение восьми дней он положительно свирепствовал. Время от времени он только слегка изменял направление и немного затихал, а потом опять принимался бушевать с удвоенной силой.

Шелдон принял все необходимые меры предосторожности для защиты построек от бурно разлившейся Бейльсуны и послал всех своих

рабочих отстаивать наиболее угрожаемую часть берега, относительно которой его предупреждала Джен.

Когда миновали ненастные дни, Шелдон поставил своих рабочих на обычные полевые работы, а сам оседлал коня и поехал охотиться на голубей. Не успел он провести и двух часов на охоте, как к нему прибежал запыхавшийся слуга с известием, что прибыли «Марта», «Флибберти» и «Эмилия». Они уже становятся на якорь.

Подъезжая к усадьбе с задней стороны ограды, Шелдон не мог ничего увидеть, пока не завернул за угол дома. Потом он увидел все сразу: блеск моря, огромный корпус «Марты», возвышавшийся над стоявшими рядом с нею катером и кетчем, которым «Марта» обязана была своим спасением, и, наконец, двор перед верандой и на нем толпу вновь доставленных людоедов. Заметив, что на них были новые белоснежные пояса, Шелдон понял, что все они—вновь завербованные рабочие. Последний, которого вызвали по списку, всходил на ступеньки веранды. Он узнал голос Джен, и приостановил свою лошадь. Джен сидела за столом наверху в обществе Мюнстера и его белого штурмана. Они втроем проверяли список. Джен вызывала чернокожих, задавала им вопросы и записывала ответы в толстую конторскую книгу.

— Имя?—вопрошала она чернокожего, стоявшего на ступеньках.

— Тэгари,—отвечал дикарь, тараща глаза и раздвигая рот до ушей.

Первый раз в жизни он видел дом белого человека.

— Откуда?

— Бэнгура.

Никем еще не замеченный, Шелдон продолжал наблюдать эту сцену. Показания чернокожего расходились с отметками в списках, но Мюнстер выяснил недоразумение и положил конец возникшему было спору.

— Бэнгура?—сказал он.—Это маленькая коса у входа в залив Лэтта. В списке он отнесен к туземцам Лэтты. Смотрите, тут так и записано: Тэгари, Лэтта.

— Куда пойдешь, когда отслужишь срок у белого мастера?—спросила Джен.

— Бэнгура,—ответил тот, и Джен занесла его в книгу.

— Огу!—вызвала Джен.

Тэгари отошел в сторону, и другой дикарь занял его место. Но Тэгари еще не успел сойти с последней ступеньки, как заметил Шелдона. Он впервые видел лошадь и, взвизгнув от ужаса, повернул назад и, как полоумный, бросился опять вверх по ступенькам. В ту же секунду и вся толпа чернокожих отшатнулась от страшного всадника.

Слуги со смехом стали уговаривать их не бояться, и чернокожие новобранцы мало-по-малу успокоились. Панический страх уступил место любопытству. Они жались друг к другу, разглядывая издали невиданное дотоле страшилище.

— Алло!—крикнула Джен.—Что это вы вздумали пугать моих новых рабочих? Идите сюда!

— Ну, как вам нравятся эти молодцы?—спросила она, пожимая ему руку.

— И как вам нравится вот это?—добавила она, указывая рукою на «Марту».—Я уже думала, что вы сбежали с плантации, и сама собиралась отправлять этих негров в бараки. Красавчики, а? Взгляните вон на того, с расплющенным носом. Изо всей партии он только один не из Пунга-Пунга; а они уверяли, что с Пунга-Пунга никого не заманишь. Полюбуйтесь же на них и поздравьте меня. Среди них нет ни одного малыша или подростка. Они все до единого взрослые люди. У меня много набралось чего вам рассказать, но не знаю, с чего начать, да и не хочу начинать, пока мы не кончим нашего дела и пока не услышу от вас, что вы не сердитесь на меня.

— Огу, ты откуда?—продолжала она свою перекличку.

Но Огу был совсем дикий бушмен, не понимавший почти ни слова из универсального английского жаргона, и окружавшие его сотоварищи всячески старались втолковать ему суть дела.

— Таких у нас не более двух или трех,—сказала Джен Шелдону.—Ну, вот мы и покончили с ними! А вы все еще не ответили мне на вопрос: вы сердитесь на меня или нет?

Шелдон посмотрел в ее глаза. Светлый холодный блеск этих глаз угрожал принять вызывающее выражение. А он смотрел на нее и думал о том, что ему никогда и в голову не приходило, что он так обрадуется ее возвращению.

— Я сердился,—сказал он, пытаясь придать своему лицу суровость.—Я и до сих пор сержусь на вас, очень сержусь!—Тут он заметил, что в ее глазах забегали подозрительные огоньки, и вздрогнул.—Но я простил вам, я все вам прощаю. Хотя все же полагаю...

— Что мне нужна старая нянька,—перебила она его.—Но этого вы никогда не добьетесь. Слава богу, я совершеннолетняя и в праве вести дела по своему усмотрению. Но вернемся к делу: как вам нравятся мои американские приемы быстроты и натиска?

— Мистер Рафф, насколько я слышал, не очарован ими,—уклончиво ответил Шелдон.—Во всяком случае, вы задали им встряску. Но любопытно знать, однако, многим ли американцам удается столь же успешно вершить дела, как вам?

— Счастливая случайность. Мне просто повезло,—скромно пояснила Джен. Но в то же время глаза ее заблестели от удовольствия,

и он понял, что его деликатная похвала необыкновенно польстила ее мальчишескому тщеславию.

— Да, повезло, нечего сказать!—отозвался долговязый штурман Спэррохоук, с лицом, просиявшим от восхищения.—Признаться, пришлось нам попотеть. Не даром достались нам денежки. Она просто нас замучила работой. А тут еще напала на нас лихорадка. Но она не поддалась лихорадке и все нас подбадривала. Право слово, она истый рабовладелец: «Понатужьтесь еще немножко, пожалуйста, мистер Спэррохоук, и после того ложитесь себе в постель хоть на целую неделю»,—подъезжает она ко мне, а я шатаюсь, как полумертвый, и в глазах у меня желто-зеленые огоньки, а голова, как котел. Что с меня взять? Но я все-таки крепился, честное и благородное слово, и исполнял кое-как ее просьбу. «Еще одно маленькое усилие, мистер Спэррохоук, еще маленькое»,—приставала она опять. Можете себе представить, она каким-то чудом даже старого Кипа-Кипа заставила себя полюбить. Провались я на этом месте!

Он укоризненно покачал головой и засмеялся тихим смешком, как будто в горле у него что-то заклокотало.

— Он дряхлее и безобразнее самого Теленасса,—заметила Джен, обращаясь к Шелдону,—и, я уверена, еще гораздо зловреднее, нежели тот. Но пора покончить со списками.

Она обратилась к чернокожему, остановившемуся на ступеньках.

— Огу, кончишь срок у мастера, у белого человека, пойдешь в Нот-Нот. Ну-ка, Тэнгари, растолкуй этому фелла Огу: когда выйдет срок, он отправится в Нот-Нот. Записали мистер Мюнстер?

— Однако, вы поступили противозаконно,—сказал Шелдон, когда новобранцев-негров отвели в бараки.—Таким судам, как «Флибберти» и «Эмилия», не разрешается вербовать столь большое количество дикарей—целых полтораста человек. Как мог это допустить Бернет?

— Он их всех пропустил, уверяю вас,—ответила она.—Не обошлось, разумеется, без некоторых пререканий. Капитан Мюнстер расскажет вам, как было дело. А я побегу умываться. Прибыли мои заказы из Сиднея?

— Ваши вещи у вас,—сказал Шелдон.—Поторопитесь, пожалуйста, завтрак уже на столе! Отдайте мне вашу шляпу и кольт. Позвольте, пожалуйста. Я знаю, куда их надо повесить.

Она обожгла его испытующим взором, в котором как будто промелькнуло на этот раз нечто женственное, и вздохнула с облегчением, снимая с себя и опуская ему на руки свой тяжелый кольт.

— Кажется, я больше никогда не захочу таскать на себе револьвер,—пожаловалась она.—Он мне надоел до смерти. Я и не воображала, что он может до такой степени мне наскучить!

Шелдон проводил ее глазами до нижней ступеньки лестницы; тут она обернулась и прокричала ему:

— О, если б вы только знали, как приятно вернуться к себе домой.

И в то время, как он задумчиво смотрел ей вслед, ему внезапно пришла в голову поразившая его мысль, что Беранда и эта маленькая соломенная беседка, куда она пробирается через двор усадьбы, являются единственным в мире местом, где она может чувствовать себя вполне «дома».

— А Бернет говорит: «Извините, говорит, мисс Лэкленд, но будь я проклят, если вы не нарушили правил вербовки; впрочем, вы, разумеется, сделали это не предумышленно».

Капитан Мюнстер рассказывал, как было дело. Они сидели с Шелдоном, потягивая виски, и поджидали Джен.

— А она говорит ему: «Мистер Бернет! Разве существует закон, запрещающий снимать пассажиров с корабля, засевшего на рифах?»

— «Но этот закон не имеет никакого отношения к данному случаю», говорит он. «Очень даже имеет,—возражает она,—зарубите себе это на носу и пропустите моих рабочих. Вы можете донести на меня главному комиссару. Но здесь целых три судна ожидают вашего пропуска, и если вы их долго продержите, то главному комиссару будет также послано вслед и другое донесение».

— «Ответственность ляжет на вас, капитан Мюнстер», обращается он ко мне, доведенный до белого каления. «Отнюдь нет,—говорит она; «Эмилия» зафрахтована мною, и капитан Мюнстер действует по моему распоряжению».

— Что тут прикажете делать? Бернет взял да и пропустил всех полтораста человек, хотя «Эмилия» имела право принять не более сорока, а «Флибберти-Джиббет»—не более тридцати пяти.

— Но я все-таки не понимаю,—сказал Шелдон.

— Вот как она обработала все это дело: когда «Марту» сняли с камней, нам пришлось подвести ее ближе к берегу у входа в залив, и пока производился ремонт, пока налаживали новый руль, ставили паруса, отбирали у негров разграбленные части, мисс Лэкленд поручила Спэррохоуку отправиться на «Флибберти» вместе с Куртасом, отрядила ко мне Брамса взамен Спэррохоука, и мы отправились на двух судах вербовать дикарей. Негры охотно нанимались, честное слово! Это непочатый угол. После неудачи «Шотландских Героев» никто не решался заглядывать в эти места для набора; а мы там нагнали такого страха, что негры на всем побережье присмирели, как овцы. Набрав полную партию, мы вернулись назад поглядеть, как идет дело с «Мартой».

— И собрались уже возвращаться с ними восвояси,—ввернул Спэррохоук,—но не тут-то было! Мисс Лэкленд и этого было мало. «Я их возьму на «Марту», говорит она, «а вы езжайте обратно и наберите еще столько же».

— Но я объяснил ей, что это невозможно,—продолжал рассказывать Мюнстер.—Я объяснил ей, что у «Марты» нет необходимого свидетельства на право вербовки. «О», сказала она, «так этого нельзя сделать?» и впала в непродолжительное раздумье.

— Я уже знаю, чего надо ждать, когда она этак задумывается,—вскричал Спэррохоук,—значит, дело выгорит наверняка.

Мюнстер закурил папиросу и начал рассказывать дальше.

— «Посмотрите в ту сторону», говорит она мне. «Эту отмель, там, где легкая рябь, огибают встречные течения. Видите, вот там, где вздымаются белые барашки? Погода хорошая и наступает штиль. Устройте так, чтобы оба ваши судна немного задели друг друга. Стоит только во-время не повернуть, и течение отнесет вас обоих помаленьку на мель».

— «Волнение там такое ничтожное, что вы отделаетесь, вероятно, одной—двумя царапинами медной обшивки. А я подберу ваших чернокожих и увезу их отсюда; ведь просто, не правда ли?» говорит она,—продолжал Мюнстер.—«Один прилив вы переждете, а следующий будет посильнее, и вы снимитесь с мели и отправитесь вербовать новую партию. Нет такого закона, который запрещал бы вербовать свободным судам». «Но они подохнут с голоду!» возразил я. «Ведь вы же знаете сами, что у нас не осталось припасов на борту, да и на «Марте» тоже ни крошки».

— Мы уже и без того кормились все время только тем, что доставали на берегу у туземцев,—сказал Спэррохоук.

— «Не сокрушайтесь на счет припасов, капитан Мюнстер», говорит она. «Если я сумею прокормить восемьдесят четыре рта па «Марте», то, без сомнения, вы тоже ухитритесь как-нибудь достать съестного, располагая двумя судами. Итак, поспешите, пока не поднялся бриз, а то наш маневр не удастся. Как только вы столкнетесь друг с другом, я вышлю к вам шлюпку. В добрый час, господа!»

— И мы послушались и все так и сделали,—промолвил торжественно Спэррохоук, и вновь разразился клокочущим смехом.—Мы пошли правым галсом, и я прижал «Эмилию» к отмели. «Отходи!», заорал капитан Мюнстер, «отходи же, такой сякой!» Он стал ругаться на чем свет стоит. Но я не обращал никакого внимания на его любезные окрики и не повернул оверштаг; само собой разумеется, «Флибберти» сдрейфила и задела «Эмилию», после чего нас обоих отнесло к берегу и мы преспокойно уселись на мель, как за

стол. Мисс Лэкленд переправила на «Марту» своих новобранцев, и трюк наш удался как нельзя лучше.

— Но где же она была, когда поднялся норд-вест?—спросил Шелдон.

— В Пунга-Пунга. Она укрылась туда, когда он начался, и провела там целую неделю, выторговывая у негров съестные припасы. Когда мы пришли в Тулаги, она была уже там и отчаянно препиралась с Бернетом. Уверяю вас, мистер Шелдон, эта барышня—просто чудо, дивная барышня, да и только!

Мюнстер снова наполнил стакан, а Шелдон поглядывал с нетерпением в сторону соломенной хижины, ожидая увидеть Джеп. Спэррохоук возобновил прерванный рассказ.

— Решительная особа! Таких отважных к нам на Соломоновы острова еще ни разу не заносило ни женщин, ни мужчин. Посмотрели бы вы, что творилось в Пунга-Пунга в то прекрасное утро, когда мы туда показались. Спайдеры палили с берега из-за маисовых деревьев, в лесу воинственно гремели какие-то барабаны и со всех сторон поднимались сигнальные дымки. «Всех взбаламутила», говорит капитан Мюнстер.

— Да, я это сказал,—подтвердил почтенный моряк.—Они, в самом деле, все поднялись. Это было и видно и слышно.

— «Вы похожи на старую бабу», говорит она ему,—засмеялся Спэррохоук.—«Мы еще не доехали, а уже вы на попятный. Бросьте якорь сначала, а потом можете куда-нибудь спрятаться».

— Можете себе представить, она так и сказала мне,—поддакнул Мюнстер.—Я, разумеется, взбесился и махнул рукой на все: будь что будет! Мы пытались выслать шлюпку на берег для переговоров, но по ней дали залп. Да и все время они продолжали палить в нас из-за манговых деревьев.

— Мы стояли от них на расстоянии не более четверти мили,—перебил Спэррохоук,—и нам, чорт возьми, пришлось очень солоно. «Не отвечайте им, покуда не полезут на абордаж», приказала мисс Лэкленд; но черномазые черти не лезли на абордаж. Они залегли в кустах и осыпали нас пулями. Вечером мы держали военный совет в каюте «Флибберти». «Нам нужно заложника», сказала мисс Лэкленд, «вот что нам нужно!»

— «Так пишут в книжках», сказал я, рассчитывая поднять ее насмех,—вставил Мюнстер.—«Верно», говорит она, «а разве вы не знаете, что книги часто говорят правду?» Я кивнул в ответ головой. «Так поучитесь, ваше время еще не ушло», говорит она. «Я знаю только одно», говорю я, «это то, что от меня останется только мокрое место, если вы меня пошлете ночью ловить негров на этом пагубном берегу».

— Вы выразились не так; вы сказали: «Будь я проклят, если я пойду красть негров»,—поправил его Спэррохоук.

— Ну да, но я так ведь и думал!

— «Никто вас и не посылает на берег», подхватила она,— ухмыльнулся Спэррохоук.—И прибавила кое-что еще почище этого. Она сказала: «А если вы куда-нибудь затеете высадиться без моего приказания, то вам за это достанется, понимаете, капитан?»

— Да кто же, чорт подери, будет рассказывать, вы или я?—обозлился сконфуженный шкипер.

— Так ведь она же именно так и сказала; разве я лгу?—настаивал неугомонный штурман.

— Ну, сказала, так что же? Но уж если на то пошло, так вы расскажите и про то, что она и вам залепила, когда вы отказывались от набора в Пунга-Пунга хотя бы за двойное жалование!

Загорелое, бронзовое лицо Спэррохоука заметно побагровело, хотя он всячески старался скрыть свое смущение разными гримасами, ужимками и клокочущим смехом.

— Продолжайте, продолжайте,—торопил рассказчика Шелдон, и Мюнстер стал рассказывать дальше:

— «Нам нужно действовать смело», говорит она, «иначе мы с ними ничего не поделаем; мы с самого начала должны проявить решительность. Я высажусь ночью на берег и притащу к вам на борт самого Кипа-Кипа, и не буду вызывать охотников на это дело, потому что я уже придумала, кому что надо делать. С собой я возьму своих матросов и одного белого». «Разумеется, вы возьмете с собой меня», сказал я, так как опять совсем очумел и до того разошелся, что готов был сойти в преисподнюю. «Ну, нет», говорит она, «вовсе это не разумеется. Вы отправитесь на шлюпке для прикрытия отступления. Куртас будет стоять в лодке у берега. Со мной пойдет Фоулер. Брамс возьмет команду на «Флибберти», а Спэррохоук на «Эмилии». Мы отправимся после полуночи».

— Невесело, признаюсь, мне было сидеть в этой шлюпке, предназначенной для прикрытия. Никогда я не думал, что мне придется ввязаться в такое щекотливое дело и очутиться в таком гнусном положении. Мы остановились саженях в сорока с лишком от берега и следили за пробиравшейся к самому берегу лодкой. За мангровыми деревьями стояла густая тьма и ничего не было видно. Вы помните, Шелдон, этого маленького негра, похожего на мартышку, который служил на «Флибберти» поваром? Так вот этот самый повар лет двадцать тому назад служил лакеем на «Шотландских Героях», а после того как этих «Героев» растащили, он попал в плен и был долго рабом в Пунга-Пунга. Мисс Лэкленд пронюхала эту историю

и взяла его с собой в качестве проводника. За это она ему посулила пол-ящика табаку.

— И напугала его до смерти, пока уговорила ехать с нею,— заметил Спэррохоук.

— Да, я никогда в своей жизни не видел ничего чернее этих манговых деревьев. Я всматривался в них так пристально, что глаза мои чуть не лопнули. Потом я глядел на звезды и прислушивался к шуму прибоя. И вдруг слышу собачий лай. Помните эту собачку, Спэррохоук? Я чуть не умер от разрыва сердца, когда это животное в первый раз тявкнуло. Значит, лаяла не на наших. После этого водворилась мертвая тишина, манговые великаны как будто еще больше почернели, и я с трудом удерживался от искушения перекликнуться с Куртасом, стоявшим в лодке у самого берега, чтобы осязательно убедиться, что я не один изо всех наших белых остался в живых.

И вдруг поднялся ужасный гвалт. Этого надо было ожидать, к этому надо было быть готовым; и все-таки я содрогнулся. Такого дикого концерта, раздирающих душу воплей и визгов я в жизни своей не слыхал. Негры, видимо, бросились врассыпную в кусты, а верные таитяне палили в воздух, драли горло и разгоняли перепуганных негров, как зайцев. После этого сразу опять наступила неожиданная тишина, прерываемая писком покинутых ребятишек, заблудившихся в зарослях и жалобно призывавших своих матерей.

Наконец, я услышал шум раздвигаемых зарослей, стук весла о планшир, смех мисс Лэкленд, и понял, что все сошло благополучно. Мы отошли от берега без единого выстрела. И, клянусь честью, она доказала, что книги говорят правду, ибо на нашем судне очутился не кто другой, как старикашка Кипа-Кипа, которого мы без всяких церемоний переправили через борт. Он дрожал, как осиновый лист, и щелкал зубами, как перепуганная обезьяна. После этого наше дело пошло на лад. Слово Кипа-Кипа было для дикарей законом, а он нас боялся до смерти. Пока мы стояли в Пунга-Пунга, он все время оставался у нас в плену и отдавал своим подданным распоряжения.

Этот удачный маневр оказался полезным и в других отношениях. Мисс Лэкленд заставила Кипа-Кипа приказать дикарям, чтобы они возвратили нам все корабельные принадлежности, снятые с «Марты». Каждый день они доставляли разные вещи: компас, блоки и тали, паруса, канатные бухты, медикаменты, сигнальные флаги, словом, все, кроме съестных припасов и консервов, которые они уже того... сожрали. Разумеется, для поощрения она им всем раздавала пачки табаку.

— Да, да,—вставил Спэррохоук,—она подарила этим бродягам штуку коленкора за нижний парус грот-мачты [1]), два ящика табаку за хронометр, финский нож (стоящий одиннадцать с половиною пенсов) за девяносто саженей пятидюймового тросса. Все это она достала потому, что имела в руках этого старикашку Кипа-Кипа. А вот и она сама!

Шелдон обомлел от удивления, увидев перед собою совершенно преобразившуюся Джен. Пока тянулся рассказ о ее похождениях на Пунга-Пунга, он все время представлял ее себе, как всегда, плохо одетой, в платье, сшитом из оконных занавесок, в рубашке мужского фасона вместо кофточки, в соломенных сандалиях, в Стэтсоновской шляпе и с неизбежным револьвером у пояса. Готовое платье, выписанное из Сиднея, совершенно преобразило ее. Простенькая юбка и кофточка из легкой материи придавали ее стройной фигурке элегантный, чисто женственный вид, дотоле ему незнакомый. Ему бросились в глаза также цветные туфли и ажурные чулки, когда он смотрел на нее, проходившую через двор. Необычайный для нее наряд придал ей вид настоящей женщины, и ее дикие приключения, как будто из «Тысячи и одной ночи», показались ему вдвойне чудесными.

Он заметил, когда они пошли завтракать, что Мюнстер и Спэррохоук были поражены не менее его самого ее видом и раскрыли рты от удивления. Они перестали обращаться с ней запросто, по-товарищески, и как будто сразу прониклись глубочайшим почтением и уважением к ее особе.

— Я открыла новое место для вербовки,—сказала она, принимаясь разливать кофе.—Старик Кипа-Кипа, я уверена, никогда меня не забудет, и отныне я имею возможность сколько угодно вербовать там рабочих, когда захочу. В Гувуту я виделась с Морганом. Он готов заключить контракт на доставку тысячи рабочих по сорока шиллингов с головы. Говорила я вам или нет, что получила разрешение вербовать чернокожих на «Марте»? Я выправила свидетельство, дающее мне право набирать по восьмидесяти чернокожих в каждую поездку на «Марте».

Шелдон с горечью улыбнулся. Изящная женщина в европейском костюме куда-то исчезла, и вместо нее перед ним очутился опять своенравный, авантюристически настроенный мальчик.

---

[1]) Грот-мачта — вторая от носа корабля мачта (главная).

ГЛАВА XIX

Потерянная игрушка

— Хороши вы, нечего сказать!—вздохнула Джен,—я демонстрирую перед вами усовершенствованные американские методы, которые оказываются удачными и приводят к осязательным результатам, а вы попрежнему хандрите.

Прошло пять дней со времени ее возвращения. Джен и Шелдон стояли на веранде и смотрели на «Марту», отходившую от берега. В продолжение этих пяти дней Джен ничем ни разу не выказала своего задушевного желания, но Шелдон, который в данном случае читал в ее душе, как по книге, подметил раз двадцать, как она старается навести разговор на известную тему в надежде, что он сам предложит ей взять на себя командование «Мартой».

Они долго не могли найти подходящего шкипера. Джен дорожила «Мартой», и никто из предложенных кандидатов не удовлетворял ее.

— Ольсон?—перебила она.—Для «Флибберти» он годится, в особенности если я со своими людьми нахожусь при нем и осматриваю судно, когда оно по его небрежности, того и гляди, расползется по всем швам. Но шкипером на «Марте»? Невозможно!

Мюнстер? Да, это единственный моряк на Соломоновых островах, на которого, казалось, можно было бы положиться. А все-таки он в некотором роде побил рекорд. Он погубил «Юмбаву», при чем утонуло сто сорок человек. Он стоял на вахте в качестве старшего офицера и провинился в умышленном отступлении от данных ему предписаний. Понятно, его отставили от должности.

Христиан Юнг ни разу еще не управлял большими судами. Кроме того, мы не в состоянии платить ему столько, сколько он выручает на «Минерве».

Спэррохоук хорош, когда ему приказывают. Сам же он не способен проявлять инициативу. Он опытный моряк, но командовать не может. Уверяю вас, я не имела ни минуты покоя, пока он распоряжался на «Флибберти» у Пунга-Пунга, в то время как мне самой пришлось оставаться на «Марте».

И со всеми та же история. Никто из предложенных кандидатов не удовлетворял ее требованиям. Много раз она уже почти приводила Шелдона к убеждению, что из всех моряков на Соломоновых островах она—единственное лицо, способное командовать «Мартой». Но он каждый раз отмалчивался, а ей самолюбие не позволяло договаривать до конца.

— Моряки, способные править вельботом, не всегда бывают способны хорошо управлять шхуною,—ответила она ему на одно из его замечаний.—Кроме того, капитан такого судна, как «Марта», должен быть с головой. Он должен обладать широким взглядом на вещи, талантом, предприимчивостью.

— Но с вашими таитянами на борту...—заикнулся Шелдон.

— На борту не будет никаких таитян,—оборвала она его.—Мои люди останутся со мной. Они могут мне понадобиться каждую минуту. Когда я отправлюсь в плавание, то и они отправятся вместе со мной. Когда я проживаю на суше, то и они проживают со мной. Они пригодятся и для плантации. Вы видели, как они расчищают заросли. Каждый из них стоит дороже полудюжины ваших людоедов.

Джен стояла рядом с Шелдоном на веранде и глубоко вздыхала, поглядывая на «Марту», уходившую в море под командой старого Кинросса из Сэво.

— Кинросс—допотопное чучело,—выпалила она с раздражением.—О, он никогда не потерпит крушения от избытка горячности, будьте уверены! Он робок, как дитя, но робкие шкипера теряют корабли столь же часто, как и отчаянные. Когда-нибудь Кинросс погубит «Марту», увидите, и погубит из-за того, что не рискнет воспользоваться единственным остающимся средством для спасения. Опасаясь воспользоваться свежим ветром, который доставил бы его на место в каких-нибудь двадцать часов, он попадет в полосу штиля и потеряет целую неделю. «Марта» и с ним будет приносить доходы, бесспорно, но она несравненно больше бы доставляла выгод под командой другого, более надежного капитана.

Джен раскраснелась от волнения и сверкающим взором следила за удалявшейся шхуной.

— Красота! Посмотрите, как она свободно несется, хотя ветра совсем почти нет. Она вся обшита медью, как настоящий военный корабль. Я ее отчищала кокосовой скорлупой, когда мы ее кренговали [1]) у Пунга-Пунга. Прежде чем попасть в руки этой экспедиции золотоискателей, она ходила на тюленей у сибирских берегов и не раз убегала от преследования русских второстепенных крейсеров.

[1]) Кренговать — наклонять судно на бок для исправления повреждений или для конопачения.

— Знаете, честное слово, если бы я только могла предвидеть, что мне улыбнется такое счастье в Гувуту, и что я смогу приобрести такое судно за какие-нибудь триста долларов, я бы ни за что не вступила с вами в компанию, а занялась бы им!

Справедливость этого замечания поразила Шелдона. То, чего она достигла, она могла бы отлично добиться и не будучи его компаньоном. Ведь он не принимал никакого участия в спасении «Марты». Предоставленная самой себе, высмеиваемая теплой компанией обывателей Гувуту и преодолевая конкуренцию таких дельцов, как Морган и Рафф, она смело кинулась в это предприятие и блестяще завершила его.

— Глядя на вас, я чувствую себя как будто в положении взрослого человека, который отобрал у ребенка конфекты,—сокрушенно промолвил он.

— И ребенок расплакался?

Она повернулась к нему, и он заметил, что губы ее дрожат, а в глазах стоят слезы. Он подумал, что она, действительно, дитя прежде всего, мальчуган, у которого отняли игрушечный кораблик. И вместе с тем она женщина. Что за вопиющее противоречие! И тут же подумал, что вряд ли он влюбился бы в нее так сильно, если бы она была простой, обыкновенной женщиной. В глубине души он почувствовал, что полюбил ее именно такою, какова она есть; он полюбил в ней и мальчишеские, и женственные черты характера, словом, все, что в ней было, все, что, несмотря на кажущееся противоречие, так гармонически слилось в ней в одно целое.

— Но ребеночек не будет больше реветь,—сказала она.—Это в последний раз. Когда-нибудь, я знаю, вы вернете эту игрушку вашему компаньону, если только Кинросс не погубит ее. Я больше к вам приставать с этим не буду. Только, надеюсь, вы отлично понимаете, что я должна теперь чувствовать. Дело в том, что я не купила «Марту» и не выстроила ее. Я спасла ее. Я сняла ее с камней. Я вырвала добычу у океана, когда никто не хотел давать более пятидесяти пяти фунтов за этот рискованный выигрыш. Она моя, бесспорно моя. Без меня она бы не существовала. Этот бурный нордвест разнес бы ее в щепки за каких-нибудь три часа. И, потом, я ее испробовала; о, это чародейка, настоящая чародейка! Она удивительно слушается руля и удивительно лавирует. Троньте только руль, и она вам повернется, как конь на уздечке. Вы даже можете пустить ее задним ходом, если хотите, как какой-нибудь пароход. Я это проделывала у Ланга-Ланга между отмелью и береговыми рифами. Замечательное судно! Вы, я знаю, не способны, подобно мне, увлекаться такими вещами и, наверное, удивляетесь моему

сумасбродству. Но «Марта» не уйдет от меня, и я доберусь когда-нибудь до нее. Вот увидите!

В ответ на это Шелдон совершенно бессознательно и нежно коснулся ее руки, покоившейся на перилах. Не могло быть и тени сомнения, что она отнеслась к этой ласке только как капризный ребенок, которого стараются утешить в том, что он лишился игрушки. Эта мысль охладила его. Никогда он еще так близко не соприкосался с ней и в то же время никогда еще не чувствовал с такой силой, до чего она далека от него. Очевидно, она даже не отдавала себе отчета, что это именно его рука дотронулась до нее. Зрелище удалявшейся «Марты» так сильно огорчило ее, что ей было не до того, кто пожимает ей руку. Она сознавала только, что это есть выражение сочувствия со стороны дружески расположенного к ней человека.

Он отнял руку и отодвинулся, испытывая легкое разочарование.

— Почему бы ему не поднять большого паруса?—придиралась она.—Как бы подхватил его этот ветерок! Знаю я таких людей, как этот чересчур осторожный старик. Он принадлежит к числу тех капитанов, которые готовы трое суток выжидать с зарифлеными парусами шторма, которого нет и в помине. Осторожность, скажете? О, да, он осторожен, но чересчур!

Шелдон опять приблизился к ней.

— Не горюйте,—сказал он ей.—Можете плавать на «Марте» сколько хотите, и даже ходить на Малаиту за чернокожими.

Говоря это, он сделал со своей стороны большую уступку, и пошел на эту уступку вопреки собственному убеждению. Тем более поразило его, как она отнеслась к этой его уступке.

— Под командой старика Кинросса? О, нет, благодарю покорно! Он бы довел меня до самоубийства. Я не могу спокойно видеть, как он командует. Нога моя не ступит на «Марту» до тех пор, пока я не возьму ее на полную свою ответственность. Я—моряк, такой же, каким был мой отец, а он не выносил плохих командиров! Вы обратили внимание на приемы Кинросса, когда он выходил в открытое море? Верх безобразия! И какую кутерьму он поднял на палубе. Наверное, Ной лучше командовал на своем ковчеге!

— Бывает, что и мы управляем не лучше,—усмехнулся Шелдон.

— Чем Ной?

— Да, это очень нелегко!

— Для допотопного человека—да!

Она долго провожала «Марту» глазами, а затем снова повернулась к Шелдону.

— Вы все тут плохие моряки или, по крайней мере, почти все. Христиан Юнг еще туда-сюда. Мюнстер проявляет известное искусство, да про старого Нильсена говорят, что он морской волк. Но

остальные никуда не годятся. У них нет ни ловкости, ни сноровки, ни быстроты, ни сообразительности, ни настоящего мужества,—словом, никаких достоинств. Тупые, неотесанные, медленные, тяжелые на подъем простаки. Когда-нибудь я покажу вам, как надо править «Мартой». Сорвусь с якоря и полечу с такой быстротой и удалью, что у вас голова закружится, и остановлю ее у пристани в Гувуту без якоря и каната.

Она проговорила все это, захлебываясь от увлечения, потом замолчала и расхохоталась, видимо, сама над собой.

— Старый Кинросс поднимает большой парус,—заметил ровным голосом Шелдон.

— Быть не может!—вскрикнула она, сверкнув глазами, и побежала за подзорной трубой.

Она долго и пристально приглядывалась в трубу к палубе судна, но по выражению ее лица Шелдон заметил, что она все-таки недовольна поведением шкипера.

Наконец, она капризным жестом опустила трубу.

— Он все перепутал,—простонала она.—А теперь старается исправить ошибку. И этот человек распоряжается такой очаровательной волшебницей, как «Марта»! Вот вам наглядный довод против замужества. Нет, не хочу больше смотреть на это жалкое зрелище! Пойдемте-ка лучше в биллиардную комнату и займемся этой степенной, консервативной игрой. А потом я велю оседлать себе лошадь и поеду поохотиться на голубей. Не хотите ли отправиться со мной вместе?

Часом позднее, когда они выезжали из усадьбы, направляясь на охоту, Джен повернулась в седле, чтобы последний раз взглянуть на «Марту», которая еще мелькала вдали чуть заметным пятнышком на пути к берегам Флориды.

— Воображаю, как удивится Тюдор, когда узнает, что «Марта» перешла в наши руки,—засмеялась она.—Подумайте только! Если он не отыщет золота, то ему придется взять место на пассажирском пароходе и удирать отсюда.

Заливаясь веселым смехом, Джен выехала за ворота. Но вдруг ее смех оборвался, и она натянула поводья. Шелдон посмотрел на нее с беспокойством и увидел, что на лице у нее выступили желто-зеленые пятна.

— Это лихорадка,—сказала она.—Придется вернуться домой.

Проезжая через усадьбу, она так тряслась и шаталась в седле, что ему пришлось ее поддерживать, когда она слезала с лошади.

— Забавно, не правда ли?—процедила она сквозь зубы.—Похоже на морскую болезнь—не опасно, но ужасно неприятно, если затянется. Пойду, лягу в постель. Пошлите мне Ноа-Ноа и Вайсбери.

Прикажите Орифайри заготовить кипятку. Через четверть часа я потеряю сознание, но к вечеру я буду уже на ногах. Меня здорово схватило, но скоро отпустит. Жаль, очень жаль, что не пришлось поохотиться. Благодарю вас, не беда—это в порядке вещей.

Шелдон тотчас исполнил все ее просьбы, поспешил отправить ей бутылки с горячей водой и расположился на веранде, тщетно пытаясь развлечься перелистыванием целой кипы сиднейских газет двухмесячной давности.

Он то-и-дело отрывался от чтения и поглядывал на соломенную сторожку в глубине усадьбы. «Да,—подумал он,—тяжелую борьбу приходится выдерживать белым людям на островах. Нет, здесь не место для женщин!»

Он ударил в ладоши, и на его зов прибежал Лалаперу.

— Живо,—приказал он,—сбегай в бараки и приведи ко мне черных фелла марий, много, слышишь, всех!

Не прошло и пяти минут, как перед ним уже стояли все двенадцать чернокожих обитательниц Беранды. Он сделал им строгий осмотр и выбрал из них одну помоложе и помиловидней, такую, у которой не видно было на теле никаких следов накожных болезней.

— Как твое имя?—спросил он женщину.

— Мой Магда,—ответила она.

— Ну, так вот что, фелла Магда! Ты кончай стряпать рабочим. Будешь служить белой марии. Ты будешь все время с ней. Поняла?

— Поняла,—пропищала она и немедленно отправилась по приказанию в соломенную сторожку.

— Как дела?—спросил он у Вайсбери, который только-что оттуда вернулся.

— Больна, фелла барин!—ответил он.—Белая фелла мария все время говорит, очень много говорит. Все время говорит про большой, фелла, шхуна.

Шелдон повесил голову. Он понял в чем дело. Очевидно, ее вогнала в лихорадку история с «Мартой». Лихорадка бы все равно ее не пощадила, он это знал. Но огорчение, причиненное отобранной от нее игрушкой, ускорило появление первого приступа. Он закурил папиросу и, глядя на расплывающиеся кольца дыма, вспомнил о своей матери, оставшейся в Англии, и представил себе, как бы удивилась она, если бы ей сказали, что ее сын способен полюбить женщину, которая разливается плачем по поводу того, что ей запрещают быть шкипером на шхуне и вербовать людоедов на островах.

ГЛАВА XX

Деловой разговор

Нет более нетерпеливых людей, чем влюбленные, а Шелдоном овладела любовь. Раз двадцать в день он обзывал себя дураком и старался всячески сдерживать себя и направить мысль в другую сторону, но, тем не менее, гораздо чаще, чем двадцать раз в день, его мысль настойчиво возвращалась к милому образу. Джен казалась ему натурой чрезвычайно загадочной, и он упорно бился над вопросом: как ему к ней подойти?

До сих пор он весьма мало помышлял о любви. Весь его жизненный опыт в этом отношении ограничивался одним единственным случаем (при чем ухаживал не он, а ухаживали за ним), и этот опыт не многому его научил. В данном случае дело было совершенно другого рода, и он любил повторять самому себе, что случай этот совершенно исключительный, из ряда вон выходящий. Эта женщина не только не расположена к замужеству, но это такая женщина, которую даже нельзя назвать женщиной, женщина, которая искренно ужасается при одной мысли о предстоящем замужестве, которая увлекается мальчишескими забавами, сентиментально мечтает об одних приключениях, которая отличается необыкновенной трезвостью, цельностью натуры, настолько еще не созрела, что муж для нее представляется не чем иным, как досадной помехой на облюбованном ее мечтами жизненном пути.

Но как же им сблизиться, как ему к ней подойти? Он сознавал, что она фанатически любит свободу и питает глубочайшее отвращение ко всякого рода стеснениям. Ласки она не признает и никем не способна увлечься. Она готова ежеминутно встрепенуться, упорхнуть, как испуганная птица. Дотронуться до нее немыслимо, нежностей она не выносит. Его рукопожатие должно оставаться таким, каким оно было до сих пор—сердечно-дружеским рукопожатием, и только. Он ни за что не должен высказывать своих чувств внешним образом. Он может только разговаривать с нею. Но как ему с ней говорить? Домогаться любви? Но ведь она не любит его. Обращаться к ее уму? Но у нее склад ума чисто мальчишеский. Она чарует

прелестью и изяществом прекрасно воспитанной женщины, но, насколько он пригляделся к ней, характер мышления ее ничем не отличается от мужского. И все же он должен с нею сердечно поговорить. Надо выбрать время и подходящий случай. Так или иначе, надо направить ее внимание в эту сторону, надо приучить ее к мысли о возможности замужества.

Объезжая свои владения, он хмурил брови, морщил лоб и ломал голову над решением трудной проблемы и набирался храбрости сделать ей предложение. Он придумывал всевозможные комбинации, путем которых надеялся пробить лед; но все его хитроумные планы каждый раз проваливались, ибо вдруг выпадало какое-нибудь звено и разговор принимал непредвиденное и нежелательное направление. Наконец, в одно прекрасное утро совершенно неожиданно представился давно ожидаемый благоприятный случай.

— Самое пламенное мое желание, это—процветание Беранды,—мимоходом заметила Джен в пылу разговора на тему о снижении рыночных цен на копру в связи с удешевлением транспорта.

— А хотите ли знать, в чем состоит мое самое задушевное желание?—поторопился он вставить.—То, о чем я постоянно мечтаю, вздыхаю, томлюсь? То, чем я дорожу больше всего на свете?

Он намеренно остановился и посмотрел на нее в упор; но ясно было, что она не угадывает значения его слов и ожидает услышать нечто, имеющее прямое отношение к разговору.

— Разумеется, говорите же!—капризно добавила она, недовольная паузой.

— Я люблю мечтать об успехе плантации,—сказал он,—но для меня это дело второстепенное. Несравненно дороже для меня мечта о том, чтобы когда-нибудь вы стали полной хозяйкой Беранды, нежели в настоящее время, и чтобы узы нашего содружества стали более тесными. Самая заветная моя мечта, это то, чтобы вы когда-нибудь, когда придет время, стали моей женой.

Она отшатнулась в сторону, как ужаленная. Лицо ее побледнело, как полотно. Ясно было, что ее охватил гнев, а не смущение девушки, застигнутой врасплох любовным признанием.

— Какова уверенность! Каково это: когда придет время!—возмутилась она. Но вслед затем она заговорила совершенно спокойным, холодным тоном, тем самым деловым тоном, каким она, должно быть, разговаривала с Морганом и Раффом в Гувуту.—Слушайте, что я вам скажу, мистер Шелдон! Вы мне очень понравились, несмотря на вашу тупость и тяжеловесность. Но усвойте же себе раз навсегда, что я приехала на Соломоновы острова не за тем, чтобы составлять себе партию. Если бы я этого хотела, то давно бы вышла замуж у себя на родине и незачем мне было бы с этой целью делать

столь большие, отдаленные путешествия и отправляться в поисках мужа за тридевять земель. У меня свой собственный жизненный план, я явилась на Соломоновы острова пробивать свою собственную дорогу. Замужество не соответствует моему плану и не входит в мои расчеты. Брачные узы в пору другим женщинам, но они не по мне. Знайте же, что когда я завожу деловой разговор и обсуждаю вопрос о стоимости провоза копры, то не расположена выслушивать между скобками вводные признания и предложения. Помимо того... кроме того...

Она вдруг замолкла, и когда заговорила вновь, то в голосе ее прозвучала жалобная нотка, которая окончательно убедила его в том, что он свалял дурака и обошелся с ней грубо.

— Разве вы не видите, что это портит все дело и что благодаря этому создается совершенно невозможное положение... а я... а я так дорожила нашим товариществом, так гордилась им. Разве же вы не видите, что я не могу оставаться вашим компаньоном, если вы приметесь за мною ухаживать и объясняться в любви. А я была так счастлива...

В голосе Джен дрожали слезы разочарования, но она проглотила их.

— Я вас предостерегал,—сказал Шелдон внушительно.—Подобные необычайные отношения между мужчиной и женщиной без конца продолжаться не могут. Я вам это говорил с самого начала.

— О, да! Теперь я совершенно уяснила себе ваше поведение.— Она опять возмутилась, и минутная женская слабость уступила место негодованию.—Вы действовали очень благоразумно и осмотрительно, предупреждая меня об опасности. Вы предостерегали меня против всех и каждого на Соломоновых островах, кроме себя самого.

Шелдон почувствовал, как будто его ударили по лицу. Слова эти обожгли его и тем, что в них была доля правды, и тем, что в них было несправедливого и обидного для него. Злорадный огонек, мелькнувший в ее глазах, когда она увидела, что задела его за живое, придал Шелдону решимости.

— Вы, кажется, расположены смотреть на дело только с одной стороны,—начал он.—До вашего приезда в Беранду мне жилось здесь довольно сносно. По крайней мере, никто не бросал мне в лицо оскорблений, подобных тому, которое вы мне сейчас нанесли. Вы обвиняете меня в низости. Но вспомните, пожалуйста, ведь я не вызывал вас в Беранду. И я не предлагал вам поселиться в Беранде. Неприятное для вас положение создалось благодаря тому, что вы сами решили остаться здесь. А оставаясь здесь, вы тем самым подвергли меня непосильному искушению, за которое теперь так браните. Я не уговаривал вас оставаться. Наоборот, я старался вас отговорить. В то время я вас еще не любил. Я посылал вас в

Сидней, на Гаваи. Но вы настояли на том, чтобы остаться. Вы положительно...

Он замялся, стараясь подыскать более деликатное выражение, нежели то, которое вертелось у него на языке.

— Я навязалась вам, вы это хотите сказать?—вспыхнула она, и яркие пятна выступили у ее на щеках.—Продолжайте, пожалуйста! Не щадите меня!

— Хорошо, я не буду,—сказал он решительно, опасаясь, что спор их принимает школьнический характер.—Вы, между прочим, настойчиво требовали, чтобы я обращался с вами, как мужчина с мужчиной. Оставаясь последовательной, вы должны и говорить, как мужчина, ведущий деловой разговор, и спокойно выслушать все до конца. Неприятность возникла не по вашей вине. Я вас ни в чем не упрекаю, запомните это получше. Но и вы не должны меня упрекать.

Шелдон видел, как у нее от волнения колышется грудь и сжимаются руки, и ему стоило невероятных усилий удержаться от страстного желания. Ему хотелось схватить и задушить ее в объятиях. Вместо того, чтобы продолжать чинно и холодно проводить заранее обдуманный план свой, у него чуть с языка не сорвалось, что она самый очаровательный мальчик на свете. Но он сдержался, подавил все эти сумасбродные порывы и стойко продолжал вести «деловой разговор».

— Вы не можете перестать быть для меня самым пленительным, самым привлекательным существом. Вы заставили меня влюбиться в вас. Вы этого не хотели и не добивались. Вы так созданы,—вот и все. Но я создан так, что не могу не влюбиться в вас. И я тоже не в силах стать другим, чем я есть. Я не могу никаким усилием воли подавить своего трепетного влечения к вам, так же как и вы не можете простым усилием воли перестать быть для меня самым возлюбленным существом.

— О, эти африканские страсти! Желания, влечения!—перебила она, возмущенная до глубины души.—Я ведь не дура! Я кой-что понимаю, и все это ужасно глупо, нелепо, противно! Как бы мне хотелось всего этого избежать. Право, лучше бы мне было выйти замуж за Ноа-Ноа или Адаму-Адама, или Лалаперу, или хотя бы за какого-нибудь первого встречного негра. Я могла бы командовать им и держать его от себя на почтительном расстоянии; а такие люди, как вы... Пожалуйста, отстаньте от меня с вашими предложениями, и «влюбленностью», и «влечением».

Шелдон расхохотался, несмотря на то, что ему было совсем не до смеха.

— Вы положительно бессердечное существо,—простонал он.

— Это потому, что мне противно подчиняться мужчине!—ответила она ему в тон.—Но допустим, что ваша правда. Если я бессердечное существо, то чего же вы хотите?

— Я хочу вас спросить: почему вы так милы? Почему вы похожи на женщину? Почему у вас женские губки? Чудные женские локоны? И я вам отвечу на это сам: потому, что вы все-таки женщина, хотя женщина в вас еще дремлет. Но настанет тот день, когда в вас проснется женское сердце.

— Боже упаси!—вскрикнула она с таким непритворным ужасом, что он не мог удержаться от смеха и даже на ее собственных губах появилась невольная улыбка.

— Я даже больше скажу вам,—продолжал Шелдон.—Я старался защитить вас от всякого другого ухаживателя на Соломоновых островах и уберечь вас от вашей собственной удали. Что касается меня, то мне и во сне не снилось, что опасность грозит вам с другой стороны. Вот почему я и не думал охранять вас от себя самого. Я отказался от всякой опеки. Вы шли своевольно своей дорогой, как будто бы меня совсем тут и не было. Вы топили и спасали корабли, вербовали чернокожих на Малаите, командовали на шхунах; беззащитная девушка одна путешествовала в обществе самых отъявленных негодяев, какие только водятся на Соломоновых островах. Подумайте только: Фоулер! Брамсби! Куртас! И такова извращенность человеческой натуры,—вы видите, насколько я откровенен,—такова, повторяю, извращенность человеческого сердца, что я вас люблю еще больше за это. Я вас люблю за все, что в вас есть, я вас люблю именно такою, какая вы есть!

Она поморщилась и сделала протестующий жест.

— Постойте,—сказал он.—Вы не должны отказываться выслушать меня до конца, хотя я и признаюсь вам в любви. У нас деловой разговор. Мы разговариваем между собой, как мужчины. Не забывайте вашу условную точку зрения: вы как бы мужчина; женщина в вас—это нечто случайное, привходящее, чуждое вам. Вы обязаны спокойно выслушать простое утверждение факта; как это ни странно, но факт тот, что я вас люблю!

А теперь я перестану приставать к вам со своими признаниями. Пускай все у нас останется попрежнему. Здесь, в Беранде, вам все-таки будет лучше и покойнее, чем где бы то ни было в другом месте на Соломоновых островах, даже невзирая на то, что я вас люблю. Но в заключение нашего делового разговора позвольте выразить пожелание, чтобы вы вспоминали время от времени о том, что я вас люблю, и что самым счастливым днем в моей жизни был бы тот день, когда вы согласились бы стать моей женой. Прошу вас, не забывайте об этом! Впрочем, я знаю, вы не забудете моих слов.

А теперь мы больше не будем возвращаться к этому разговору. Вашу руку, товарищ!

Он подал ей руку. Она сначала придержала было свою, но потом сердечно ответила на рукопожатие и улыбнулась сквозь слезы.

— Я бы хотела...—запнулась она,—я бы хотела, чтобы вы мне прислали какую-нибудь другую женщину вместо этой черной Магды, и такую, которой я могла бы поручить вас выругать хорошенько.

На этих загадочных словах разговор оборвался, и они расстались друзьями.

ГЛАВА XXI

Контрабанда

Шелдон сдержал свое слово. Отношение его к Джен нисколько не изменилось. В его поведении не было ничего такого, что бы напоминало страждущего вздыхателя или изнывающего любовника. Никакой неловкости они не испытывали. Отношения их оставались попрежнему простыми и дружескими. Он наивно надеялся, что его отважное признание в любви заденет в душе Джен чисто женские струны, но ожидания его оказались напрасными. Джен оставалась все такою же, какой была и всегда, и в этом отношении между ними большой разницы не было, но он знал про себя, что затаил в душе нежное чувство, а ей, как видно, было нечего скрывать от него. Но его все-таки не покидала надежда, что брошенное им семя когда-нибудь даст ростки. На это он крепко рассчитывал, но не был уверен в том, к чему это приведет. Девичья душа, как говорится, потемки, а тем более трудно было предвидеть, что произойдет в душе этой необыкновенной девушки. Женское чувство проснется в ней; да, это так; но, с другой стороны, столько же шансов за то, что он сам ей в мужья не годится и что его объяснение в любви только еще более укрепит в ней уверенность, что в свободном одиночестве—лучшее счастье.

Большую часть своего времени Шелдон проводил теперь на плантации, а Джен с еще большим рвением занялась домашним хозяйством. Она распоряжалась в доме, как капитан на корабле. Она перевернула вверх дном всю систему правления и установила строгую дисциплину. Положение рабочих в Беранде изменилось к лучшему.

«Марта» отвезла на родину пятьдесят человек чернокожих, которые уже отслужили свой срок и которые принадлежали к числу самых опасных людей на плантации. Это были те рабочие, которых завербовал еще Билли-Битый и которые пережили времена террора, завершившегося изгнанием первоначальных владельцев Беранды. Вновь прибывшие попали в условия нового режима и обещали быть более надежными.

Джен согласилась с Шелдоном, что этих новых рабочих с самого начала надо взять в руки, соблюдая притом абсолютную справедливость, и тогда можно надеяться, что старые рабочие их не испортят.

— Мне сдается, что недурно было бы поставить нынче после полудня всех чернокожих на работу вблизи дома,—сказала однажды за завтраком Джен.—Я привела в порядок дом, а вы осмотрите бараки: ведь у вас там много завелось воровства.

— Мысль хорошая,—сказал Шелдон.—Давайте пощупаем их сундуки. У меня недавно пропали две рубашки и самая лучшая зубная щетка.

— А у меня,—добавила она,—стащили два ящика патронов, много носовых платков, полотенец, простынь и лучшую пару туфель. Не могу только понять, зачем понадобилась им ваша зубная щетка? Скоро они, пожалуй, доберутся и до биллиардных шаров!

— А что вы думаете? Один шар уже пропал; это случилось еще до вашего приезда,—засмеялся Шелдон.—Но мы пошарим сегодня у них в сундуках.

На этот раз выдался горячий денек. Джен и Шелдон, оба вооруженные и сопровождаемые надсмотрщиками и полдюжиной понятых, обыскали поочередно все бараки.

Каждого рабочего вызывали по имени, и он приносил ключ от своего сундука, а приказчики в его присутствии осматривали его сундук, перебирая все вещи.

Было найдено множество украденных предметов: двенадцать ножей, предназначенных для вырезывания тростника (эти огромные ножи были остры, как бритва, и ими легко было одним взмахом снести голову человеку), полотенца, простыни, рубахи, туфли, зубная щетка, мыло и даже пропавший биллиардный шар. Много нашлось такого, о чем уже давно позабыли. Но особенно странно было то, что отыскалась масса военных припасов—очень много патронов разных систем для Ли-Метфордов, Винчестеров, Мэрлингов, для револьверов от 32 до 45 калибра включительно, дробовых патронов, два патронных ящика Джен для тридцативосьмикалиберного револьвера, объемистые патроны для старинных малаитских спайдеров, динамитные шашки, пороховницы черного пороха, связки фитилей, ящики с детонаторами [1]). Но самая важная находка оказалась в том шалаше, где ночевали Гугуми и те пятеро дикарей, которые были завербованы в Порт-Адамсе. В их сундуках не было ничего, и Шелдон, догадавшись, что тут что-то неладно, велел взрыть земляной пол; из-под верхнего слоя земли вытащили две совершенно новеньких винтовки Винчестера, оказавшиеся в полном порядке, так как они были

---

[1]) Детонаторы — взрыватели.

завернуты в цыновки и смазаны так хорошо, что на них не могло быть ни пятнышка ржавчины. Шелдон не признал эти ружья своими. Очевидно, они попали в Беранду со стороны, так же как и сорок коробок пороха и восемь ящиков детонаторов; как он ни старался, но не мог припомнить, чтобы эти ящики принадлежали ему. Большой револьвер Кольта, тридцатидвухкалиберный Айвори и Джонсон были признаны: первый—собственностью Хью Друммонда, а второй—Матапцу, который хватился его еще на первой неделе по приезде в Беранду. В этом месте патронов никаких не было, и это заставило Шелдона продолжать раскопки. В результате была найдена пятидесятифунтовая металлическая коробка. Когда Шелдон стал вынимать из этой коробки обоймы для Винчестера и массу патронов самых различных калибров, то на Гугуми было страшно смотреть.

На задней веранде дома, куда были сложены все найденные вещи, образовался целый арсенал. Сорок с лишним человек негров, у которых были обнаружены краденые вещи, выстроились внизу около лестницы, а сзади их плотной массой выстроилась толпа рабочих плантации, состоявшая из нескольких сот человек чернокожих. Джен и Шелдон сидели на веранде, а по ступенькам лестницы расположились надсмотрщики. Заподозренных в краже выкликали по очереди и подвергали допросу. Но добиться от них каких-либо определенных показаний оказалось совершенно невозможно. Все они врали упорно, без зазрения совести и нагромождали одну ложь на другую. Так, например, один из них беззастенчиво объявил, что одиннадцать динамитных шашек он нашел на морском берегу.

Капу про найденный у него револьвер сочинил, будто получил его в подарок от Лервуми; опрошенный Лервуми признался, что получил его от Нони, а Нони от Сулефатон, а Сулефатон от Гока, а Гок от Ичавы, а Ичава ничего лучшего не нашел сказать, как то, что он получил его от Капу. Таким образом ложный круг завершился, но Капу клялся и божился, что получил револьвер от Лервуми, и в доказательство приводил всевозможные подробности о том, когда, где и как это произошло. Лервуми же в свою очередь с разными подробностями рассказывал, как он получил револьвер от Нони, а Нони—от Сулефатон, и так далее, пока снова не завершился круг.

Предметы, пропавшие в доме, были, очевидно, похищены домашней прислугой, но прислужники запирались упорно и оговаривали других. Тот из них, у которого был найден биллиардный шар, до того заврался, что в конце концов принужден был признаться, что шар этот подбросила ему нечистая сила, а впрочем, не исключена возможность, что он свалился с неба и попал прямо в сундук. Вот и все, что ему было об этом известно.

Относительно же тех вещей, которые попали в Беранду со стороны, и, в частности, относительно целой кучи военных припасов рабочие утверждали, что все они достались им от поваров и матросов различных судов, останавливавшихся в Беранде за последние годы, и это, пожалуй, можно было допустить. Ясно, что оружие и патроны большею частью завозились посетителями Беранды, но установить это было трудно.

— Каков арсенал!—заметил Шелдон, обращаясь к Джен.—Ведь мы спали на вулкане. Их бы всех надо перепороть...

— Мой не пороть!—крикнул снизу Гугуми.—Мой отец большой фелла, вождь! Мой пороть, будет плохо вам!

— Что такое Гугуми?—закричал Шелдон.—Ты у меня запоешь, погоди! Ну-ка, Квэк, нацепи ему кандалы!

Квэк, статный молодец, главный приказчик плантации, схватил Гугуми, с помощью других надсмотрщиков связал ему назади руки и надел на них тяжелые кандалы.

— Мой задаст вам, мой вас всех перебьет,—огрызался Гугуми с искаженным злобой лицом.

— Только, ради бога, не надо пороть,—тихо промолвила Джен.— Если наказания нельзя никак избегнуть, то пусть их наказывает правительство, а не мы; отправьте их лучше в Тулаги. А то предложите им на выбор: высылку или штраф.

Шелдон кивнул головой, встал с места и обратился к чернокожим.

— Мэнонми!—крикнул он,—выходи!

Мэнонми вышел и стал впереди.

— Ты отчаянный, фелла, вор!—обрушился на него Шелдон.— Ты украл целый воз вещей. Ты украл у меня один, фелла, рушник, один, фелла, тесак, двадцать, фелла, лядунок с патронами. Тебя надо было бы вздуть хорошенько. Выбирай любое: или штраф—один, фелла, фунт, который я запишу за тобой в толстую книгу, или Тулаги, где правительство тебе пропишет плетей. Там, в тюрьме, много вашего брата и из Нью-Джерси, и с Изабеллы. Там, фелла, малаитских не любят и зададут тебе перцу. Так вот, выбирай...

— Бери, фелла, фунт,—согласился бедняга.

Он смиренно вздохнул и сошел со ступенек, а Шелдон записал за ним штраф в конторскую книгу.

Таким же образом Шелдон вызвал по очереди всех остальных провинившихся и всем им предложил то же самое, все они предпочли ссылке и наказанию штраф. Иных оштрафовали только на несколько шиллингов, но размер пени повышался сообразно вине и в более тяжких случаях доходил до нескольких фунтов. Особенно сильно досталось тем, у кого были обнаружены ружья и вообще военные припасы.

На Гугуми и его пятерых соплеменников возложили взыскание по три фунта на каждого, но, обменявшись парою слов на своем гортанном наречии, все они по примеру Гугуми наотрез отказались от штрафа.

— Попадешь в Тулаги,—грозил ему Шелдон.—Там всыплют тебе, фелла, плетей и засадят в тюрьму на три года. Мистер Бернет узнает про Винчестер, узнает про патроны, узнает про револьвер, узнает про черный порох, узнает про динамит и рассердится не на шутку: запрет тебя на три года. Не согласен на штраф—насидишься в остроге. Слышишь, что ль?

Гугуми покряхтывал.

— Это сущая правда. Бернет с ними не будет церемониться,— промолвил Шелдон на ухо Джен.

— Мой три, фелла, фунта бери,—промычал Гугуми, глядя на Шелдона исподлобья и переводя пылающий взор на Джен и приказчика Квэка.—Мой кончал вас, убил! Мой отец большой фелла, вождь в Порт-Адамсе!

— Ладно, знаем,—крикнул Шелдон.—Молчать!

— Мой не трус,—отвечал сын вождя, пытаясь озорством поддержать свой престиж перед товарищами.

— Запри его на ночь,—приказал Шелдон Квэку.—А как солнце взойдет, поведи этого феллу и тех фелла пятерых косить траву. Понимаешь?

Квэк усмехнулся злорадно.

— Мой понимает,—отвечал он.—Резал трава «нгари-нгари» [1]) хорош!

— За Гугуми теперь смотри в оба!—сказал Шелдон, когда толпа схлынула и надсмотрщики повели чернокожих отдельными партиями на работы.—Остерегайтесь его, пожалуйста,—просил он Джен.— В особенности, когда будете одна на плантации. Он страшно озлился за то, что у него отобрали Винчестеры. Это подействовало на него сильнее, чем то оскорбление, которое вы ему нанесли. Теперь он готов на убийство.

---

[1]) „Нгари-нгари“ — местное растение, вызывающее чесотку, хотя и не опасную, но весьма неприятную.

ГЛАВА XXII

Гугуми расправляется с Квэком

— Интересно бы знать, что поделывает мистер Тюдор? Прошло уже месяца два, как он забился в лесные дебри. И ни слуху, ни духу о нем с тех пор, как он вышел из Бину.

Джен Лэкленд, сидя верхом на коне, осматривала маисовые насаждения на берегу Бейльсуны, а рядом с ней, опираясь на плечо ее лошади, стоял Шелдон, который приплелся сюда пешком из дома.

— Да хоть бы весточку подал какую-нибудь, давно бы пора,— ответил он, пытливо глядя на наездницу из-под полей своей шляпы и стараясь угадать, насколько велика ее тревога об этом молодом, отважном золотоискателе.—Надеюсь, что он скоро вернется, и в добром здоровье. Напрасно только он уговорил бину-Чарли отправиться с ним в качестве проводника. Я бы на его месте не стал его уговаривать, потому что всякого бину в этих лесах ожидает одинаковая участь—«кай-кай». А Тюдор...

— Вон, вон, смотрите!—перебила вполголоса Джен, указывая на огромного крокодила, всплывшего на середину реки и издали похожего на бревно.—Ах, как жаль, что я не захватила винтовки!

Крокодил вдруг исчез под водой, оставив на поверхности мелкую рябь.

— Возможно, что это тот самый великан, который сегодня наделал дел. Ко мне спозаранку приходил один бину за бинтом и лекарствами. Несколько женщин бину возились на том берегу реки, и одна из них, зашедшая в воду, нечаянно наступила на огромного крокодила, который и схватил ее за ногу. Остальные женщины кинулись спасать ее. Спасти-то они ее спасли, но крокодил все-таки успел отхватить ей ногу до колена. Так передавал этот человек. Я надавал ему разных снадобий. Вероятно, она останется жива.

— Ах, какая гадина!—нервно вздрогнула Джен.—Отвратительное чудовище. Я их терпеть не могу!

— А акул не боитесь, когда ходите купаться,—сказал Шелдон.

— Здесь только такие акулы, которые для людей неопасны. Когда много рыбы, они на человека не нападают; вот если голодные, тогда дело другое—могут и цапнуть.

Шелдона всего передернуло. В его воображении промелькнула картина: нежная нагота милой девушки в зубастой пасти акулы.

— А все-таки надо быть осторожнее,—робко промолвил Шелдон.—Вы сами признались, что это рискованно.

— Вот то-то мне и нравится!—воскликнула Джен.

«Но вы не думаете о том, каково бы мне было вас потерять»,— чуть не сорвалось у него с языка; он во-время удержался от этого неуместного восклицания. Он боялся ее раздразнить. Было бы бестактно с его стороны упоминать, хотя бы только случайно, о своих личных чувствах.

— Кому что нравится: кому стихи, кому пастушеские идиллии, а кому брюхо акулы,—продекламировал он с меланхолической улыбкой и тотчас же добавил:—Хотелось бы мне уметь так же хорошо плавать, как вы. Может быть, это придало бы мне больше уверенности и спокойствия.

— Знаете, что я думаю? Что приятно быть женою такого человека, каким вы, кажется, понемногу становитесь,—заметила она, обнаруживая одну из тех внезапных метаморфоз, которые его всегда так внезапно поражали.—По-моему, из вас может выйти со временем великолепный муж: не властный, знаете ли, олух, а такой разумный человек, который будет смотреть на свою жену, как на совершенно ему равное и свободное существо. Право, знаете что? Вы, положительно, выправляетесь!

И, засмеявшись, она тронула лошадь и ускакала, повергнув Шелдона в величайшее недоумение. О, будь в ее словах хоть капля лукавства, или чисто женского кокетства, или хотя бы слабый намек на нежные чувства,—в каком бы он был восторге! Но нет, он был твердо уверен, что это опять лишь мальчишеская выходка без всякой примеси женственности.

Джен поехала по аллее из молодых саженцев кокосовых пальм; заметив клюворога [1]), улетавшего в лес на границе плантации, она повернула в том же направлении; по дороге спугнула пару диких голубей, залетевших в гущу леса, потом попала на свежий след кабана и, поблудив немного, повернула домой по узкой тропинке между густыми зарослями тростника.

Трава доходила ей до пояса и даже выше, и, пробираясь сквозь эту чащу, она вдруг вспомнила, что Гугуми отрядили сегодня вместе с другими ворами косить эту траву. Она уже доехала до того места, где они должны были быть, но их не было там и следа. Неподкованный конь мягко ступал по песчаному грунту. Вскоре

---

[1]) Клюворог — птица, величиною с голубя; некоторые виды ее — больше вороны.

она различила чьи-то голоса, доносившиеся к ней из-за заросли. То был голос Гугуми, и когда она разобрала его слова, то задрожала от гнева и натянула поводья.

— Собака бегал ночью кругом дома.—Гугуми объяснялся на ломаном английском языке, потому что разговаривал не с одними только своими сородичами.

— Ты, фелла-бой, лови свинья, сажал сало на крюк, бросил собака «кай-кай»; ты, фелла, тащи за крюк как акула. Собака кончал... Большой фелла-мастер спит в большой фелла-дом. Белый мария спит в маленький вигвам. Фелла Адаму стоит около маленький вигвам. Ты, фелла-бой, бей ли собака, бей ли Адаму, бей ли большой мастер, бей ли белый мария, лупи всех! Много ружья, много порох, много томагавк, много, много дельфин-зуб, много табак, много коленкор, ай, ай, много всего кладем вельбот, гребем, как черти; солнце всходил, наша далеко-далеко.

— Мой ловил свинья, когда солнце на низ,—пропищал тонким фальцетом ответ сподручного, в котором Джен признала голос Косси, одного из соплеменников Гугуми.

— Мой тащил собака,—вызвался кто-то другой.

— А мой кончал белый фелла мария!—торжественно провозгласил гордый Гугуми.—Мой кончал Квэка, скоро проклятый кончал.

Наслушавшись этих речей и забыв всякую осторожность, Джен хлестнула коня и крикнула:

— Вы тут что собрались? А? Кого убивать?

Дикари заметались и расступились, и, к немалому своему удивлению, Джен увидела перед собой целую дюжину чернокожих. Их возбужденные рожи и длинные двухфутовые ножи, которыми косят тростник, образумили Джен, и она поняла, что поступила чересчур опрометчиво. Будь тут при ней еще револьвер или ружье—дело другое. Но она была безоружна и заметила, как злородно осклабился Гугуми, взглянув на ее пояс и увидев, что на нем не висит страшный Вольт, угрожающий смертью.

На Соломоновых островах первое правило у белых никогда и ни за что не выказывать страха перед туземцами, и Джен попыталась бравировать опасностью.

— Много тут, фелла-бой, языки распускаете!—строго сказала она.—Много слов, мало дела. Поняли?

Гугуми, не ответив ни слова, молча шагнул вперед. Остальные обступили девушку со всех сторон и тоже молча подбирались все ближе и ближе. Грозные ножи в их руках выдавали преступное намерение.

— Косите тростник!—приказала она.

Но Гугуми опять неприметно шагнул вперед. Она прикинула взглядом. Кольцо, в котором она очутилась, было уже так тесно, что нельзя было рассчитывать повернуть лошадь и ускакать. Ее могли достать ножом сзади.

В этот убийственный миг лица всех подступивших к ней дикарей неизгладимо запечатлелись в памяти Джен. Один—старик с надорванными и растянутыми ушными мочками, свисавшими до плеч; другой—с приплюснутым африканским носом, с косыми щелками глаз, так глубоко поставленными, что нездоровые, желтоватые белки едва просвечивали из-под нависших бровей; третий—толстогубый, со щетинистой бородой. А Гугуми—она раньше и не подозревала, что он мог быть так хорош по-своему, одушевленный страстною злобою. Во всей его фигуре сказывался оттенок какого-то прирожденного благородства, которого недоставало его товарищам. Очертания его тела были менее угловаты, чем у них, лоснящаяся кожа была нежнее и чище. На груди его красовался большой полумесяц, вырезанный из перламутра и привешенный к ожерелью из дельфиновых зубов. На лбу венок из блестящих белых раковин. Под коленом нитка белых бус, что-то в роде подвязки. Все это вместе придавало ему щеголеватый вид. Узкая полоска белой ткани на бедрах завершала наряд. А еще ей метнулся в глаза беспокойно кривлявшийся подвижной, морщинистый старичок, удивительно похожий на сердитую обезьяну.

— Гугуми!—взвизгнула Джен.—Режь тростник сейчас, не то стукну по голове, даю слово!

Гугуми окинул ее презрительным взглядом и ничего не ответил. Вместо ответа он оглянулся по сторонам, соразмеряя расстояние, на какое подошли остальные товарищи, и в то же время украдкой подался на несколько дюймов вперед.

Положение становилось отчаянным. Оставалось только броситься вперед и прорваться.

Она взмахнула хлыстом и вонзила шпоры в коня. Конь взвился на дыбы и обрушился на Гугуми. Это произошло во мгновение ока. Вся орава, за исключением Гугуми, кинулась за ней с поднятыми ножами. Гугуми успел отскочить в сторону и уже размахнулся ножом своим, собираясь нанести сокрушительный удар, который рассек бы наездницу пополам. Но последняя пригнулась к луке, и удар его пришелся по краю седла. Стальное лезвее, задев юбку, рассекло седло и чепрак и даже поранило спину коня. Замахнувшаяся правая рука Джен опустилась. Гибкий хлыст свистнул в воздухе. Она увидела белый след на темном красивом лице, заклейменном хлестким ударом. В тот же миг, смятый лошадью, морщинистый старикашка опрокинулся навзничь, и она услышала уже издали позади себя

его злобное бормотание, напоминавшее рычание рассерженной обезьяны.

Прорваться удалось. Джен очутилась на свободе и понеслась к дому во весь опор.

Обладая выправкой настоящего моряка, Джен способна была оценить по достоинству быструю распорядительность Шелдона. Когда она влетела к нему, как бомба, со своими вестями, он, вскочив с кресла, в котором сидел до того развалясь в ожидании завтрака, неистово захлопал в ладоши, скликая прислужников.

Прислушиваясь одним ухом к тому, что она договаривала, он одновременно пристегивал к поясу сумку с патронами и спешно проверял механизм своего автоматического револьвера.

— Орифайри!—скомандовал он.—Ступай, фелла, бей во всю мочь в большой колокол! Отзвонишь, седлай мне коня! Вайсбери, беги скорей на деревню, скажи Сили, что у нас сбежало много народу, десять фелла и два фелла-чернокожих, фелла-чертей!

Потом он черкнул наскоро пару слов и сунул листок Лалаперу:

— Лалаперу, живо иди к белому фелла, мастеру Баучеру! Мы их отрежем от берега с обеих сторон,—обернулся он к Джен.—Старый Сили всю деревню отправит за ними в погоню.

По набату первыми сбежались впопыхах таитяне. А через час уже все чернокожие рабочие были налицо.

Шелдон роздал таитянам-матросам оружие, патроны и наручники. Адаму-Адама он поставил с заряженным ружьем караулить вельботы, Ноа-Ноа и Матану он приказал следить за толпой чернокожих и стараться занять ее чем-нибудь во избежание возможного бунта. Остальные пятеро таитян должны были сопровождать пешими хозяев.

— Хорошо, что мы откопали их оружейный склад,—заметил Шелдон, когда они выехали со двора.

Вскоре они повстречали один из возвращавшихся отрядов. Это был отряд Квэка, но самого Квэка не было с ними. Шелдон встревожился и спросил:

— Где же фелла Квэк? Почему его нет?

Все затараторили разом, так, что ничего нельзя было разобрать.

— Замолчите!—скомандовал Шелдон.

Он заговорил властным голосом белого человека, привыкшего обращаться с неграми, как со скотиной.

— Слушай, ты, Бабатаки, разевай рот один!

Бабатаки выступил вперед, чванясь тем, что выбор пал на него.

— Гугуми кончал Квэка совсем,—доложил он.—Он чик-чик голова и бежал, как чертяка!

В коротких словах и довольно отчетливо передал он, как произошло убийство, после чего Шелдон и Джен двинулись дальше. В зарослях,

на том месте, где чернокожие атаковали Джен, все еще валялся, кривляясь и гримасничая, морщинистый старичок, сбитый с ног скакуном. Оказывается, лошадь наступила ему на ногу и совершенно раздробила стопу. Он отполз все-таки шагов на сто от того места, где свалился, но тут почувствовал, что ему не уйти.

Второй партии рабочих, возвращавшейся из наиболее отдаленного уголка плантации, велено было отнести его в дом.

На расстоянии одной мили от этого места, там, где следы вели в лес, они нашли распростертое тело несчастного Квэка. Голова была отрезана и унесена. Все же Шелдон был уверен, что это труп Квэка. Очевидно, тут происходила упорная борьба, ибо от трупа тянулся кровавый след.

Когда они добрались до леса, им пришлось сойти с лошадей. Папахера остался на опушке стеречь лошадей, а Джен, Шелдон и остальные таитяне двинулись дальше пешком. Тропинка вела к болотистой поляне, которую заливала в половодье речка Беранда. Кровавые следы в этом месте пересеклись следами крокодила. Сбежавшиеся дикари, очевидно, наткнулись па дремавшего на солнцепеке крокодила и изрубили его в куски. Это обстоятельство задержало их бегство и дало возможность их раненому товарищу отдохнуть.

Целый час они продвигались по протоптанной дикими кабанами тропинке, и, наконец, Шелдон остановился. Кровавые следы исчезли. Таитяне рассыпались по чаще, и скоро Утами подал знак, что сделал находку. Джен остановилась ждать на тропинке.

— Это Мзуко,—сообщил вернувшийся оттуда Шелдон.—Квэк ранил его, а он сюда притащился и умер. Двоих уже разыскали. Остается еще целый десяток. Не довольно ли с вас, вы, должно быть, замучились?!

Джен кивнула головой.

— Тяжело на это смотреть,—сказала она.—Я лучше вернусь назад, к лошадям, и буду вас поджидать там.

— Но вам нельзя возвращаться одной. Возьмите с собой двух провожатых.

— В таком случае поеду дальше,—сказала она.—Было бы неблагоразумно оставлять погоню, а я физически не устала.

Следы повернули в правую сторону, как будто свидетельствуя о том, что бежавшие изменили свой первоначальный план и направились к Бейльсуне. Но следы забирали все правее и правее, образуя петлю, которая вела назад, к тому закоулку плантации, где погоня оставила своих лошадей. В то время, как они пересекали глухой кустарник, из которого выпорхнула двенадцатидюймовая бархатистая бабочка, они услыхали треск ружейной пальбы.

— Восемь выстрелов,—насчитала Джен.—И все из одного и того же ружья. Это, должно быть, стрелял Папахера.

Они заспешили на помощь к нему, но, добравшись до места, остановились в крайнем недоумении. Спутанные лошади щипали траву, а Папахера, сидя на корточках, преспокойно раскуривал трубку. Подойдя к нему, Шелдон споткнулся о мертвое тело, лежавшее в густой траве, и чуть не упал. Привстав, он заметил рядом другое. Одного из убитых признала Джен. Это был Косси, один из сородичей Гугуми, тот самый, который вызвался изловить, когда «солнце на низ», поросенка и поймать на крючок Сатану.

— Не везет, мисси!—вздохнул Папахера, обращаясь к Джен.—Подцепил только двух. Целил в Гугуми, сорвалось, промахнулся.

— Но ты их убил!—возмутилась Джен.—Зачем ты их убил? Почему не схватил живыми?!

Таитянин виновато улыбнулся.

— Как их было поймать?—развел он руками.—Я покуривал трубку, вспоминал Таити, плоды хлебного дерева и славное времечко в Бора-Бора. Вижу, из леса выскочило десять человек, и на меня! У каждый длинный нож. Гугуми держал одной рука длинный нож, другой рука голову Квэка. Я не мог хватать. Я стрелял, как чорт. Как ловить? Десять бой, десять нож и голова Квэка в одной рука!

Разбросанные следы остальных дикарей опять сошлись вместе после неудачной попытки нападения на Папахеру. Все они вели теперь к Беранде, через которую перешли беглецы с явным намерением укрытъся в болотистых зарослях по ту сторону плантации.

— Нам незачем итти дальше—объявил Шелдон.—Сили выйдет из своей деревни и выгонит их оттуда. Они низачто не укроются от него. Наше дело теперь охранять побережье и не дать им напасть на плантацию и учинить там разгром. А вот и они как-раз: я так и думал!

В густых темных зарослях на противоположном берегу реки промелькнул небольшой челнок. Он пронесся, как тень. Трое голых дикарей бесшумно опускали весла. На планшире челнока сложены были длинные тонкие копья с костяными наконечниками, а за спиной у каждого дикаря висел колчан, наполненный стрелами. От зорких глаз охотников за беглецами ничто не могло ускользнуть. Они сразу заметили Шелдона и Джен, но не подали вида. На том месте, где Гугуми со своими товарищами выходил перед тем из реки, челнок сразу остановился, потом поворотил назад и скрылся за частыми и тенистыми деревьями. Вслед за тем из-за поворота реки выскользнули одна за другой вторая и третья такие же лодки и

все они пронеслись, как привидения, исчезли в том же направлении, как и первая.

— Надеюсь, убивать больше никого не будут,—молвила Джен, когда они повернули домой своих коней.

— Полагаю, что так,—успокаивал ее Шелдон.—Я уговорился с Сили платить ему за одних только пленных, и уверен, что он будет соблюдать в виду этого крайнюю осторожность.

ГЛАВА XXIII

Вести из лесу

Никогда еще так упорно не преследовали беглецов из Беранды, как в этот раз. Пример Гугуми и его сотоварищей мог оказаться соблазнительным для полутораста вновь завербованных негров. Беглецы затевали разбой, убили надсмотрщика и нарушили договор найма. Шелдон находил, что надо показать вновь набранным людям, как опасно подражать дурному примеру, и он не давал Сили покоя ни днем ни ночью, беспрестанно его понукая, а сам все время жил в лесу вместе с таитянами, предоставив Джен управляться с плантацией.

С северной стороны беглецам давал отпор Баучер. Он дважды отбрасывал их от берега, к которому они пытались пробраться. Вскоре их переловили одного за другим. При первой же облаве Сили поймал двух из них на болоте. Его же охотники подобрали и третьего, которого ранил в ногу Баучер, обходивший беглецов с севера. Всех этих трех злосчастных пленников заковали крепко-накрепко в кандалы и ежедневно выставляли напоказ во дворе усадьбы в назидание ста пятидесяти полудиким людям из Пунга-Пунга. Когда же мимо Беранды проходила «Минерва», шедшая из Тулаги, ей подали сигнал выслать на берег шлюпку, и отправили всех трех арестантов к комиссару в Тулаги. Там их засадили в тюрьму до суда. Пока на свободе оставалось еще четверо, но им улизнуть было трудно. К берегу им нельзя было спуститься, а забраться в глубь леса не давал страх перед бушменами. Спустя некоторое время один из пяти явился сам добровольно и сдался. Он донес Шелдону, что в лесу осталось только трое: Гугуми и двое других. Четвертого, по его словам, убили и съели товарищи. А он испугался подобной участи и потому решил сдаться. Он был родом из Малаиты, так же как и его соратник, которого убили и съели Гугуми и его двое соплеменников из Порт-Адамса. Сдавшийся заявил, что предпочитает правительственный суд и расправу горькой участи быть съеденным своими же товарищами-беглецами.

— Гугуми меня скоро «кай-кай»,—говорил он,—мой, ей-ей, не хочет «кай-кай»!

На третий день после этого Шелдону попался в руки еще один из этих оставшихся в лесу беглецов, который заболел болотной лихорадкой и не в силах был ни драться, ни убегать. Одновременно Сили схватил и еще одного при таких же условиях. На свободе оставался один только Гугуми, и когда погоня стала чересчур наседать на него, он преодолел страх свой перед бушменами и подался в лесные дебри, туда, где пролегал горный хребет. Шелдон с четырьмя таитянами и Сили со своими тридцатью охотниками погнались по его следам и прошли миль двенадцать по открытой лощине, но у Сили и его людей нехватило мужества итти дальше. Он признался, что ни разу еще никто из них не рисковал забираться так далеко в глубину острова, и предостерегал Шелдона, рассказывая ему разные ужасающие истории о зверстве лесных жителей. Бывало, в прежние годы, по его словам, бушмены спускались по этой лощине к берегу и нападали на туземцев, живших у моря, но с тех пор, как на берегу поселились белые люди, они не показываются, и никто из прибрежных жителей уже больше никогда не видал их.

— Гугуми, фелла, бушмен кончал,—уверял он Щелдона.—Ей-ей, скоро кончал. «Кай-кай», верно!

А потому экспедиции пришлось вернуться назад. Туземцы ни за что не соглашались итти дальше, а Шелдон отлично понимал, что продолжать погоню одному с четырьмя таитянами было безрассудно. Перед ним расстилалась равнина, а вдали—отлогие склоны холмов. Он стоял в высокой траве, доходившей ему до пояса, и с сожалением глядел вдаль, на массивную скалистую вершину горы, на эту «Львиную Голову», вырисовывавшуюся на голубом фоне неба в самом центре Гвадалканара. Эта вершина, на которую не ступала еще нога белого человека, служила указателем пути кораблям, проходившим мимо Гвадалканара.

Вечером того же дня, после обеда, Шелдон и Джен играли на билиарде. Вдруг они услышали лай Сатаны, и Лалаперу, которого послали узнать в чем дело, привел усталого, измученного туземца, который просил, чтобы ему дали возможность переговорить с «большим фелла». Хотя в такой поздний час никого постороннего, обыкновенно, в дом не пускали, но он так настойчиво добивался, что ему было разрешено войти во двор. Шелдон вышел к нему на веранду и с первого взгляда,—по осунувшемуся лицу и изнуренному виду пришельца,—понял, что последний принес важную весть.

Тем не менее Шелдон строго спросил его:

— Что такое? Зачем ты пришел сюда после захода солнца?

— Мой Чарли,—пробормотал чуть слышно и робко пришелец.— Мой—бину.

— А, бину-Чарли! Ну, что тебе? Где твой большой фелла, белый мастер?

Шелдон и Джен стали слушать доклад бину-Чарли. Он рассказывал им про движение экспедиции вверх по Бейльсуне, о том, как они перетаскивали челноки через пороги, как они переплыли то место, где река протекает по лугам, как белые промывали много раз золотоносный песок, как они подступили к холмам, какие опасные западни попадались в лесу по тропинкам, как они впервые повстречались с лесовиками, которые еще не знакомы с употреблением табаку и притворяются людьми весьма кроткими, как они добрались до подножья «Львиной Головы», как мучила белых людей лихорадка и как они страдали от ран, причиненных кустарниками, наконец, как безрассудно доверились белые люди бушменам.

— Все время я говорил белому фелла-мастер: «Этот фелла-бушмен не отводит глаз, он понимает много. Пока держит он ружье, он хорош. Но глаз не сводит все время. Когда нет ружье, ей-ей, снесет голову, он «кай-кай» тебе сделает, вот что!»

Лесовики перехитрили белых путешественников, они проявили большую выдержку. В течение нескольких недель они ничем не выдавали своих преступных намерений. Число бушменов, заходивших в лагерь белых, стало постепенно возрастать. Они то-и-дело приносили белым разные подарки: дичь, поросят, дикие овощи и плоды. Куда бы золотоискатели ни переносили свой лагерь, везде находились охотники помогать им в переноске вещей. Белые становились час-от-часу все более доверчивыми и беспечными. Им тяжело было таскать на себе ружья и патроны во время утомительных разведок и, отлучаясь, они часто оставляли свое оружие в лагере.

— Мой не раз говорил: «белый мастер, держи ухо востро!» Фелла-мастер смеялся, говорил: «бину-Чарли—дите». Ей же ей, говорил мой дите.

В одно утро бину-Чарли заметил, что их женщины и дети исчезли. Тюдор в это время валялся без памяти, подкошенный приступом лихорадки, на месте прежней стоянки, в пяти милях от нового лагеря, передвинутого поближе к золотоносной кварцевой жиле, выходившей концом на поверхность земли. Бину-Чарли показалось весьма подозрительным то обстоятельство, что вблизи лагеря не видно ни черных Марий, ни детворы, и он побежал к Тюдору.

— Мой ворочал мозгами, как чорт!—рассказывал он.—Черный Мария, малютка ушел. Отчего? Мой понял—дело плохо, большой беда. Мой пужался, как чорт. Мой подсаливал пятки. Ей-ей, мой бежал!

Он взвалил себе на плечи больного Тюдора и отнес его в лес на целую милю от того места, где тот лежал в лихорадке. Потом, заметив чьи-то следы, отошел еще дальше на четыре мили, в самую глушь, и запрятал его в сучьях бананового дерева.

После этого бину-Чарли вернулся назад, чтобы унести ружье и спасти остальное имущество, но натолкнулся на банду лесовиков и спрятался в чаще. Тут он услыхал два ружейных выстрела, раздавшихся со стороны главного лагеря. Больше он ничего не услышал. Он не знает, какая судьба постигла остальных членов экспедиции, ибо не решался подойти к главному лагерю. Он вернулся к Тюдору и прожил там вместе с ним целую неделю, питаясь дикими плодами и несколькими подстреленными из лука голубями и какаду. Наконец, он решил возвратиться в Беранду и донести о случившемся. Тюдор, по его словам, изнемогал от болезни, бредил по целым дням, а приходя в сознание, чувствовал себя ослабевшим настолько, что не в силах стоять на ногах.

— А почему ты не убил большого фелла, белого мастера?—спросила Джен.—У него хорошее ружье, много коленкора, табаку, ножей и два маленьких ружьеца, что стреляют так быстро, вот так: пиф, паф, паф!

Бину скорчил хитрую рожу.

— Мой хорошо понимал, что если мой убил большой фелла, много белых фелла ходил к бину, спросил: «откуда ружье?» и будет бину-Чарли конец. А если мой не убил, большой фелла много давал табак, ситец, всего много, много!

— Остается только одно!—сказал Шелдон, обращаясь к Джен. Она молча барабанила пальцами по перилам. Бину-Чарли уставился на нее воспаленными, немигающими глазами.

— Я отправлюсь завтра же поутру,—объявил Шелдон.

— Мы отправляемся,—поправила его Джен.—Я со своими таитянами сделаю вдвое больше, чем вы. Да и, кроме того, белому человеку не годится оставаться одному в таких случаях.

Он пожал плечами не в виде протеста, а в знак того, что уступает ей, зная, что спорить было бы бесполезно. Он утешал себя тем, что если оставить ее одну в Беранде на целую неделю, то бог знает, что она может натворить. Он позвал слуг, и через каких-нибудь четверть часа они передали его приказание по баракам. Послали на деревню Бейльсуну с приказанием Сили немедленно явиться. Отправили матросов на вельботе к Баучеру с просьбой приехать в Беранду. Роздали снаряжение таитянам и перенесли на лодки целую кладовую,

запасаясь пищей на несколько дней. Вайсбери пожелтел от страха, когда ему приказали собираться в горы, но Лалаперу, к всеобщему удивлению, вызвался заменить его.

Сили явился преисполненный гордости, что большой мастер Беранды пригласил его в поздний час на совет, но с твердым решением ни за какие блага не переступать больше опасной черты, за которой находилось царство лесовиков.

Он заявил, что если бы золотоискатели спросили его совета, когда отправлялись в дорогу, то он предсказал бы им ожидавший их печальный конец. Всякому, кто только осмелится вступить во владения лесовиков, не миновать быть съеденными. И хотя его об этом не спрашивали, но все-таки он счел нужным предупредить Шелдона, что и его, Шелдона, ожидает та же участь.

Шелдон послал за приказчиком и велел ему отобрать и привести десять человек самых рослых и крепких дикарей из Пунга-Пунга.

— Не из прибрежных жителей, а из лесовиков,—наказывал Шелдон.—Те, которые не умеют обращаться с оружием, не годятся. Приведите мне таких, фелла, ребят, которые хорошо умеют стрелять.

Вскоре на веранде выстроились при свете фонарей отобранные приказчиком молодцы. Мускулитые толстые икры их свидетельствовали о том, что они настоящие бушмены—лесные люди. Все они говорили, что им не раз приходилось воевать в лесных дебрях у себя на родине, и в подтверждение своих слов некоторые из них указывали на застарелые рубцы, свидетельствующие довольно красноречиво о боевых схватках, в которых они участвовали. Они пришли в восторг от предложения отправиться в опасную экспедицию, отрывавшую их от однообразной и скучной работы на плантации. Им надоело корчевать деревья, их манили воинственные приключения. Пожалуй, они не рискнули бы отправиться в неведомые дебри Гвадалканара одни. Но, отправляясь с таким белым хозяином, как Шелдон, и с такой белой Марией, как Джен, они рассчитывали весело провести время. К тому же еще большой мастер объявил им, что с ними вместе пойдут эти восемь великанов-таитян.

Волонтеры из Пунга-Пунга весело поглядывали по сторонам и широко улыбались. Наготу их прикрывали одни только набедренные пояса да варварские украшения. В ноздрях у каждого висело плоское черепаховое колечко, а в ушной мочке или на бисерном нарукавнике—глиняная трубка. На груди у одного из них красовалась пара великолепных кабаньих клыков. А у другого—блестящий диск огромной ископаемой раковины.

— Большой будет, фелла, бой!—предупредил их все-таки Шелдон.

Они осклабились, выказывая признаки удовольствия.

— А что, если попадетесь бушменам, «кай-кай»?—спросил он.

— Мы не боимся,—ответил один из них, статный парень с толстыми губами, по имени Кугу.

— Может быть, мы сами их «кай-кай»!

Шелдон отпустил их, а сам пошел в кладовую, чтобы выбрать холста на палатку для Джен.

ГЛАВА XXIV

В лесных дебрях

На рассвете следующего утра из Беранды выступила весьма внушительная экспедиция. В состав ее входили: Джен, Шелдон, бину-Чарли, Лалаперу, восемь человек таитян и десять дикарей из Пунга-Пунга, чрезвычайно гордившихся тем, что у каждого из них была в руках новенькая блестящая винтовка современной системы. Наконец, вдобавок еще две команды гребцов из числа рабочих плантации, по шести человек каждая. Экспедиция двинулась вперед, вначале вверх по реке в челноках и пирогах.

Впрочем, двенадцать гребцов не шли дальше Карли, где водный путь прекращался и где их оставили сторожить челноки. Баучера просили остаться в Беранде для присмотра за плантацией.

К одиннадцати часам утра экспедиция прибыла в Бину—поселок из двадцати хижин. Здесь к ней примкнуло еще тридцать туземцев из Бину, вооруженных стрелами и копьями. Они кривлялись и оживленно болтали, восхищаясь боевым снаряжением выстроившихся по-военному людей. Широкая, просторная гладь реки осталась позади и сменилась более быстрым течением в более узком русле реки. Продвигаться вперед по воде становилось все труднее и труднее. Бейльсуна постепенно мельчала, и тяжело нагруженные лодки часто задевали песчаное дно. Местами узкое верховье реки загромождали стволы упавших деревьев. Приходилось останавливаться и перетаскивать челноки.

К ночи отряд добрался до Карли, сделав в один день расстояние, на которое экспедиция Тюдора потратила двое суток.

Здесь, в Карли, экспедиция оставила лодки под присмотром гребцов. Толпа туземцев из Бину отстала от экспедиции. Некоторые смельчаки прошли еще с версту, но скоро струсили и удрали назад. Один бину-Чарли шел вперед и указывал дорогу, по которой продвигалась компания золотоискателей.

На ночь они расположились между холмами, забравшись в самую чащу тропических джунглей. Утро третьего дня застало их уже на тропинках, проложенных бушменами. По этим узеньким тропинкам,

беспрестанно скрещивающимся, приходилось пробираться гуськом. Кустарник сменился лесом, молчаливым, глухим. Воздух здесь напитан был ароматическими испарениями. От времени до времени тишина нарушалась только воркованием дикого голубя или резким смехом белоснежного какаду, перелетавшего с ветки на ветку.

Здесь около полудня приключилось несчастье. Бину-Чарли куда-то запропастился, и вместо него во главе отряда очутился Кугу из Пунга-Пунга, тот самый молодец, который хвастал, что сам будет бушменов «кай-кай». Джен и Шелдон услышали, что впереди что-то треснуло, и в то же время увидели, что Кугу взмахнул руками, выпустил ружье и упал на колени. Из его спины торчал кверху костяной наконечник стрелы, пронзившей его насквозь. Моментально защелкали со всех сторон взводимые курки ружей. Но кругом продолжала царить тишина, ни звука, ни шелеста—одна только тягостная, влажная тишина.

— Бушмена нет!—крикнул догонявший их бину-Чарли, и этот окрик заставил вздрогнуть не одного из шедших.—Чортово дело, ловушка! Фелла Кугу плохо смотрел свой глаз. Он не понимай ничего.

Кугу лежал ничком в агонии на том месте, где свалился. Когда Чарли подбежал к нему, он конвульсивно содрогнулся и испустил дыхание.

— Прямо в сердце,—промолвил наклонившийся над ним Шелдон.—Это, очевидно, какая-то западня!

Оглянувшись на Джен, он заметил, что лицо ее побледнело, как полотно. Она уставилась широко раскрытыми глазами на жалкие останки того, кто за минуту перед тем был живым человеком.

— Я сама завербовала этого молодца,—прошептала она.—Он сам явился ко мне на «Марту» из лесов Пунга-Пунга. Я гордилась этим. Он был первым туземцем, которого я завербовала.

— Эй-эй, посмотри сюда, фелла,—прервал ее речь бину-Чарли, отодвигая нависшую над тропинкой густую листву, из-под которой выпячивался массивный лук такой величины, что натянуть его было не под силу одному человеку.

Проводник проследил механизм западни и обнаружил запрятанный в дереве конец шнура, наступив на который, Кугу спустил тетиву.

Теперь отряд проник в самую глубь девственной чащи. В этом месте царили вечные сумерки. Солнечные лучи не могли прорваться сквозь сплошную массу листьев и лиан. Таитян подавляло таинственное и мрачное безмолвие леса, особенно после этого печального происшествия, но они хотели казаться бесстрашными и торопились итти вперед. Дикари же из Пунга-Пунга, наоборот, сохраняли полную невозмутимость. Они сами были лесовики и давно свыклись с военными хитростями молчаливой борьбы, хотя у них на родине

применялись другие приемы. Джен и Шелдону было не по себе. Настроение у них было в высшей степени угнетенное. Они были подавлены больше всех, но должны были побороть в себе тревожные чувства и бравировать опасностью, чтобы поддержать престиж белого человека, большого фелла-мастера, людей высшей породы.

Бину-Чарли шел попрежнему вперед, и от его взгляда не могла укрыться ни одна западня. Их путь был уставлен множеством всевозможных препятствий. Самыми неприятными из них были замаскированные колючки, воткнутые в грунт и вонзавшиеся в босые ноги неосторожных пришельцев. Однажды вечером бину-Чарли сам чуть не упал в волчью яму, устроенную посредине дорожки. Иной раз всему отряду приходилось останавливаться и долго ждать, пока бину-Чарли осмотрит все подозрительные места впереди. А иногда проводнику приходилось даже сворачивать в сторону и пробираться через густые заросли, чтобы подойти к ловушке сзади. Но несмотря на все предосторожности, он однажды наступил на шнурок, разрядивший запрятанный лук, но сорвавшаяся стрела пролетела мимо него и только оцарапала плечо одному из сородичей Кугу.

Когда они вышли на более просторную дорожку, к которой привела их тропинка, Шелдон остановился и спросил бину-Чарли, знает ли он, куда она ведет.

— Скоро, фелла, сад,—ответил он.—Дай вперед мой смотрел.

Он отправился на разведку и скоро вернулся.

— Идите тихо за мной,—сказал он.—Близко, фелла, сад. Тут, фелла, мы можем захватить кого-нибудь из бушменов.

Подкравшись к огороду и дойдя до просеки, бину-Чарли поманил к себе Шелдона. Джен пошла за Шелдоном и выглянула из-за его спины. Расчищенная площадка размером в пол-акра была обнесена частоколом, защищавшим садик от кабанов. В огороде росли банановые деревья, усыпанные почти созревшими плодами, а между ними был посажен сладкий картофель и ямс [1]). В уголке, у забора стоял легкий навес. Около него сидел на корточках сухощавый бородатый лесовик.

Над костром был подвешен и коптился в густом дыму какой-то круглый темный предмет. Лесовик не отводил от него глаз.

Шелдон подошел, подал знак своим людям подойти поближе и приказал им не стрелять, а попытаться схватить дикаря. Джен наградила Шелдона улыбкой одобрения. Чернокожие бесшумно разместились таким образом, чтобы им можно было одновременно накинуться на

---

1) Ямс — вид многолетних трав, растущий в теплых и жарких странах. На корнях ямса возникают клубни, содержащие крахмал, ради которых ямс и разводится под тропиками.

бушмена с разных сторон. Лица им выражали отвагу и были серьезны, глаза горели: для них эта игра на жизнь и смерть была единственным развлечением в жизни, хотя приемы этой игры были низкие, они предпочитали нападать исподтишка, убивая сзади и избегая вступать в открытый бой.

По знаку Шелдона десять вооруженных людей бросились вперед, в том числе и бину-Чарли. Насторожившийся уже перед тем бушмен вскочил на ноги. В его руках очутился лук. В одно мгновение он вставил в него стрелу и выпустил ее в нападавших. Человек, в которого он метил, увернулся, и прежде чем он успел пустить вторую стрелу, чернокожие навалились на него и обезоружили.

— Да ведь это настоящий древний вавилонянин!—воскликнула Джен, взглянув на него.—Это ассириец, финикиянин! Посмотрите на этот прямой нос, узкий овал лица, высоко поставленные скулы и скошенный лоб! Посмотрите на эту бороду, на эти глаза...

— И вьющиеся кудри,—добавил со смехом Шелдон.

Видно было, что лесовик испугался ужасно и ожидал, что его тут же убьют. Однако, он не думал становиться на колени и просить пощады. Наоборот, он оглядывался с тупым высокомерием и, наконец, увидев Джен, уставился на нее во все глаза, так как это была первая белая женщина, которую он видел в своей жизни.

— Ей-ей, лесные жители съели этого человека!—заметил бину-Чарли.

Он выговорил эти слова так просто, что Джен спокойно повернулась посмотреть на то, что обратило на себя его внимание, и вдруг увидела перед собою лицо Гугуми. Этот темный предмет, висящий над костром и коптившийся в дыму, был головой Гугуми. Очевидно, ее сняли с плеч еще очень недавно, и она не успела еще почернеть от копоти. Глаза были закрыты, но с красивого лица, покачивавшегося в клубах дыма, не стерлась печать живого злобного мужества.

Поведение дикарей Пунга-Пунга коробило Джен. Они сразу признали, чья это голова, и покатывались со смеху, пронзительно взвизгивая и отпуская какие-то шутки. Им казалось забавным, что Гугуми попался, как кур во щи. Его бегство не удалось, он потерпел неудачу. Какую, в самом деле, ловкую шутку сыграли с ним лесовики: они его взяли и слопали.

— Вот смешно-то!

Все это казалось им очень просто. Гугуми завершил свой жизненный путь самым обычным в стране людоедов способом. Он сам был головорезом, а теперь ему отрубили голову. Он ел людей, а теперь люди съели его самого.

Натешившись вдоволь, дикари, наконец, утихли и разглядывали со всех сторон голову, сверкая белками. Таитяне же, наоборот,

были смущены, и Адаму-Адам покачивал головой и громко выражал свое отвращение. Джен возмутилась. Лицо ее побледнело от негодования, и на нем выступили красные пятна. В душе ее шевельнулось желание мести.

Шелдон посмеивался над ней.

— Нечего сердиться!—сказал он.—Вспомните, что он отрубил голову Квэку и зарезал одного из своих товарищей-беглецов. Такова их повадка. С ним расправились так же, как он расправлялся с другими.

Джен смотрела на него исподлобья, и губы ее нервно подергивались.

— Не забывайте еще того,—продолжал Шелдон,—что он сын вождя и что его соплеменники в Порт-Адамсе не успокоятся до тех пор, пока в отместку не снесут голову белому человеку.

— Как это все смешно и ужасно!—проговорила, наконец, Джен.

— И... и романтично, не правда ли?—лукаво добавил Шелдон.

Она ничего не ответила ему на это и отвернулась, но Шелдон почувствовал, что задел её за живое.

— Тот фелла-бой—больной, живот мутит,—сказал бину-Чарли, указывая на малого из Пунга-Пунга, которому стрела недавно оцарапала плечо.

Негр сидел на корточках, обхватил руками колени и стонал, вертя головой. Шелдон тотчас же сорвал с него повязку и промыл ему рану марганцем. Очевидно, стрела была отравлена, и, несмотря на принятые меры предосторожности, плечо распухало все больше и больше.

— Пойдемте дальше и поведем его за собой,—сказала Джен.— Ему полезно движение—усиленное кровообращение обезвредит яд. Адаму, бери его за руку и присматривай за ним. Если упадет, не давай ему спать. Если он заснет, он умрет!

Теперь им стало легче пробираться вперед, ибо бину-Чарли заставил лесовика итти впереди и расчищать путь.

На одном из поворотов дорожки выдавалась густая листва, за которую кто-нибудь из них уж, наверно, зацепил бы плечом. Здесь проводник-бушмен остановился и особенно осторожно стал раздвигать ветки. Оттуда торчало острее копья, поставленного с таким расчетом, чтобы оно могло оцарапать прохожего.

— Ей-ей,—сказал бину-Чарли,—тот, фелла, копье—сам чорт!

Он взял его в руки и, как будто подшучивая над лесовиком, сделал вид, что хочет царапнуть его. Лесовик отскочил с ужасом. Оказалось, что острее отравлено, и бину-Чарли после этого все время угрожал им бушмену, неся копье у него за спиной.

Солнце уже садилось за вершиной скалистой горы. Ранние сумерки спустились на землю. Путники медленно подвигались вперед

по таинственному, мрачному лесу, полному ужасов, безмолвной, внезапной смерти, угрожавшей на каждом шагу, и первобытных, животных инстинктов звероподобных дикарей. Пот катился с путников градом... Влажный воздух напоен был удушливыми испарениями, поднимавшимися от опавшей гниющей листвы, устилавшей мягким ковром слой плодородного чернозема.

По указанию бину-Чарли они свернули с дорожки в сторону и ползком на четвереньках по грязи стали с трудом пробираться между высоких зарослей и кустарников, доходивших кое-где до двенадцати футов высоты. Наконец, они подошли к величественному банановому дереву, покрывавшему своей кроною до пол-акра земли. Оно образовало среди окружающих джунглей свое собственное царство еще более густой тени. Из мрачной глубины этой чащи исходили какие-то хриплые звуки, похожие на напев одичалого существа.

— Ей-ей, фелла-мастер не сдох еще!

Пение оборвалось, и слабый надтреснутый голос издал восклицание:

— Алло!

Джен откликнулась немедленно, и голос задребезжал опять:

— Я не бредил, не думайте! Я напевал, чтобы поддержать в себе бодрость. Нет ли чего-нибудь поесть?

Тюдора немедленно сняли с дерева и положили на разостланное одеяло. Развели костер, достали и нагрели воды, раскинули палатку для Джен. Лалаперу распаковал тюки и достал оттуда консервы. Тюдор хотя и оправился от жестоких приступов лихорадки, но был изнурен до последней степени и умирал от голода. Москиты искусали его до того, что физиономию его было трудно узнать, и оставалось только принимать на веру, что это Тюдор, а не кто-нибудь другой. Джен имела с собою домашнюю аптечку и забинтовала его распухшее лицо.

Шелдон одним глазом следил за людьми, устраивавшими лагерь и располагавшимися на ночевку, а другим ревниво поглядывал на Джен и страдал от каждого прикосновения ее рук к лицу и телу Тюдора. Теперь эти руки, умело и нежно облегчавшие ужасные страдания, уже перестали казаться ему руками мальчишки, руками той девицы-кавалериста, которая, побледнев, сверкающими глазами смотрела на окутанную дымом голову Гугуми. Теперь это были настоящие женские руки, и Шелдон улыбнулся при мысли о том, как хорошо было бы нарочно провести целую ночь без защитной сетки, чтобы заставить наутро эти милые женские ручки заботливо прикладывать примочки к его собственному пострадавшему от москитов лицу.

ГЛАВА XXV

Охотники за головами

Дальнейший план похода наметили накануне вечером. Тюдор должен был остаться в своем убежище под банановым деревом и набраться сил, пока отряд не закончит своих дел. Джен решила, что надо итти дальше и попытаться спасти хотя бы одного из оставшихся в живых участников экспедиции Тюдора. Ни Шелдон, ни Тюдор не могли никоим образом уговорить ее остаться на месте, пока Шелдон будет продолжать поиски. Адаму-Адаму и Арагу поручено было охранять больного Тюдора. Таитянина Арагу выбрали потому, что он хромал от занозившей ему ногу колючки, отравленной ядом. Видно было, что яд, которым пользовались лесовики, был медленно действующим и не особенно сильным, ибо раненый дикарь из Пунга-Пунга был еще жив, и хотя плечо у него раздулось ужасно, но воспаление уже проходило. Этот тоже остался с Тюдором.

Бину-Чарли указывал дорогу, но для безопасности заставлял пленного бушмена итти вперед, угрожая ему сзади отравленным копьем. Тропинка все еще вела через болотистый кустарник, и они знали, что, пока не выберутся на более возвышенное место, нельзя рассчитывать встретить какой-нибудь поселок. Они с трудом пробирались сквозь чащу, вдыхая душные испарения и обливаясь потом. Их со всех сторон окружало море роскошной, буйной растительности. Из земли выпирали и загораживали путь толстые, узловатые корни огромных деревьев, сучья которых были переплетены извивающимися змееподобными лианами толщиной в человеческую руку. Сочные стебли травянистых растений распростирали чудовищные свои листья с влажным, бархатистым покровом. Местами, подобно скалистым островам, возвышающимся над морем, росли величественные бананы, распространяющие во все стороны волны зелени. Огромные их вершины прикрывали куполом бесчисленные колонны ниспадавших побегов, похожих издали на портики храма, под сводом которого царила вечная мгла. Пышные папоротники, мхи и мириады тропических пестрых грибовидных растений переплетались с легким,

воздушным кружевом вьющихся лиан, усыпанных нежными, трепещущими цветочками. Бледно-золотые и пунцовые орхидеи раскрывали свои причудливые цветы навстречу ярким солнечным бликам, пробивавшимся сквозь густые покровы листвы. Это был волшебный, таинственный лес, какой-то радужный, но в то же время зловещий, замкнутый склеп безмолвия и тишины, в котором ничего не двигалось, кроме каких-то миниатюрных птичек, бесшумно перепрыгивавших с ветки на ветку. Странные, молчаливые, удивительные птички эти, похожие на летающие цветки и окраскою напоминающие болезненную пестроту орхидей, еще более усугубляли сказочную, зловещую таинственность леса.

Между сучьями громадного дерева метнулся какой-то леший. Он скользнул вниз, как тень, спрыгнул на землю, присел на корточки и пустился бежать по дорожке. Трудно было поверить, что это живой человек, а не призрак, не гном. Видение это смутило всех, кроме Чарли. Бину-Чарли моментально нацелился и пустил в него через голову пленника свое отравленное копье. Бросок был легкий, но лесовик в это время подпрыгнул, и копье пролетело между ног, не задев его. Однако, он споткнулся об рукоятку копья и упал. Не успел он подняться, как бину-Чарли навалился на него и схватил его за волосы. Оказалось, что это был молодой человек, и притом большой щеголь: лицо у него было вымазано углем, волосы посыпаны пеплом, в просверленном носу торчал свеже отрубленный хвост дикого кабана, в ушах висели сережки из таких же хвостов, шею украшало ожерелье из человеческих пальцев. Заметив другого пленника, он нахмурился, дико сверкнул белками и сердито залопотал высоким фальцетом. Его поставили в средний ряд, и один из дикарей Пунга-Пунга повел его, как пойманного зверка.

Тропинка стала понемногу подниматься в гору, лишь местами спускаясь в сырые ложбины. Но потом, забирая все выше и выше по склонам холмов, то покатым, то крутым, привела, наконец, на скалистую возвышенность, где лес редел и над головой стали проглядывать клочки темно-голубого неба.

— Близко, тут,—прошептал бину-Чарли.

Не успел он выговорить эти слова, как сверху донеслись раскатистые удары деревенского барабана. Но удары медленно следовали один за другим, в них не слышалось тревоги. Путники подошли к деревушке так близко, что могли расслышать крик петуха, перебранку двух женщин и плач ребенка. Здесь дорожка была сильно протоптана и сделалась до того крутой, что порой приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. Она не расширялась, а только углублялась, ливень так размыл ее, а следы множества поколений

настолько ее утоптали, что местами она уходила вглубь футов на двадцать ниже уровня почвы.

— Если здесь поставить одного часового с ружьем, он может устоять против тысячи,—сказал Шелдон на ухо Джен.—Двадцать человек, вооруженные копьями и стрелами, сделают то же.

Вскоре показалась деревушка, ютившаяся на небольшой выдающейся площадке, поросшей травой. Кое-где на ней высились немногочисленные деревья. Заприметив приближавшийся отряд, женщины повыскакивали из хижин с дикими воплями и, как вспугнутые перепелки, кинулись в противоположную сторону деревушки, унося с собою на руках детей. В то же время на нежданных гостей посыпались стрелы и копья.

По команде Шелдона таитяне и стрелки из Пунга-Пунга дали залп. Стрелы, копья, бушмены—все мгновенно исчезло, и сражение так же быстро окончилось, как и началось. При этом столкновении из членов отряда никто не был ранен, а бушменов было убито шесть человек. Одни только убитые остались на месте, раненых лесовики унесли с поля битвы. Таитяне и их соратники из Пунга-Пунга так разошлись, что хотели преследовать отступавших, но Шелдон воспротивился этому и был очень обрадован, когда Джен поддержала его решение. Он не ожидал этого от нее, ибо во время схватки ее обуял воинственный пыл. Ее лицо было серо, как сталь, ноздри раздувались, глаза искрились огнем.

— Бедные дикари!—сказала она.—Они повинуются своей свободной природе, и только. Снимают головы и пожирают себе подобных, полагая, что так и надо!

— Но их можно заставить щадить головы белых людей,—вставил Шелдон.

Она утвердительно кивнула головой и добавила:

— Если мы найдем у них хотя одну голову белого человека, мы истребим их деревню.

— Ей, ты, Чарли! Где, фелла, у них место для голов!

— Голова держат в дом Чорт-Чорт!—ответил Чарли.

— Вот большой, фелла, дом. Тут Чорт-Чорт!

Это была самая большая хижина деревни, украшенная прихотливым переплетом из цыновок и резными деревянными фигурами, изображавшими каких-то безобразных чудовищ—полулюдей, полуживотных. Шелдон и его спутники вошли в хижину, спотыкаясь в потемках о бревенчатые койки и задевая головами за подвешенные к потолку на веревках какие-то иссохшие очистительные жертвы и амулеты.

Вдоль стен стояли бесформенные, плохо отесанные чурбаны, изображавшие каких-то идолов и увешанные невероятно грязными

тряпками. Смрадный воздух отдавал плесенью и едкой вонью, исходившей от рыбьих хвостов и плохо очищенных крокодильих черепов, развешанных по стенам.

В центре этого довольно просторного помещения слабо курился огонек, возле которого копошился на куче золы дряхлый старик. Он вяло повернулся и уныло посмотрел на вошедших. Это был совершенно древний старик, он был так стар, что дряблая кожа его свисала складками и походила скорее на чешую, скрюченные пальцы—на длинные когти, а лицо его, худое и истощенное, напоминало голову мертвеца. Очевидно, его обязанностью было поддерживать огонь, и даже в их присутствии он продолжал подбрасывать хворост.

Над струйкой дыма висело то самое, что они искали. Джен почувствовала такое омерзение, что ее затошнило. Она задохнулась и поспешила выскочить на свежий воздух.

— Сосчитайте, все ли?—простонала она упавшим голосом и вышла, пошатываясь и вдыхая полной грудью свежий воздух.

На долю Шелдона выпала неприятная задача опознать копченые головы. Они все были тут—ровно девять голов белолицых спутников Тюдора, к которым Шелдон успел достаточно приглядеться во время их пребывания в Беранде. Бину-Чарли, заинтересованный этой процедурой, усердно помогал ему поворачивать эти иссеченные топорами головы во все стороны, чтобы можно было получше разглядеть их искаженные черты. Дикари из Пунга-Пунга, видимо, наслаждались безобразным зрелищем, а таитяне высказывали явное отвращение и бормотали проклятия. Матапу до того рассердился, что толкнул в бок ветхого старика, продолжавшего как ни в чем не бывало подкидывать хворост в огонь. Старик упал ничком в кучу золы и захрюкал, как свинья, которую собираются резать.

Нашлось много других провяленных и прокопченных голов в этом своеобразном музее, но, за исключением только двух, все это были головы чернокожих.

«Вот какая охота идет в этой мрачной, злокозненной пуще»,—подумал Шелдон, разглядывая эти черепа. Как ни хотелось ему поскорее выбраться из этой удушливой атмосферы, но он не мог не остановиться при виде одной из находок бину-Чарли.

— Мой знает черный мария, мой знает белый мария!—докладывал бину-Чарли.—Но мой не знает такой мария. Какой это мария?

Шелдон посмотрел на находку. Это было старое, сморщенное, почерневшее, как мумия, лицо китаянки. Видно было, что голова эта уже много лет висела в дымной хижине Чорта-Чорта. Как она сюда попала, трудно было понять. Это было несомненно, лицо

женщины-китаянки, но он не слышал, чтобы на Соломоновых островах когда-либо появлялись китайцы.

В ушах ее были огромные серьги в два дюйма длиной. Когда бину-Чарли по приказанию Шелдона стер с них наросший слой грязи и копоти, то из-под пальцев его засверкали изумруд и жемчуг и червонное восточное золото. Другая голова, попавшая, очевидно, сюда тоже давным-давно, принадлежала белому человеку, как об этом неоспоримо свидетельствовали густые, закрученные рыжие усы, уцелевшие на иссохшей верхней губе. Вероятно, этот ужасный трофей оставил здесь какой-нибудь несчастный рыбак или торговец сандаловым деревом. Шелдон приказал бину-Чарли вынуть из ушей китаянки серьги, а молодцам из Пунга-Пунга—вытащить на двор старика и подпалить дом. Вскоре заполыхали и все другие дома деревушки на глазах у старого деда. С горных высот, на которых, очевидно, находились другие такие же деревушки, донесся барабанный бой и трубные звуки. Но Шелдон свою задачу выполнил.

Ему здесь больше уже нечего было делать. Участь всех участников экспедиции Тюдора была выяснена, и оставалось только возвращаться восвояси. Предстоял длинный и трудный путь из страны охотников за головами.

Отпустив на волю двух пленников, которые сейчас же убежали, они спустились по крутой и глубокой дорожке и погрузились вновь в удушливую атмосферу джунглей.

Перед глазами Джен стояла безобразная картина, так сильно взволновавшая ее, и она шла впереди Шелдона подавленная и пришибленная. С полчаса они подвигались молча. Потом на ее посиневших губах появилась улыбка, и она обернулась к Шелдону:

— Не думаю, чтобы меня потянуло когда-либо опять нанести визит этим охотникам за головами. Приключение, действительно, интересное, но, знает ли, хорошенького понемножку. Отныне с меня довольно будет экскурсий вокруг плантации, или, быть может, при случае, приму участие в спасании какой-нибудь другой шхуны в роде «Марты». Но бушменам Гвадалканара нечего бояться, что я приду к ним опять. Я уверена, что в течение целых месяцев меня будут душить по ночам кошмары. Ух, какие звери!

К ночи они дошли до лагеря, где лежал Тюдор. Тюдор хотя и окреп немного, но все же его пришлось нести на носилках.

Опухоль на плече раненого дикаря из Пунга-Пунга понемногу спадала, но Арагу все еще сильно хромал. У него не переставала болеть раненая нога.

Спустя двое суток путники добрались до Карли, где их ожидали оставленные ими лодки. Спустившись вниз по реке и обойдя пороги, они к вечеру третьего дня, наконец, прибыли в Беранду. Джен

отстегнула свой Кольт со вздохом облегчения и повесила его на гвоздь, на обычное место, а Шелдон тоже вздохнул полной грудью при виде того, как она это делала, радуясь, что они возвратились к своему домашнему очагу. Впрочем, эта радость отравлялась тем обстоятельством, что Джен немедленно принялась ухаживать за Тюдором и долго оставалась на веранде, где он лежал в гамаке под задернутой сеткой.

ГЛАВА XXVI

Пламя разгорается

Пока выздоравливал Тюдор, в Беранде царили невозмутимая тишина и спокойствие. Прошло таким образом недели полторы мирной и тихой жизни. Работа на плантации протекала равномерно, как заведенные часы. После подавления мятежа, затеянного Тугуми и его сотоварищами, водворился полный порядок. «Марта» увезла из Беранды еще два десятка наемников, отбывших свой срок, а вновь завербованные, с которыми обращались как следует, оказались хорошими работниками. Объезжая плантацию, Шелдон удивлялся, как ему самому не приходило в голову до сих пор завести верховую лошадь. Он наслаждался комфортом и теми улучшениями, которыми обязан был Джен. Она привела этих работников из Пунга-Пунга, она развела эти новые питомники и огороды. Она же выхватила у моря и приобрела почти даром это превосходное судно, «Марту», которое приносило отличные барыши, несмотря на медлительность чересчур осторожного капитана Кинроса, и Беранда справлялась с финансовым кризисом и обещала в недалеком будущем превратиться в очень доходное предприятие. По мере того как черные работники расчищали кустарник и лес, вырубали тростник и сажали новые саженцы кокосовых пальм, плантация разрасталась все шире и шире. Все это вместе взятое, не говоря о тысяче других мелочей, постоянно напоминало Шелдону, сколь многим он обязан Джен, этой стройной девушке, любительнице приключений с длинноствольным Кольтом у пояса, в серых глазах которой светился из-под низких бровей романтический огонек. Он вспомнил, как ее выбросила на эти берега вместе с этой храброй дружиной таитян ревущая буря и как она смело тогда вошла в его дом и повесила над биллиардным столом свою кобуру с револьвером и широкополую шляпу. Он давно уже позабыл о том, как она на первых порах выводила его из себя, и всецело поддался обаянию этой чудной девушки. Его приводили в восторг те самые черты, которые сначала так отталкивали его: мальчишеский задор и любовь к приключениям; рискованные забавы в роде плавания в таком месте, где водятся

акулы; настойчивое желание самой отправиться вербовать рабочих на Малаиту; пристрастие к морским прогулкам и кораблям; резкие командные окрики при спуске вельбота, когда она отправлялась со своими спутниками глушить рыбу в Бейльсуне, с фитилем в одной руке и пироксилиновой шашкой в другой; наивное до последней степени пренебрежение к самым общеприятным приличиям и условностям; ребяческий пыл при спорах; ретивая любовь к свободе, как у пугливой птички, и страстное отстаивание своей независимости. Теперь он все это любил и ценил в ней. Теперь уже он не пытался и не хотел сдерживать и укрощать ее, хотя и трудно было, укротив ее, покорить.

Порою мысль о ней доводила его до исступления. Охваченный любовным пламенем, он останавливал коня, закрывал глаза и забывался. Перед ним вставал ее образ, он видел ее такою, какой она была в тот день, когда бешеные волны выкинули ее на берег, и она появилась перед ним на веранде с воинственным видом и бросила ему упрек в том, что он равнодушно относится к людям, рискующим утонуть на его глазах. А опомнившись и тронув поводья, он тысячи раз спрашивал себя: как ему быть? Каким образом подойти к этому прелестному существу, похожему на дикую птичку, ежеминутно готовую вспорхнуть и улететь от него.

Было ясно, как день, что Тюдор тоже влюбился. Этот выздоравливающий проходимец, отлежавшийся на веранде, был еще настолько слаб, что не мог подняться на ноги, и, тем не менее, уже требовал, чтобы его посадили за обеденный стол вместе с ними. Шелдон заметил, что Тюдор все более и более начинает интересоваться девушкой и перестает подшучивать над ним при встречах. Это прекращение шутливой пикировки походило на разрыв дипломатических сношений перед объявлением открытой войны. Возникшее подозрение не замедлило подтвердиться целым рядом других доказательств. Тюдор не скрывал того удовольствия, которое ему доставляло присутствие Джен, и, очевидно, изо всех сил старался заинтересовать ее и очаровать рассказами о своих собственных героических приключениях. Нередко, возвращаясь по утрам с объезда плантации, со склада или сушилки, Шелдон заставал эту парочку на веранде. Джен жадно слушала рассказы Тюдора, а тот с увлечением расписывал ей свои похождения в самых различных уголках света.

Вдобавок Шелдон не раз подмечал, как Тюдор пожирает ее глазами и как при этом на лице его появляется чисто животное выражение, и невольно задавался вопросом: неужели и сам он так же противно выглядит по временам. Про себя он был твердо уверен, во-первых, в том, что Тюдор совсем неподходящий человек для Джен и не способен доставить ей счастье, во-вторых, что Джен слишком чуткая

девушка, чтобы попасть на удочку столь поверхностного и легкомысленного франта, и, наконец, в том, что Тюдор ошибется в своих расчетах. И тем не менее, неугомонная ревность искушала его мучительным страхом: а ну, как этот франт не ошибется и сумеет ослепить и обмануть ее своей фальшью? Впрочем, не могло быть сомнения в том, что Тюдор не распознал ее души и совершенно не догадывается, до чего сильна в ней дикая любовь к свободе и независимости. Вот тут он и попадется: пускай-ка попробует поймать и удержать ее. А все-таки, наперекор очевидности, Шелдона беспокоила мысль: а вдруг он сам ошибется в оценке характера Джен, а Тюдор попал в точку.

Положение создалось неприятное и заставляло задумываться. На долю Шелдона выпала трудная роль, ему волей-неволей приходилось только наблюдать и выжидать, между тем как его соперник всячески изловчался завладеть капризной добычей. Кроме того, Тюдор усвоил крайне неприятную манеру по отношению к Шелдону. Наступивший разрыв дипломатических сношений между ними делал Тюдора совершенно неуязвимым. Шелдон чувствовал, что вспыхнувший между ними антагонизм разгорается час-от-часу все больше и больше. И, охваченный ревностью, он сильно преувеличивал его размеры. Тюдор гостил в чужом доме. Он был в Беранде не свой человек, и теперь, когда поправился, ему давно пора собираться в отъезд. Однако, невзирая на это и на то, что к ним уже заходил почтовый пароход по дороге в Сидней, Тюдор и не думал подниматься с места. Он расположился у них, как у себя дома, занимался спортом, ездил глушить рыбу в компании Джен, ходил на охоту за голубями, расставлял капканы на крокодилов и упражнялся в стрельбе из ружья и револьвера.

Но правила гостеприимства не позволяли Шелдону даже заикнуться о том, что гостю пора сложить свои чемоданы. Ему хотелось предостеречь Джен, но он удержался бы от этого, даже если бы он знал что-нибудь такое, что могло бы скомпрометировать Тюдора в ее глазах. Но хуже всего было то, что ему нечего было сказать против Тюдора, и ему временами казалось, что его отвращение к гостю вызвано неосновательным пробуждением ревности. А наружно он всегда оставался спокойным, приветливая улыбка не сходила с его лица. Работа на плантации шла своим чередом, «Марта» и «Флиберти-Джиббет» то прибывали, то уходили, их капитаны, как водится всегда в таких случаях, заходили поболтать, пропустить стаканчик-другой и сыграть партию на биллиарде в ожидании бриза. Сатана попрежнему исполнял свою службу и держал чернокожих на приличном расстоянии от усадьбы.

Баучер приезжал в гости аккуратно каждое воскресенье на своем вельботе. Два раза на день, за завтраком и обедом, Джен, Шелдон и Тюдор дружески сходились за общим столом, а вечера мило проводили на веранде.

В конце концов сорвалось. Тюдор не выдержал, не рассчитал и промахнулся, совершенно не подозревая, до чего Джен дика и капризна, до какой степени она возмущается малейшим принуждением и насилием, до чего она ненавидит всякие замашки господства, и приняв ее лучистый, загоревшийся энтузиазмом взор во время его рассказа за проявление чувства неги и страсти, он внезапно привлек ее к себе и обнял. Она вспыхнула от негодования, а он ее суровый отпор объяснил девичьей стыдливостью. Столкновение это произошло на веранде после завтрака. Шелдон сидел у себя в кабинете за письменным столом и перелистывал новый прейскурант оптового торговца в Сиднее, делая на нем отметки о необходимых заказах. Вдруг он услышал резкое восклицание Джен и тотчас вслед за этим столь же резкий звук пощечины. Вырвавшись из противных рук, силившихся ее удержать, Джен со всего размаха влепила Тюдору такую затрещину, которая была почувствительней удара кулаком негодяю Гугуми. Шелдон быстро поднялся, но опять уселся на место, так что, когда Джен распахнула дверь, входя в комнату, он уже вполне овладел собою.

На бледном лице оскорбленной девушки выступили красные пятна, напомнившие ему ту минуту, когда он впервые увидел ее разгневанной. Она крепко стискивала левой рукой локоть своей правой руки.

— Он ушиб мне локоть,—бросила она, отвечая на его вопросительный взгляд.

Он улыбнулся невольно. Так это шло к ней. Так она походила на обиженного мальчика, прибежавшего с жалобой, что его больно ударили. Видно было, что она совсем не знала мужчин и не знает, как с ними надо обращаться в таких случаях. В ушах Шелдона все еще раздавался звук пощечины, и, глядя на эту плачущую девушку, жалующуюся на ушибленную руку, его улыбка расплывалась все шире и шире.

Эта улыбка заставила Джен почувствовать, в какое невозможно глупое положение она себя поставила своим плачем, и яркая краска залила ее лицо, лоб и шею по самые уши.

— Он... он...—тщетно пыталась она объяснить свое возмущение и, не договорив, бросилась вон из комнаты вниз по ступенькам.

Шелдон сидел и раздумывал. Сначала он взглянул на дело с комической его стороны, но чем глубже взвешивал поступок Тюдора, тем более негодовал. Будь на месте Джен другая женщина, это

событие могло показаться забавным, но как можно было решиться насильно целовать такую девушку, как Джен? Какое кощунство! Как только у него хватило ума выкинуть такую штуку. Наконец, Шелдон чувствовал себя оскорбленным и лично. У него пытались отнять сокровище, которое он привык считать своим, и необузданная ревность душила его при мысли об этом подлом насилии.

Размышления его были прерваны Тюдором, который вошел, хлопнув дверью, и уставился молча на Шелдона. Видно было, что он взбешен. Шелдон не ожидал с его стороны такого нахальства.

— Ну, что?—произнес Тюдор вызывающим тоном.

Дар слова вернулся к ошеломленному от изумления Шелдону.

— Я надеюсь, что ничего подобного больше не повторится, вот и все! Кроме того, мой вельбот всегда к вашим услугам. Он может всегда очень скоро доставить вас в Тулаги.

— Вы думаете, что дело так просто?—возразил Тюдор.

— Не понимаю, что вы хотите сказать!

— Вы не понимаете, потому что не хотите понять!

— Опять-таки не понимаю вас,—хладнокровно заметил Шелдон.—Мне ясно только одно, что вы делаете из мухи слона и преувеличиваете значение вашей собственной выходки.

Тюдор ехидно улыбнулся на это и возразил:

— Похоже на то, что вы сами раздуваете это дело, предлагая мне убираться отсюда вон. Вы намекаете на то, что в Беранде нам тесно вдвоем. Так позвольте же вам заметить, что и на Соломоновых островах мы не сможем с вами ужиться, они тоже чересчур тесны для нас обоих. С этим делом надо основательно покончить, немедленно и на месте!

— Я могу понять, что вам нравится корчить из себя шарлатана,—продолжал усталым голосом Шелдон,—но решительно отказываюсь понять, при чем тут я и почему вы пристаете ко мне. Или вы хотите затеять ссору?

— Да, я хочу, разумеется!

— Но зачем же вам это?

Тюдор смерил Шелдона убийственным взором.

— У вас душа какой-то мокрицы! Вы сквозь пальцы смотрите, когда ухаживают за вашей женой...

— У меня нет жены!—прервал его Шелдон.

— Вам следовало бы ее иметь. Иначе такое положение оскорбительно для вас. Почему вы не женитесь на ней? Даже я был бы рад этой чести!

На этот раз Шелдон не выдержал и вскипел.

— Вы...—начал он зычным голосом, но тотчас же взял себя в руки и продолжал в более умеренном тоне:—Не мешало бы вам

чего-нибудь выпить и чуть-чуть успокоиться. Советую вам это от души. Уверен, что, придя немного в себя, вы сами увидите, что вам здесь больше нечего делать после всего того, что вы тут наговорили. Немного охладившись, вы можете отправляться в поход. Я сейчас позову людей и прикажу спустить на море шлюпку. К восьми часам вечера вы попадете в Тулаги.

Он встал и направился к выходу, чтобы немедленно привести в исполнение задуманный план, но Тюдор схватил его за плечо и заставил вернуться.

— Вот что, Шелдон! Я говорил уже вам, что Соломоновы острова слишком тесны для нас обоих. Я говорил это не зря!

— Что это значит? Вы хотите купить у меня Беранду со всем инвентарем?—спросил с недоумением Шелдон.

— Нет, не то! Я предлагаю вам драться!

— Ну, какого чорта вам от меня нужно? С какой стати мы будем драться?

Чем более упрямился Тюдор, тем более возмущался Шелдон.

— Нам нечего с вами делить. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогал и не становлюсь вам поперек дороги. Вы у меня в гостях. Мисс Лэкленд—мой компаньон. Если вы вздумали влюбиться в нее и наскочили на неприятность, то при чем же тут я? С какой стати вы хотите драться со мною? Слава богу, мы живем в двадцатом столетии, и дуэль вышла из моды, когда мы с вами еще не родились!

— Вы сами подали повод,—упорствовал Тюдор.—Вы указали мне на дверь. Вы просто выгоняете меня из дому и еще спрашиваете, чем я недоволен! Это вам так не пройдет. Вы меня оскорбили, и я вам этого не прощу!

Шелдон снисходительно улыбнулся и стал закуривать папиросу. Но Тюдора унять было трудно.

— Вы сами скандалите и учиняете ссору,—твердил он свое.

— Никакой ссоры не может быть. Ссора предполагает две стороны, а я решительно отказываюсь ссориться с вами из-за таких пустяков.

— Я настаиваю на том, что вы сами подали повод, и я вам скажу почему.

— Вы, сударь, пьяны, должно быть!—заметил Шелдон.—Иначе я не могу объяснить себе ваше неприличное поведение.

— А я вам все-таки скажу почему. Вы не спроста раздуваете этот ничтожный инцидент и придаете ему серьезный характер. Я охочусь в ваших владениях, и вы хотите меня выгнать отсюда. Без меня вам здесь было уютно, и вы могли безмятежно ворковать с этой барышней. А теперь в вас заговорила ревность, милостивый государь! И вы затеяли ссору. Но я не уйду!

— В таком случае оставайтесь, пожалуйста! Никто вам не мешает. Из-за этого я шума не подниму. Располагайтесь, как дома, живите себе на здоровье хоть целый год!

— Она вам не жена,—продолжал Тюдор, не обращая внимания на слова хозяина.—Каждый в праве ухаживать за нею, если она не ваша жена. Но, должно быть, тут недоразумение, в которое я не впал бы, если бы внимательнее прислушивался к тем разговорам, которые ведутся на берегу. Тогда мне легче было бы догадаться. В Гувуту и Тулаги все хохочут над вами. Я свалял дурака и наивно верил, что дело обстоит так невинно, как вы его выставляете.

Шелдон был взбешен до того, что лицо и фигура Тюдора запрыгали у него перед глазами. Но наружно он все еще сдерживался и казался только уставшим от скучного спора.

— Прошу вас оставить ее в покое и не упоминать о ней больше!—сказал он.

— Почему?—воскликнул Тюдор.—Вы оба сделали из меня дурака. Подшутили надо мною. Почем я знал, что здесь дело нечисто. И вы и она держали себя, как порядочные люди. Но теперь я понял, в чем дело. А она в совершенстве разыграла роль оскорбленной супруги! Оттолкнула от себя ловеласа и упорхнула под вашу защиту. Блестящие доказательства всего того, над чем потешаются на том берегу! Компаньоны, а? Хороши компаньоны, деловые товарищи! Шутники, ей-богу!

Тут Шелдон совершенно спокойно размахнулся и изо всей силы ударил его кулаком по уху. Тюдор отлетел в сторону, споткнулся о стул и, падая, сломал его. Потом медленно встал, но не кинулся в свою очередь на обидчика.

— Теперь будете драться!—прошипел он со злостью.

Шелдон невольно расхохотался. Положение показалось ему чрезвычайно комичным. Он сделал вид, что собирается нанести удар снова. Тюдор, бледный, как смерть, стоял перед ним, сложив руки и не думая сопротивляться.

— Я не намерен драться на кулачках. Я желаю драться на смерть!—процедил он сквозь зубы.—Вы, я знаю, хороший стрелок из ружья и револьвера. И я тоже. Таким образом мы это дело и порешим!

— Да вы с ума сошли! Белены, что ли вы объелись?

— И не думал,—ответил Тюдор.—Я просто влюблен. И вновь предлагаю вам разделаться основательно и предоставляю вам выбор оружия.

Шелдон посмотрел на него внимательно и на этот раз вполне серьезно недоумевая, что за странная прихоть овладела этим человеком.

— Но трезвым людям несвойственно выкидывать такие фортели в действительной жизни,—заметил он.

— Однако, перед вами стоит человек из реальной действительности. И этот человек убьет вас сегодня же!

— Вздор и чепуха, любезнейший!—Терпение Шелдона иссякло, и он перестал сдерживаться.—Вздор и чепуха, вот и все! Люди не дерутся на дуэли в двадцатом столетии. Это... это что-то допотопное, говорю я вам!

— А что касается Джен...

— Замолчите, не упоминайте ее имени!—вспыхнул Шелдон.

— Я замолчу, ежели вы будете драться.

Шелдон развел руками безнадежно.

— А что касается Джен...

— Берегитесь, говорю я вам!—снова вспыхнул Шелдон.

— Валяйте, валяйте! Вы можете меня сколько хотите бить, но рта не закроете. Вы можете бить меня хоть каждый день с утра до вечера, но как только отпустите, я опять заговорю о Джен. Итак, дуэль? Идет?

— Слушайте, сударь...—с отчаянной решимостью заговорил Шелдон,—я не привык выслушивать и сотой доли таких дерзостей, какие вы себе позволяете преподносить мне!

— Вы наслушаетесь от меня еще больше. Я буду твердить до самого вечера одно и то же. Я настаиваю на дуэли. Я предоставляю вам все шансы избавиться от меня раз навсегда. Но я сам вас убью еще до начала заката солнца. Мы живем вне условий цивилизации. Мы с вами находимся на Соломоновых островах, и я предлагаю примитивный способ разделки. Король Эдуард, закон и порядок олицетворяются здесь комиссаром Тулаги да заезжим военным судном. Двое мужчин и женщина между ними—это старая проблема, которую мы и решим по способу доброго старого времени.

Глядя на него, Шелдону пришло в голову, что этот человек, вероятно, добивается присоединить еще одно лишнее приключение к серии своих многочисленных авантюр. Пуститься на такие штуки и затеять дикую дуэль, живя в двадцатом веке, для этого надо быть авантюристом именно такого закала.

— Зажать мне рот можно только таким способом,—продолжал дразнить Тюдор.—К личным оскорблениям вы относитесь равнодушно, я знаю. Вы слишком уравновешенны или трусливы, или то и другое вместе, чтобы быть в состоянии разговаривать и реагировать на них, как порядочный человек. Но я буду рассказывать о том, как перемывают вам косточки на том берегу... Ага, вас это задевает маленько, не правда ли? Я могу сообщить вам некоторые пикантные отрывки из того, что болтают там про вас и про эту юную

особу, разделяющую с вами хозяйственные заботы в качестве заинтересованного компаньона...

— Довольно!—заорал Шелдон не своим голосом, ибо фигура Тюдора опять запрыгала перед ним.—Вы хотите дуэли? Согласен!—Но здравый смысл и боязнь очутиться в смешном положении опять заговорили в нем с новой силой, и он прибавил вслед за этим тотчас же:

— Но это нелепо, абсурд, невозможно!

— Джен и Давид—совладельцы плантации, а? Компаньоны, деловое содружество—Джен и Давид!

Тюдор на разные темы склонял и спрягал одни и те же слова певучим насмешливым голосом.

— Замолчите же, наконец, ради...—застонал Шелдон.—И пусть будет по-вашему! Я еще ни разу в жизни не встречал такого безнадежного дурака. Какой же вы хотите дуэли? Тут ведь нет секундантов. На чем мы будем драться?

Моментально Тюдор скинул личину кривляющейся обезьяны и вернулся к обычной роли холодного, сдержанного светского человека.

— Я часто думал о том, что идеальная дуэль—это схватка, отрешенная от всяких условностей,—сказал он.—Мне приходилось не раз участвовать в дуэлях...

— Французских?—прервал Шелдон.

— Называйте их, как хотите. Но идеальная дуэль должна происходить без секундантов и без свидетелей. Два противника, только и всего. Они могут пользоваться каким угодно оружием: револьверами, ружьями, пушками, пулеметами... Они становятся на расстоянии одной мили друг от друга. Они в праве укрываться, прятаться, отступать, заходить в тыл, пускаться на всевозможные хитрости. Все и вся допускается. Словом, противники охотятся друг на друга...

— Как два диких индейца?

— Вот, вот!—воскликнул оживившийся Тюдор.—Вы схватили суть дела. И Беранда—самое подходящее место для подобной охоты, и как-раз теперь самое подходящее время. Мисс Лэкленд отдыхает и, наверное, думает, что и мы отдыхаем. У нас в распоряжении два часа до тех пор, пока она встанет. Не будем терять дорогого времени, идемте! Вы будете наступать от Бейльсуны, я—от Беранды. Обе реки обозначают границы плантации, не так ли? Отлично. Полем дуэли будет служить вся плантация. Противники обязуются не переступать границы. Вы согласны на эти условия?

— Идет! Но с вашей стороны не последует возражений против того, чтобы я отдал кое-какие распоряжения?

— Пожалуйста!—Тюдор сделал эту уступку, повинуясь чувству деликатности, которая вновь вернулась к нему после того, как он настоял на своем.

Шелдон хлопнул в ладоши, и по его приказанию немедленно слуга сбегал за Адаму-Адамом и Ноа-Ноа.

— Слушайте!—обратился к ним Шелдон.—Слушайте, этот мастер и я—мы будем драться сегодня. Или он умрет, или я. Ежели он умрет, ладно! Если я умру, вы оба охраняйте мисс Лэкленд, как зеницу ока. Возьмите ружья и сторожите ее день и ночь. Захочет она разговаривать с мистером Тюдором, хорошо! Не захочет—не впускайте его! Поняли?

Они промычали что-то в ответ и усердно закивали головами. Им много приходилось иметь дело с белыми людьми, они привыкли к обхождению с ними и никогда не задавали воросов относительно странного поведения людей этой своеобразной породы. Если эти два господина почему-либо порешили отправиться убивать друг друга, то это их дело, и островитян не касается. Последним нет никакого решительно дела до этого, они только слушаются и исполняют приказания. Они подошли к стойке и взяли себе по ружью.

— Лучше бы всем таитянам ружья,—предложил Адаму-Адам,—может произойти большой бунт.

— Ладно, раздайте им всем!—одобрил эту мысль Шелдон, выдавая патроны.

Таитяне ушли, забрав восемь ружей. Тюдор пристегнул себе пояс с патронами для ружья и револьвера. Взял в руки винтовку и остановился в дверях, поджидая соперника.

— Идемте скорей! Жаркий полдень в самом разгаре,—торопил он Шелдона, который доставал пули «экстра» для своего автоматического пистолета. Они спустились с лестницы вместе и вышли из усадьбы на пляж. Здесь они повернулись спиной друг к другу и каждый из них пошел в свою сторону: Тюдор—к Беранде, а Шелдон—к Бейльсуне.

ГЛАВА XXVII

Современная дуэль

Не успел еще Шелдон добраться до берега Бейльсуны, как до него донесся слабый звук отдаленного ружейного выстрела. Это Тюдор ему давал знать о том, что дошел до реки Беранды и возвращается теперь назад. Шелдон подал ответный сигнал в свою очередь, а затем повернулся и двинулся навстречу противнику. Он шагал, точно во сне, не помышляя о том, что идет по открытому месту. Ему просто не верилось, что это безобразие, глупое дело совершается наяву, и ему надо было сделать над собою усилие, чтобы вернуться к сознанию действительности. Он вспомнил разговор с Тюдором и пытался согласовать с здравым смыслом то, что он делает в настоящую минуту. Он вовсе не хотел убивать Тюдора. То обстоятельство, что любовные похождения этого праздного щеголя не увенчались успехом, не могло никоим образом послужить достаточным основанием для того, чтобы его убивать. Так в чем же, наконец, дело? Правда, этот молодец нанес оскорбление Джен своими повторными инсинуациями [1]) и за это получил должное возмездие. Так зачем же его теперь убивать?

Погруженный в размышления, Шелдон незаметно сам для себя прошел четверть расстояния, отделявшего одну реку от другой. И тут спохватился, что Тюдора и след простыл. Да, его не видать, в самом деле! По условиям дуэли он имел право спрятаться, и, очевидно, воспользовался этим правом. Он идет, вероятно, навстречу под прикрытием кокосовых пальм. Шелдон быстро свернул влево и спрятался в свою очередь. В это время он услышал слабый звук ружейного выстрела, и моментально вслед за этим на расстоянии каких-нибудь ста шагов от него в песок ударила пуля, отскочила от земли и рикошетом полетела в пространство. Наглядное доказательство, что как ни безумно и невероятно глупо это дело, в котором он, Шелдон, принимает участие, тем не менее, это факт! Выстрел был направлен в него. И все-таки даже теперь ему как-то не верилось. Он окинул

---

[1]) Инсинуации — оскорбительные измышления, клевета.

взглядом знакомый пейзаж и море, подернутое легкой рябью. Со стороны Тулаги виднелись на нем белые паруса шхуны, шедшей в Беранду. Поодаль на низком берегу паслась одинокая лошадь, и он зачем-то спросил себя: где же остальные? Дымок над сушильней привлек его взор, который он затем перевел сначала на бараки рабочих, потом на машинный сарай, на навесы для лодок, на усадьбу, на дом... и остановил, наконец, на маленькой сторожке, выглядывавшей из-за угла ограды.

Пробираясь теперь под защитой деревьев, Шелдон прошел еще с четверть мили. Если бы Тюдор подвигался вперед одинаковым темпом, то они должны были бы встретиться здесь. Отсюда Шелдон заключил, что Тюдор кружит. Задача в том, чтобы определить, где он теперь находится.

Ряды деревьев, расположенные под прямыми углами, давали возможность проследить взглядом одну только узенькую аллейку. Его недруг может итти по соседней аллее справа или слева. Возможно, что он находился от него в настоящую минуту на расстоянии ста шагов или полумили. Шелдон терялся и не знал, куда ему лучше итти, и подумал, что обыкновенная дуэль куда проще и удобнее, чем эта замысловатая игра в прятки. Он попробовал тоже взять в сторону, рассчитывая пересечь дугу, описываемую его противником, но тот ускользал от него, и Шелдон вышел, наконец, на расчищенное местечко, где молодые саженцы были ему ростом по пояс и служили плохой защитой и слабым прикрытием. Как-раз в тот момент, когда он сделал первый шаг по открытому месту, с правой стороны грянул выстрел, и хотя он не расслышал свиста пули, но зато услыхал, как она ударилась неподалеку в ствол пальмы.

Он подался вперед, под прикрытие старых деревьев. Вот уже вторично он попадает под обстрел, а между тем еще ни разу не видал противника. Шелдону становилось не по себе, и его разбирала досада. Чертовски неприятная штука! Как ни глупо все это, но, однако же, смертельно опасно. Здесь нельзя было избежать убийства, нельзя было отделаться выстрелом в воздух, как при старомодной дуэли. Эта взаимная охота друг за другом могла завершиться только тем, что один сразит другого, и если один из них упустит случай подстрелить противника, то этим самым увеличит шансы противника. Тут уже не приходится нежничать. «Тюдор—хитрая бестия, не даром предпочел этот род современной дуэли!»—думал Шелдон, пробираясь осторожно вперед по тому направлению, откуда раздался последний выстрел.

Тюдор опять исчез, но по следам было видно, что он углубился в самую чащу плантации. Минут через десять Шелдону удалось приметить Тюдора. Его фигура промелькнула перед ним невдалеке, в

каких-нибудь ста шагах, не более. Он проходил по той самой аллее, по которой только-что перед тем шагал Шелдон, но подвигался в противоположную сторону. Не успел Шелдон вскинуть винтовку, как тот уже спрятался. Шелдону пришла фантазия испугать хитреца, и он выпустил наобум восемь пуль из своего автоматического пистолета по тому направлению, по которому скрылся Тюдор. Пули застукали по древесным стволам. Шелдон подумал, что хорошо было бы, в самом деле, если бы в его распоряжении был пулемет. Он присел на травку под деревом и снова зарядил свой пистолет.

Тюдор вскоре после этого проделал такую же штуку. Пули дождем посыпались около Шелдона, застучали по пальмовым стволам. Некоторые пули, взвизгивая, рикошетом, отлетали в разные стороны. Одна из них, дав двойной рикошет и утратив силу, ударила Шелдона по лбу и упала к его ногам. Удар оглушил его на время, но дело ограничилось шишкой на лбу величиной с голубиное яйцо.

Охота шла своим чередом. Подойдя к опушке возле дома, Шелдон увидел домашних слуг, столпившихся на задворках и с жадным любопытством старавшихся разглядеть что-нибудь из-за деревьев. Они пересмеивались между собою и оживленно болтали на своем визгливом жаргоне. Потом он подошел к партии рабочих, расчищавших бурьян. Они делали вид, как будто не замечают его присутствия, хотя они отлично знали, что происходит дуэль. Что им за дело до того, что эти белолицые чудаки вздумали охотиться друг за другом, и что бы они ни думали по поводу исхода дуэли, они, во всяком случае, постараются утаить свои чувства от Шелдона. Он приказал им перейти на другое место подальше и пошел опять разыскивать Тюдора.

Наконец, ему наскучило кружиться и он пошел на врага прямиком. Но последний тщательно избегал открытой встречи, предпочитая хитрить, и, воспользовавшись отвагою Шелдона, дал по нем пару выстрелов и тотчас же снова пропал.

Битый час они гонялись таким образом друг за дружкой, виляя в разные стороны среди пальм: то подаваясь вперед, то отступая назад, то обходя кругом, то делая петли.

Иногда, случалось, они замечали друг друга, но лишь на одно мгновение, и выстрелы, которыми они при этом обменивались, не попадали в цель. Шелдон напал на местечко, где перед этим отдыхал и курил Тюдор, прислонившись к дереву.

Высокая трава была здесь притоптана и на земле валялся окурок папиросы и обгорелая спичка. Тут же были разбросаны какие-то блестящие мелкие стружки. Шелдон понял в чем дело. Тюдор, очевидно, надрезал свои пули и притуплял их концы, чтобы они делали более широкую рану, т.-е., попросту говоря, превращал в пули «дум-дум», запрещаемые в современной войне. Шелдон живо представил себе, что

было бы, если бы такая пуля попала в него. Вонзаясь в тело, она просверлила бы лишь ничтожную дырочку, но, вылетая, образовала бы рану величиной с чайное блюдце.

Он внезапно решил прекратить погоню и прилег на траву, защищенный справа и слева рядами пальм. А сзади и спереди у него была открытая аллея. Здесь он решил выжидать. Одно из двух: либо Тюдор пойдет к нему, либо этому делу не будет конца. Он смахнул капли пота с лица и обернул себе шею носовым платком от надоедливой мошкары и насекомых, кишевших в густой траве. Никогда еще он не чувствовал такого беспредельного отвращения к так называемым приключениям, как в эту минуту. И без того уже тошно от всех этих Баден-Пауэлей и длинноствольных Кольтов. Довольно, казалось бы, с него одной Джен, а тут еще навязался этот проходимец, искатель приключений, чорт бы его взял, тоже не придумавший ничего лучшего, как втянуть мирного плантатора в эту дикую, портящую деревья дуэль. Если когда-либо кто-нибудь по-настоящему проклинал приключения, так это Шелдон, лежавший в траве, обливаясь потом, и сражавшийся с одолевавшими его комарами да ворочавший ежеминутно головой то назад, то вперед!

Наконец, показался Тюдор. В этот момент Шелдон как-раз смотрел в ту сторону, откуда он появился. Прежде чем выйти на аллею, Тюдор высунул голову из-за деревьев и осторожно оглянулся направо, налево, потом сделал шаг вперед и остановился как будто в раздумьи, куда ему двинуться. Он стоял лицом к противнику, лежавшему в засаде в двухстах шагах от него. Тюдор служил превосходной мишенью. Шелдон нацелился, было, в самую грудь, но тотчас же наставил мушку левее, на правое плечо, и с мыслью: «Это обезвредит его», нажал собачку. Винтовка была такой силы, то могла бы прострелить насквозь человека, стоящего за версту. Пуля ударила Тюдора в плечо с такой силой, что заставила его повернуться в пол-оборота и сбила его с ног.

— Надеюсь, не убил молодца,—буркнул Шелдон, вскакивая с места и бросаясь к нему.

Опасения его рассеялись скоро. Не успел он пробежать ста шагов, как Тюдор повернулся и, стреляя левой рукой из автоматического револьвера, выпустил в Шелдона все восемь пуль. Последний отпрянул и укрылся за пальмой. Насчитав восемь выстрелов, Шелдон опять кинулся к раненому, выбил из его левой руки пистолет и навалился на него.

— Сдавайтесь!—сказал он.—Я не выпущу вас. Бороться бесполезно.

Тюдор все еще пытался сбросить его с себя.

— Успокойтесь же, наконец, говорят вам!—скомандовал Шелдон.—С меня довольно, и вам нечего кипятиться. Сдавайтесь, и кончено дело!

Тюдору поневоле пришлось уступить.

— Милая штучка, нечего сказать, эта ваша современная дуэль!— улыбнулся Шелдон и отпустил его.—Ни тени достоинства. Если бы вы еще минуту сопротивлялись, я должен был бы тыкать вас носом в землю. Я чуть не сделал этого, чтобы проучить вас как следует и убедить, что дуэли вышли из моды. Ну-ка, покажите ваше плечо!

— Вы взяли только тем,—угрюмо произнес Тюдор,—что лежали в засаде, как...

— Как дикий индеец? Совершенно верно. Вы схватили суть дела, товарищ!

На этом Шелдон отложил шутки в сторону и встал на ноги.

— Лежите тут смирно! Я пришлю за вами носилки. Рана не тяжелая. Ваше счастье, что я не следовал вашему примеру. Если бы я вас угостил вашей собственной пулей, то через отверстие можно было бы провести карету, запряженную парою лошадей, а тут только незначительная дырочка. Стоит лишь аккуратно промыть и перевязать ее, и заживет через месяц, ручаюсь! Лежите смирно и не шевелитесь! Сейчас я пришлю за вами людей.

ГЛАВА XXVIII

Капитуляция

Когда Шелдон вышел из пальмовой рощи, он увидел, что Джен стоит у ворот усадьбы, и не мог не заметить, что она сильно обрадована ему.

— Как я рада вас видеть, и выразить не могу!—приветствовала она его.—Что сталось с Тюдором? Эти последние частые выстрелы ужасно неприятно было слышать. Кто это палил, вы или он?

— Так, значит, вы уже обо всем осведомлены?—холодно ответил Шелдон.—Последние выстрелы принадлежат Тюдору. Только на этот раз он уже стрелял левой рукой. Теперь он лежит со сквозной раной в плече.

Шелдон покосился на нее исподлобья.

— Вы огорчены, да?—произнес он небрежно.

— Чем?

— Тем, что я не прикончил его.

— Разве я могла желать, чтобы вы его убили за то, что он меня поцеловал?—воскликнула она.

— Ага, так он вас поцеловал?—удивился Шелдон, как будто сделав открытие.—Помнится, вы жаловались, что он вам руку ушиб!

— Да, это можно назвать и поцелуем, хотя он попал только в самый кончик носа!—Она весело засмеялась.—Но я уже отплатила ему за это, ударив его по щеке. А он так больно стиснул мне руку, что до сих пор еще не сошел синяк! Посмотрите!

Она вздернула кверху просторный рукав своей кофточки и показала ему два синих пятнышка выше локтя.

В это время из-за деревьев показались носилки, окруженные толпой чернокожих.

— Как романтично, не правда ли?—подтрунивал Шелдон, следя за настороживщейся Джен.—А теперь мне придется выступить в роли фельдшера и врача. Забавная штучка, нечего сказать, эта дуэль двадцатого века. Сначала проткнешь человека насквозь, а потом затыкаешь дыру.

Она отстранилась, чтобы пропустить носилки, а Тюдор, до слуха которого донеслись слова разговора, приподнялся на локте здоровой руки и промолвил с злорадной улыбкой.

— Если бы я вас проткнул, то пришлось бы затыкать рану тарелкой!

— О, мерзавец!—воскликнула Джен.—Вы надрезали ваши пули?

— Не нарушая условий дуэли,—добавил Тюдор,—разрешается все. Можно было хоть динамит пустить в ход.

— Он прав!—подтвердил Шелдон, когда шествие удалилось.— Разрешалось пользоваться каким угодно оружием. Я подстерегал его, лежа в засаде, и подстрелил, как зайца, самым достойным способом. Вот вам плоды просвещения и прямой результат того, что на плантации поселилась женщина. А теперь придется пойти промыть и перевязать рану. Это сложная процедура. Надо будет сначала заглянуть в лечебник, прежде чем за нее приниматься.

— Чем же я виновата?—сказала Джен.—Что же мне было делать, когда он вздумал меня обнимать? Могло ли мне в голову притти, что он затеет такую ссору?

— Да ведь мы дрались не из-за этого! Впрочем, сейчас некогда разговаривать. Приготовьте бинты и карболку, а я тем временем почитаю медицинские руководства об огнестрельных ранах и узнаю, что и как в таких случаях нужно делать.

— А что, у него сильное кровотечение?

— Нет, пуля, повидимому, не задела важных сосудов. А могло бы быть хуже!

— Ну, в таком случае нечего ломать голову над медицинскими книгами!—сказала она.—Мне до смерти хочется узнать поскорее, что такое между вами произошло. К нам подходит «Апостол». Ветра нет, и его буксируют шлюпки. Минут через пять шхуна станет на якорь. Наверное, приехал доктор Уэлшмир. Нам следует сделать только одно: устроить Тюдора получше. Давайте внесем его в вашу комнату и положим под сетку. А доктора Уэлшмира надо предупредить, чтобы он захватил инструменты. Вышлите поскорее лодку навстречу.

Часом позднее Уэлшмир уже осматривал пациента. Он сделал ему перевязку и опять отправился на борт, обещая к обеду вернуться. Джен и Шелдон проводили его с веранды глазами.

— С тех пор, как я познакомилась с миссионерами на Соломоновых островах, я никогда еще так не радовалась их прибытию,—проговорила Джен, покачиваясь в кресле. Она взглянула на Шелдона и засмеялась.

— Это верно,—заметил Шелдон.—Я тоже, после того как свалял дурака и рисковал убить гостя.

— Но вы еще мне не рассказали, как это вышло.

— Из-за вас,—отвечал коротко Шелдон.

— Из-за меня?! Но ведь вы же сами отвергали это!

— О, тут поцелуй не при чем.—Он подошел к перилам, облокотился на них и пристально посмотрел на собеседницу.—А все-таки из-за вас же. Так и быть, расскажу. Помните, как я предупреждал вас давным-давно, что может выйти, если вы станете совладелицей Беранды. И вот, видите, теперь на том берегу пошли разговоры, разные сплетни на этот счет, и Тюдор настойчиво приставал ко мне с этими сплетнями. Согласитесь сами, что вам неудобно оставаться здесь при настоящих условиях. Лучше бы вам уехать отсюда!

— Но я не хочу уезжать отсюда!—возразила она плаксивым голосом.

— В таком случае пригласите компаньонку...

— Нет, не хочу никакой компаньонки!

— Ну, что же вы хотите, наконец? Чтобы я объезжал острова и подстреливал каждого сплетника, который осмелится пройтись на ваш счет?—спросил он в упор.

— Нет, нет, я этого не хочу!—ответила она, оживившись.—Я вам скажу, что мы сделаем. Мы просто поженимся, ну, и кончено дело! Вот!

Шелдон вытаращил глаза от изумления и, наверно, принял бы эти слова за насмешку, если бы только не видел, как горячая краска залила ее лицо.

— Как это понять?—робко спросил он.—Зачем?

— А затем, чтобы положить конец сплетням. Уважительная причина, как вы думаете?

Соблазн был велик и предстал до того неожиданно, что Шелдон чуть не поддался ему. Но его вновь охватило то чувство отвращения, которое поднялось в нем в то время, когда он лежал на траве, сражаясь с облепившими его комарами и проклиная зуд приключений. Он ответил решительно:

— Нет, лучше бы не существовало никаких уважительных причин. Я не согласен жениться ради причин...

— Какой вы смешной, в самом деле!—оборвала она его.—Вы мне прожужжали уши бесконечными разговорами о любви и браке. Бродите по плантации, как лунатик, вздыхая о том, что я для вас недоступна, пожираете меня глазами, воображая, что я этого не замечаю, и притом такими глазами, как будто третий день не обедали, мечтательно поглядываете на мой револьвер и пояс, что висят там, на гвоздике, наконец, деретесь из-за меня на дуэли и все такое прочее... А... теперь, когда я говорю, что хочу за вас замуж выйти, вы вдруг высокомерно отказываете мне в этой чести.

— Я и без того сознаю, что смешон,—ответил он, потирая шишку на лбу.—Но если такова общепринятая романтическая программа дуэли, что предмет любви, девушка, бросается в объятия счастливого победителя, то я, воля ваша, такого дурацкого колпака на себя не надену!

— А я-то воображала, что вы запрыгаете от счастья!—вздохнула она с таким простодушным видом, который показался ему подозрительным, тем более что в глазах у нее запрыгали искорки.

— Выходит, что мое представление о любви расходится с вашим,—сказал он.—Я хотел бы, чтобы женщина выходила за меня замуж по любви, а не из-за романтических бредней и преклонения перед человеком, которому посчастливилось всадить пулю в лоб противника. Признаюсь, мне до-нельзя опротивели эти глупые и гадкие приключения. Не по мне это все! Тюдор, этот типичный авантюрист и бретер, затевает ссору со мною и, кривляясь, как обезьяна, настаивает на дуэли. Он желает драться, и не просто драться, изволите видеть, а непременно «на смерть»!

— Ужасны подобные страсти!

Джен закусила губы, и хотя глаза ее смотрели как будто холодно и равнодушно, по по лицу ее видно было, что она возмущена.

— Конечно, если вы не хотите жениться на мне...

— Неправда, я хочу!—поспешно возразил он.

— Так вы хотите?

— Да разве вы не понимаете, дорогая, что я хочу, чтобы вы меня полюбили?!—вскричал он.—Что же это за брак без любви? Я не могу допустить, чтобы вы выходили за меня замуж просто из-за того, чтобы зажать рты болтунам, или под влиянием каких-нибудь романтических бредней. Я не хочу, чтобы вы... Я не хочу этого!

— О, в таком случае...—заговорила она деловым тоном, который его не мог обмануть, ибо он готов был поклясться, что в глазах у нее промелькнула плутовская искорка.—В таком случае, коль скоро вы соглашаетесь обсудить мое предложение, разрешите сделать несколько добавочных примечаний. Во-первых, не резон высмеивать приключения, когда ваша собственная жизнь вся соткана из приключений. Когда я познакомилась с вами, вы уже жили в атмосфере приключений. Вы лежали без памяти в лихорадке, окруженный двумястами дикарей-людоедов, жаждущих вашей крови. Потом явилась я...

— Да, потом появились вы, выброшенная бурей после кораблекрушения, со свитою живописных таитян, вошли ко мне в дом

в Баден-Пауэлевской шляпе, в морских сапогах, с убийственным Кольтом у пояса... О, я готов признать, разумеется, что вы походили на... духа приключений!

— Чудесно!—вскричала она восторженно.—Теперь сложите вместе ваши приключения и мои—тут самая простая арифметика. Итак, вы видите ясно, что вам нечего больше смеяться над приключениями. Далее, я не усматриваю ни капли романтизма в пошлой выходке Тюдора, когда он вздумал меня обнимать, и эта бессмысленная дуэль нисколько не похожа на настоящие интересные приключения. А что вы влюбились в меня—это обстоятельство, бесспорно, полно романтизма. Наконец, складывая романтизм с романтизмом, я думаю, что... я люблю вас, Давид, о, Давид.

Последние слова прозвучали, как стон воркующей голубки, когда Шелдон уже душил ее в своих объятиях.

— Но я люблю вас не за то, что вы сегодня дрались на дуэли,— прошептала она, склонившись к нему на плечо,—белые не должны охотиться друг за другом и убивать друг друга.

— Так за что же вы полюбили меня?—спросил он покорно, повторяя вопрос, который задают все влюбленные, этот неизменный вопрос, всегда остающийся без ответа.

— Не знаю, просто полюбила! Вы то же самое сказали мне, помните, тот раз, когда мы повели «деловой разговор»! Я вас уже давно полюбила, но больше всего в последнее время, когда вы так мило и сдержанно ревновали меня к Тюдору.

— Так, так, продолжайте!—проговорил он, задыхаясь от волнения, когда она замолчала.

— Я все ожидала, что вы нет-нет да и проговоритесь. И чем больше вы крепились, тем больше я вас любила. Вы напоминаете папу и Фона. Вы умеете себя сдерживать. Вы не беспокоились и вели себя чрезвычайно достойно.

— За исключением сегодняшнего дня,—вставил он.

— Да, но я и за это люблю вас. Надо же было когда-нибудь... Я уже начинала бояться, что вы больше никогда не заговорите на этом языке. А теперь, когда я сама сделала вам предложение, вы даже не приняли его.

Он держал ее за плечи, вытянув руки, и долго смотрел ей в глаза, уже не холодные, как бывало прежде, а подернутые влажным, упоительным блеском. Под его пристальным взором она опустила ресницы, но потом посмотрела на него доверчиво и открыто. Тогда он нежно привлек ее к себе и с каким-то торжественным чувством прижал ее к груди.

— А что сталось с вашей мечтой о собственном очаге и седле?— спросил он минуту спустя.

— Они здесь. Соломенная сторожка—мой очаг, «Марта»—мое седло... Посмотрите на эти деревья, которые я насадила, не говоря уже о сладком маисе. И все-таки виноваты вы сами. Я бы, вероятно, никогда не полюбила вас, если бы вы не заронили мне в голову этой мысли.

— Вон из-за мыса показалась «Нангасла»,—вдруг прервал ее Шелдон.—Ее тянут шлюпки. Она везет правительственного комиссара. Он направляется в Сан-Кристобаль расследовать дело об убийстве миссионера. Какое нам счастье!

— Не понимаю, что вы говорите! В чем же счастье?—сказала она с оттенком горечи в голосе.—Я предполагала провести этот вечер с вами и поговорить о многом наедине. Мне нужно задать вам тысячу вопросов... И это уже был бы не «деловой разговор»,—добавила она.

— Но мой план лучше вашего!—Шелдон остановился и подумал немного.—Знаете что? Ведь комиссар этот—единственное лицо на островах, от которого зависит официально скрепить наши узы. И на наше счастье (вот оно счастье!) доктор Уэлшмир случился тут же. Он может совершить обряд венчания, и нынче вечером мы будем с вами мужем и женой.

— Я... я думала...—прошептала она.

Но потом выражение ее лица изменилось. Оно загорелось опять так же, как несколько минут тому назад. Ее обычно холодные, равнодушные глаза стали опять неузнаваемыми, они опустились стыдливо, и она уже была не в силах поднять их вновь и встретиться с его глазами. Он обнял ее, и, чувствуя себя в его руках, как птичка, устраивающаяся в гнезде, она прошептала:

— Я твоя, Давид!..

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ